

А. КОЗЛОВ

к-р 26.89(2)
К59

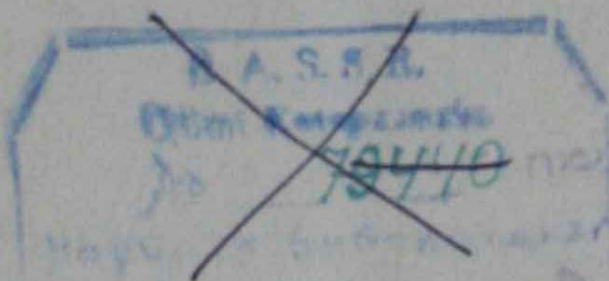
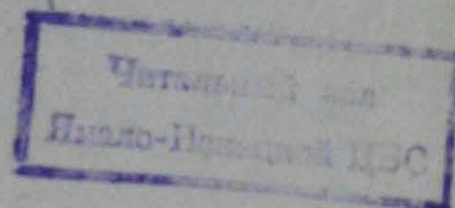
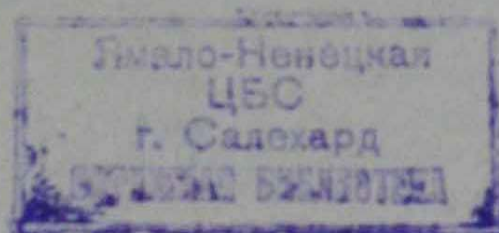
ПОЛЯРНАЯ ФАКТОРИЯ

УРАЛОГИЗ 1983

В. КОЗЛОВ

ПОЛЯРНАЯ ФАКТОРИЯ

— 4080 —

УРАЛОГИЗ

Свердловск

1933

Москва

Оглавление

I. НА ЯМАЛ	3
II. КАРАВАНОМ В ПУСТЫНЮ	8
III. СТРОЙКА ФАКТОРИИ	25
IV. БАБЬЕ ЛЕТО	57
V. ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ	81
VI. БЕСПРЕРЫВНОЕ СОЛНЦЕ	124
VII. ПЕРИОД НАВИГАЦИИ И ЛЕТНИЕ РАБОТЫ	147
VIII. ГОДОВЫЕ ИТОГИ	171

~~196643~~

Ответственный редактор **А. Н. БАШУРОВ**. Технический редактор **А. М. ГРОМОВ**. Корректор **И. Е. МАРКОВА**. Обложка работы **А. М. ГРОМОВА**. Сдано в производство 20 апреля 1933 г. Подписано к печати 22 сентября 1933 г. Уралогиз 772 Уралобллит В—39. Индекс V—Эк.—2в. Печатных листов 12. Знаков в печ. листе 37.650. Бумага 62×94₁₆. Бумажных листов—6. Свердловск. Тип. Уралогиза, тр. Полиграфкнига. Зак. № 297. Тираж 10000.

І. Н А Я М А Л

Задачи Комсеверпути. Сборы.

ЗАДАЧИ КОМСЕВЕРПУТИ

В тундрах Крайнего Севера деятельность факторий имеет большой опыт. Так на Малом Ямале и в Тазовском районе раскинута сеть факторий Госторга: Хальмер-Седе, Ивайсале, Мясо, Ямбург, Нямбойто и др. вплоть до Нового порта, расположенного на берегу Обской губы около 69° северной широты. Некоторые из этих факторий существуют свыше десяти лет.

Их работа приблизительно однотипна повсюду: снабжать туземца продуктами и промтоварами, принимать пушнину и сырье от оленеводов и промышленников, вести культурно-просветительную работу, прививать советские навыки, советскую законность.

Туземцы уже настолько свыклись с обслуживанием их факториями, что жизнь пустынной тундры рисуется словно бы невымыслимой без этой сети материальных и культурных баз.

Что касается Комсеверпути, то здесь опыта факторий не было почти никакого. Ему пришлось устраивать фактории на Большом Ямале только потому, что в распоряжении Комсеверпути имеются крупные пловучие средства. Когда возник вопрос о заброске факторий на отдаленнейшие ямальские и гыдоямские берега, то естественно, выбор пал на Комсеверпуть, располагающий большими пароходами и прекрасными лихтерами. Для организации новых факторий избраны два пункта на Обском берегу Ямала и один в заливе Гыдойма.

Кроме того, в Гыдояму же забрасывается специальный рыбо-зверобойный отряд, набранный в Красноярске. Роль этого отряда — промышленно-исследовательская. Воды Гыдоямского залива в смысле рыбности еще мало изучены.

Трудности устройства новых факторий понятны сами собой. Устье реки Тамбей, где была предположена постройка нашей фактории, на два градуса севернее крайнего населенного пункта на обском побережье — Нового порта. Это значит, что нас будут отделять сотни верст ледяной пустыни от ближайшей почты, телеграфа, газеты, радио.

Полная оторванность.

А фактория на мысу Дровяном еще севернее нас на $\frac{3}{4}$ градуса.

Мы будем первыми пионерами, оседло поселившимися на этом далеком и малоисследованном берегу. И, разумеется,

мне хотелось провести длительный срок за Полярным кругом с наибольшей продуктивностью. Поэтому, побывав и условившись в Комсеверпути, я заглянул в Омский отдел Ученого географического общества.

Говорить пришлось с секретарем отдела т. Воробьевым. Это очень инициативный и энергичный молодой человек, увлекающийся и принимающий интересы общества близко к сердцу.

Узнав, что я еду на Ямал и предлагаю сотрудничество, он с готовностью откликнулся. Широко наметил общий план желательной работы, сознался, что об этом крае исследовательские материалы весьма скудны, пообещал поддержку в смысле снабжения пособиями и необходимым инструментом.

Расстались, как бы договорившись.

— Когда вопрос о вашей поездке окончательно будет решен — приходите, — сказал он на прощание. — Мы уточним рамки будущих ваших работ и наметим план. Обществу важно знать точно пункт вашей зимовки. Хорошо, если бы это было у пролива Малыгина.

Все складывалось наилучшим образом и я подал заявление в базу.

От служащих Комсеверпути — бывалых полярников — я наслушался вдоволь жутких страхов про суровость Севера. В этот период перед отъездом, когда новички с понятной жадностью ловят каждое живое слово о невиданной стране, к рассказам бывалых людей прислушивались с особым интересом. Полярники же, насколько я заметил, всегда не прочь внушить таким слушателям почтение, даже некоторый трепет. В красках не стесняются.

— Глядите — не промахнитесь, — предостерегал сотрудник центрального правления Иванов. — Работать за полярным кругом — не шашки-валашки. У меня здоровая грудь и я привык к сибирским стужам, а там чуть не пропал. Шел по поселку в Игарке, как-то неловкодохнул и свалился замертво на снег. Грудь зажало точно раскаленным обручем. Мороз 60° по Реомюру. Шестьдесят градусов — это понимать надо!..

Такое и подобное — слышим на каждом шагу. О Туруханске, Игарке, Обдорске, где злейшие ледяные бури свирепствуют неделями, где стены прочных домов продуваются, точно парусиновая палатка, где люди месяцами не вылазят из пропотелых, вонючих, грязных мехов.

Невольно напрашивалась мысль: „но ведь эти места значительно южнее Ямала! Каково же там — на пять, шесть, восемь параллелей ближе к полюсу?“

И глубоко под сознанием возникла другая: „не преувеличены ли эти ужасы? Уж больно страшно! Если климат, действительно, так грозен, то почему люди — сами рассказчики — вновь туда едут?“

С гораздо большим интересом в этот период впитывались другие беседы бывалых.

— Придется, конечно, поработать, — говорил Вахмистров, ехавший руководить одной из факторий. — Народу мало, нанять некого — сами станем плечо к плечу. Все поголовно пойдем на промысел. Скупка пушнины у туземцев — только часть задачи. Главное — самим добыть. Для зверя у нас усовершенствованные капканы, для дичи — отличные ружья, для рыбы — первосортные сети и снасти. Кстати, вы слышали об ямальском осетре? Там каждая тоня дает 10 — 20 штук осетров по пуду весом. Понимаете, что это значит? Заготовить десять тысяч пудов за сезон — вот мой план!

— А бочки берете?

— Скажет тоже — бочки! Никаких бочек. Заморозим, сложим в штабеля. Весь полуостров — холодильник, усовершенствованный самой природой.

Я зажмурился. Картина, в самом деле, ослепительно заманчивая.

Десять тысяч осетровых поленьев по пуду штука уложены в стройные ярусы, сверкающие на солнце золотом чешуи!

Тот же Вахмистров рассказывал про свое единоборство с медведем:

— Заснули мы в палатке вдвоем с товарищем. Просыпаюсь от выстрела, крика — и обалдел. Кто-то навалился на меня, душит, шарит, скребет — милости нет! Заорал и слышу — голос точно в подушку. Ах, чорт возьми, думаю, что же такое? Шарашусь влево, вправо, тычусь руками. И, наконец, понял: медведь свалил палатку и сквозь брезент мнет меня сверху. Захватил я тут нож в руку и отгребаюсь к краю полотнища. Парусина крепкая, скользкая. У мишки когти срываются. Пыхтит, давит, а разорвать не может. Возились мы, возились — милости нет! — и каким-то родом добрался я до края. Выпростал руку и в грудь его ножом — тюк! Он разом захрапел — в сердце!.. Да, на волоске, можно сказать, был — милости нет!..

— А как же ваш товарищ?

— Эге, он-то и причина всей катавасии. Мы выследили мишек еще днем. Ночью он вышел и видит на снегу, как на ладони, два зверя. Не разбудив меня, он ба-бах одному в башку. Тот за ним, он на берег речки — там раненого прикон-

Руководители фактории: Вахмистров, Громацкий, Бархатов, Уворовский.

чил. А другой, меж тем, к палатке — и завалил. Просто — милости нет!..

Было удивительно, как в маленьком человеке с женоподобным изможденным лицом, прорезанным преждевременными глубокими морщинками, живет такая бесстрашная душа героя...

СБОРЫ

Г. Омск был отправным нашим пунктом.

Сюда к определенному дню обязаны съехаться участники экспедиции, сюда направлялось большинство грузов и здесь же из омской базы Комсеверпути предстояло получить много всевозможных товаров, продуктов и оборудования.

Отход намечался приблизительно первого-второго июля. Но уже за месяц и даже раньше началась горячка и суета.

В те дни — 1931 год — в ряде товаров ощущался острый голод. Агенты снабжения битый день рыскали по учреждениям, конторам, складам, разнюхивали, разыскивали, просили, убеждали, требовали, клянчили. Летели телеграммы в Красноярск, Москву, Свердловск, Тобольск. Выяснялось движение грузов. Работа шла напряженная. По вечерам сходились у уполномоченного с.х. отделом т. Иванова в гостиннице „Деловой двор“ и до поздней ночи подытоживали выполненное за день, планировали дальше.

Ощутительные прорывы создавал центр. Из Москвы, после настоятельных повторных запросов, приходило извещение, что такой-то груз к сроку доставлен не будет. На него твердо рассчитывали, он был заказан, согласован и гарантирован чуть ли не полгода-год тому назад — и вдруг сюрприз!.. Ликвидировать прорыв местными средствами — это значит: вновь хлопотать, просить, требовать, убеждать и, в конце-концов, получить лишь кое-что, лишь какую-то часть необходимого. Другими словами, масса непредвиденной работы и из рук вон скверное снабжение.

Выяснилось, например, что интересы с.х. отдела Комсеверпути не только не совпадают с интересами омской базы того же Комсеверпути, но в иных случаях абсолютно противоположны. Тов. Калганников, ведающий омскими складами базы, никак не хочет удовлетворить требований тов. Забелина, приехавшего из Красноярска с специальной миссией снабдить и отправить полярников.

У тов. Забелина есть широчайшие полномочия от правления, но и у тов. Калганникова тоже есть полномочия, которые, видимо, ничуть не хуже.

Тов. Забелин лично разрабатывал проекты снабжения факторий, ему известны все нормы в точных цифрах, но и т. Калганников отлично знает, что кому нужно.

Примерно, идет разговор о фруктах:

- Позвольте, но у вас же есть консервы.
- Мало ли что у меня есть... Есть всего три ящика.
- Давайте три.
- Ого!.. Последние?..

— Но поймите же, у них может случиться цынга. От банки фруктов, возможно, будет зависеть жизнь больного.

— Ерунда. Вам отдай, а потом при нужде хлопай глазами. Обойдутся ваши полярники.

Споры и разногласия происходят на виду, в общей комнате береговой конторы, в присутствии рабочих и служащих.

Как в больших вопросах, так и в малых, скрипело, заедало и тормозилось. Нарастали с обеих сторон раздражения и нервность.

Дошло до того, что Забелин и Иванов восклицали по одному из поводов.

— Это же явное вредительство!

Для человека с государственным оглядом — основание полярных факторий — крупное дело общественного масштаба. Для чиновника — чужой, малокасающийся его узко районных интересов вопрос, досадно путающий местные планы снабжения. Понаехали, мол, откуда-то из центрального правления ферты — и все им подай! Вывороти из складов все потроха.

Чиновнический кругозор рождает чиновническое отношение, с привкусом, видимо, не изжитого еще чиновнического местничества.

К глубокому моему огорчению, с сотрудничеством для Географического общества дело не сладилось.

Когда я перед отъездом зашел, секретаря не оказалось. Меня принял председатель Андреев-Долгов. Выслушал он не очень внимательно, слегка позевывая, видимо, в силу лишь необходимости слушать, раз пустил в кабинет.

— Ямал?.. Гм... Ну, какие там интересны исследования?.. Впрочем, от нас — от Убекосибири — туда направлена экспедиция. С нею и Воробьев — вы, вероятно, там его встретите, — сказал он скучающим тоном.

Оказалось, что помимо возглавления Омского географического отдела он является также и начальником Убекосибири. Когда я заговорил о приборах и инструментах для метеорологических наблюдений, он лениво отмахнулся.

— Что вы! Откуда у нас инструменты? Экспедицию и то кое-как снабдили. С бору да с сосенки собирали. Впрочем, в Новом порту вы догоните Воробьева и скажите: пусть снабдит вас, чем сможет.

Мне стало неловко. Показалось, что и впрямь какой-то Ямал, у чорта на куличиках, не представляет собой ничего интересного. С тем и ушел, получив в напутствие еще один ленивый зевок.

В Новый порт мы прибыли спустя целый месяц. Экспедиции, в которой участвовал Воробьев, там уже не было.

И если за тринадцатимесячное пребывание на Ямале мне случалось иногда с досадой думать о несостоявшейся работе для географов, то воспоминание о скучающе-ленивой позевоте быстро сгоняло досаду: не такой уж пуп земли — Ямал, чтобы раскатать скучающего председателя!

II. КАРАВАНОМ В ПУСТЫНЮ

Иртыш. Тобольск — Обдорск. Обская губа. Таз. Новый порт. Последние мили и первые впечатления

ИРТЫШ

Из Омска мы ушли в такую пору, что, пожалуй, никто, кроме вахтенной команды, и не видел предместий города. Когда пассажиры проснулись, караван уже был в ходу. Пасмурное небо клало свой отпечаток на воду: она казалась холодной, противно-грязной.

Сибирь вообще богата большими реками, однако и среди них Иртыш выделяется своей могучестью и полноводием на огромном протяжении. Круглое лето по нему рейсируют большие срочные пароходы с солидной для речного судоходства осадкой. И хотя в период наибольшего обмеления передаются по телеграфу уровни воды на угрожающих участках, но, кажется, Иртыш еще ни разу не подводил лоцманов. От Семипалатинска до Тобольска рейсы совершаются регулярно и беспрепятственно. Конец немалый — свыше тысячи километров по прямой воздушной линии. А если принять во внимание извилистость реки и капризность фарватера, то, пожалуй, — вдвое. Судоходен Иртыш и выше Семипалатинска, и ниже Тобольска, вплоть до Самарова, где он впадает в Обь.

В старинной песне поется о „тихом берегу Иртыша“ и, действительно, панорама берегов здесь тихая и дикая. Ни картинных нависших утесов, ни поразительных скал, ни цветущих ярких долин, богатых красками. Иртыш на эффекты скуп. И все же, в солнечный ли день или в пасмурь можно просидеть на палубе с утра до вечера, не отрывая глаз от медленно разворачивающейся ленты пейзажа.

Местами берега голы и буры, с проплешинами свежих обвалов. Суглинок скучным бугром уходит из глаз, скрывая, должно быть, такую же однообразную и скучную равнину. Но вот пошел тальник. Гуще, выше, зеленей — заплелся в непролазную чащу стволов и веток, спустился к самой воде и повис зеленым тенистым козырьком.

„Микоян“ на повороте крутого зигзага реки дает басовитый короткий гудок: „дорогу“! Огибает низкий песчаный островок, поросший осокой и чахлым кустарником. Стайками

взлетают утки, быстро и неуклюже машут крыльями, словно боясь упасть, и здесь же рядом садятся, вытягивая вперед лапки еще за несколько метров до земли. Их лет и спуск похожи на то, как ходит годовалый ребенок или барахтается в воде робкий, начинающий пловец.

Уткам на Иртыше нет счета. Едущий с нами охотник рассказывает, что здесь насчитывается до одиннадцати различных пород этой птицы.

И так по всему Иртышу. Бурая глина и желто-серый песок сменяются хмурыми лесами из ели, лиственницы, — темным „урманом“, таящим таежные тайны, или березовыми рощами, крепкими и красивыми, как девушки сибирских сел, а чаще всего невзыскательным тальником, цепко хватающимся за каждый свободный кусок земли и умеющим приспособляться даже к суровым широтам Полярного круга.

Наш караван состоит из лихтера „Северопуть“ и одной деревянной баржи. Они пришвартованы друг к другу, плывут рядом. Сзади на легких тросах идут деревянный паузок и моторный катер „Морж“, служащий при караване в качестве посыльного судна, а иногда и буксира.

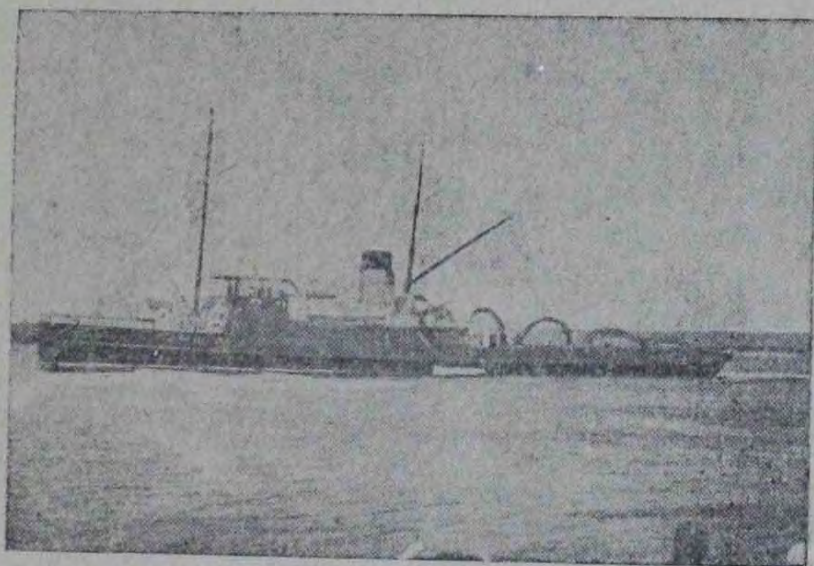
Эту разношерстную эскадру ведет красавец и силач „Анастас Микоян“ — гордость сибирского речного флота.

Мы, — факторийцы, — уместились на „Северопути“ — большом лихтере, с нормальной грузоподъемностью в три тысячи тонн.

Знаете ли вы, что представляет собою современный усовершенствованный лихтер? Это та же баржа, но со всевозможными приспособлениями и удобствами.

Начать хотя бы с того, что „Северопуть“ не деревянный, как простые баржи, а весь железный, от киля до верхней палубы. Хотя он самостоятельно ходить не может — его тянет буксирный пароход — однако на нем имеется паровой двигатель для внутреннего обслуживания. Два грузоподъемных крана, динамомашин, прачечная, баня, несколько кипятильников, брашпиль, кухня, пекарни, паровое отопление — все работает благодаря двигателю.

Помещения на лихтере просторны и удобны, но нас так много, что пришлось потесниться. Отведенного нам носового

Теплоход „Анастас Микоян“

кубрика нехватало. Часть промышленников и ловцов рыбо-зверобойного отряда расположилась наверху в палатках.

Едем весело и шумно. Народ собрался из разных мест, между собою незнакомы, и делать в дороге нечего. Время проходит в оживленных разговорах, чаях, завтраках, обедах.

Появился граммофон зверобойников с двумя ящиками пластинок. У молодежи — гитары, балалайки, мандолины. Определились таланты в пении и музыке. Походная жизнь быстро наладилась.

Прислушиваясь к разговорам и знакомясь с товарищами, не трудно сообразить, что большинство нашей пестрой компании едет на полярную зимовку впервые. Старые зимовщики — бывалые полярники — резко выделяются из толпы. К ним все обращаются с расспросами, они „видали виды“, и тон у них соответственно авторитетный, знающий себе цену.

Каждому отважившемуся ехать за Полярный круг слишком много наговорили жуткого. В представлении правда густо перемешалась с небылицами, и черта за шестьдесят седьмым градусом рисуется зловещей и страшной. Хочется хоть что-нибудь узнать положительное и успокоить душу.

Ехать долго, больше месяца. Первые два дня утряхаемся, устраиваемся, размещаемся, выбираем старшин по кубрику, по котлу, устанавливаем распорядок походной жизни.

По три человека от каждой фактории спустились в трюм разобраться в товарах.

Вероятно, потому, что для Комсверпути это первый случай засылки разом нескольких факторий, а возможно просто не оказалось опытного руководителя, — но в трюме полная неразбериха. Товары не отсортированы и не распределены. Пришлось здесь же наскоро раскупоривать ящики, делить мануфактуру, галантерею, посуду, скобяные вещи и множество всевозможной мелочи. Сызнова закупоривали уже кое-как — за отсутствием материала. Складывали в отдельные кучи в разных сторонах трюма. Каждая фактория, отделив свой товар, должна впоследствии, по приходе к месту назначения, найти его и извлечь из трюма. Конечно, это было бы полбеды, если бы грузы оставались в том положении и порядке, как мы их уложили при дележе. Но в пути на многих остановках принимались новые и новые тюки, ящики, мешки. Омская отгрузка оказалась заваленной. Чтобы втиснуть непомещающуюся кладь, все сдвигалось, перемещалось с одного места на другое. Получилась в результате товарная каша.

На „Микояне“ тоже кутерьма. Чистый, будто заново отлакированный, с горящей на солнце „медяшкой“, с прекрасно вымытой палубой — в обычное время он абсолютно не похож на буксирное торговое судно.

Его блестящая внешность сделала бы честь любому военному флоту. На нем всегда тишина и порядок. Кают-компания, красный уголок, каюты комсостава, даже каюты машинной команды, рулевых и палубных матросов — все сияет и блещет отмеченной чистотой.

Но сейчас порядок нарушен и „Микоян“ потерял свой щегольский подтянутый вид. В кают-компании спят пассажиры, красный уголок битком набит женщинами и детьми.

Только Иртыш покойно и невозмутимо делает свое дело: без западней и сюрпризов несет на широкой груди наш караван, а ветер плюется мутной и пенистой волной.

ТОБОЛЬСК — ОБДОРСК

В Тобольск пришли на пятый день. В этот же срок ходят и почтово-пассажирские пароходы по расписанию. „Микоян“, несмотря на буксируемый караван, нисколько не отстает в быстроте от легких срочных судов. Мы горды нашим „Микояном“...

В нынешние дни Тобольск, разумеется, много потерял в былом своем значении. Прежде всего причиной является железная дорога, прошедшая далеко стороной и притянувшая к себе большую часть грузооборота края. До постройки железной дороги это был очень бойкий и влиятель-

Берега Иртыша

ный центр с весьма внушительной торговлей. Сюда стекались пушнина, сырье и рыбопродукты не только с Зауральского Севера, но и с востока, и с юга по Иртышу, Оби и их притокам, и гужом — на оленях, лошадях.

Тобольск гремел на всю Сибирь, тобольское купечество славилось капиталами. В административном отношении он также был обособленным центром.

Теперь Тобольск поник. Административно он подчинен областным организациям в Свердловске; как пункт промышленно-заготовительный, имеет лишь районное значение. Его положение водного узла — судоходный Тобол впадает в судоходный Иртыш — дает ему кое-какие транзитные преимущества пред другими районными центрами Зауралья, но — и только.

Блеск потускнел, „купецкая слава“ закатилась.

Все же Тобольск просвещеннее, культурнее, благоустроеннее прочих городов северной Сибири. И красивее.

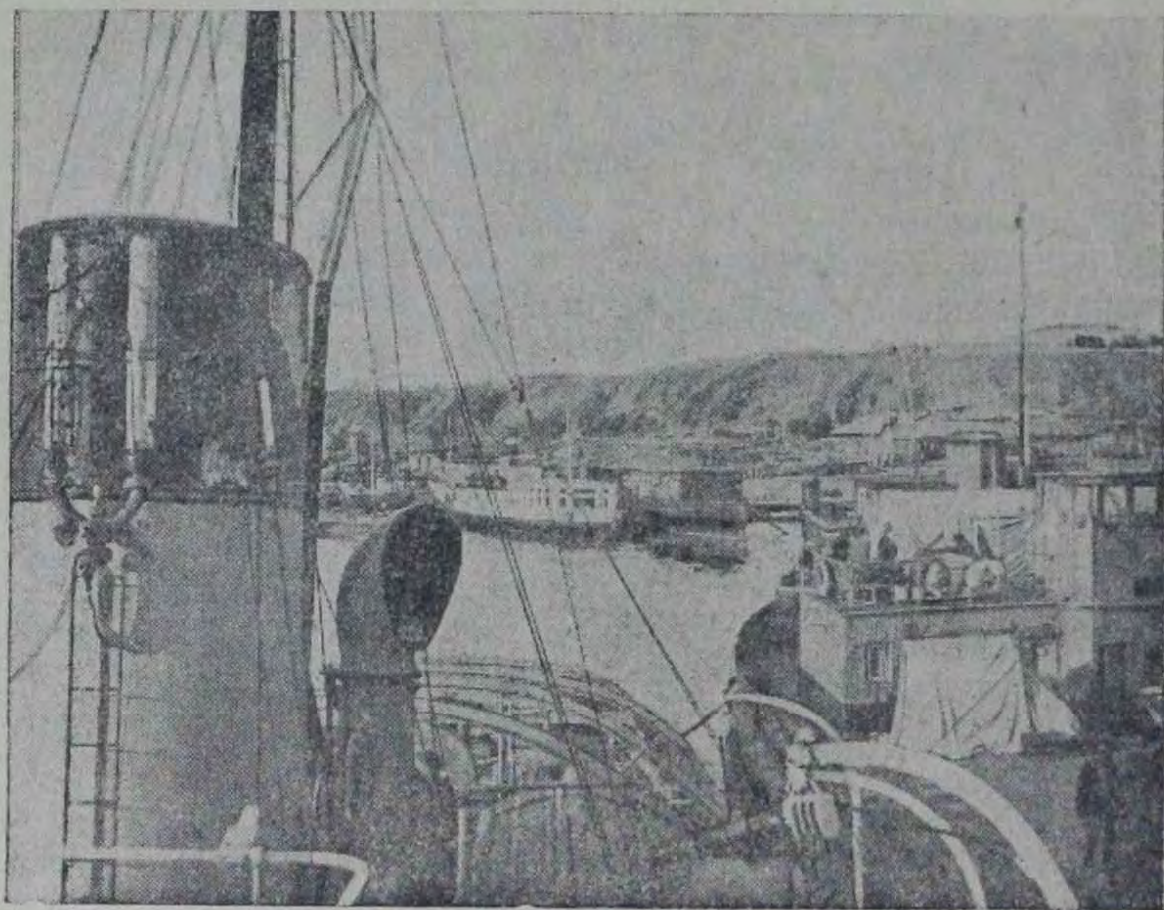
Некоторые центральные улицы распланированы и застроены совсем по-европейски. Есть большие здания, хорошие магазины. Словом, Тобольск не чета разным Тарам, Обдорским и Енисейским, похожим на большие села и разбросан-

ным по-сибирски: вкривь, вкось и как попало, в переплет убого-деревенское с зажиточно-городским.

Проектирующаяся вторая магистраль железной дороги— Северная— пройдет через Тобольск, и значение его, надо думать, вновь возрастет, но это в будущем...

Мы простояли здесь больше недели.

Местные завыв складов Госторга и кооперации оказались гораздо отзывчивее на нужды и просьбы полярников, чем их омские коллеги. Вероятно, это потому, что Тобольск является последним крупно-товарным центром на нашем Севере. Ему понятнее оторванность и заброшенность полярных факторий.

Пристань в Тобольске

Он искони специализировался на заготовках пушнины и полярного сырья, он близко знаком не только с общим характером работы в полярной тундре, но и со всеми деталями.

Вновь замелькали коробка, боченки, ящики, мешки. Огромные трюмы лихтера стали тесными. Всевозможными кладами начала обрастать верхняя палуба.

Среди пассажиров-зимовщиков — озабоченность и суета: старые полярники в пути уже успели кое-что порассказать об ужасах цыгги. За луком, чесноком, ягодами организовалась женщинами своеобразная соревновательная охота. Тобольским рыночным торговкам должно быть не часто выпадали такие удачные деньки, как во время нашей стоянки.

Между прочим, здесь к общему удовлетворению разрешился весьма сложный „детский“ вопрос. Дело в том, что несколько работников факторий взяли с собой семьи с ма-

ленькими ребятами, до грудных включительно. Повидимому, никто из организаторов новых факторий в точности не знал, в какой именно обстановке пройдет это полярное зимовье. С наймом же кадров на Дальний Север было вообще туго, особенно с квалифицированными работниками. Желających мало, выбора никакого. Приходилось брать каждого, из'явившего охоту, и считаться со всевозможными требованиями. В результате одна из кают на „Микояне“ оказалась сплошь заполненной ребятами мал-мала меньше.

В Тобольске присоединился к каравану руководитель всей нашей экспедиции В. П. Евладов, уже зимовавший на Ямале и ясно предвидевший, в каких условиях нам придется жить. Отправке детей он решительно воспротивился.

Как это ни странно, но отцы и матери выказали необыкновенное упорство. В беседе со мной одна из матерей упрямо повторяла:

— Ну, что ж, и пусть погибают!..

В конце-концов доводами и посулами все же удалось убедить их. Наняли в городе специальный дом, расселили все семьи, снабдили чем только возможно, пообещали снабжать и впредь до возвращения отцов.

Вряд ли кто-либо из работников факторий в те дни хоть приблизительно мог представить, как устроится жизнь на пустынном Ямале, но все без исключения вздохнули легче. Точно камень с души!..

Не для тобольской только стоянки, а для всего путешествия, от Омска до места назначения, крайне характерна тревожно-взволнованная спешка. Во всех разговорах как деловых, так и праздных, с бесчисленными вариациями повторялась одна и та же фраза: — Опоздаем — пропали, беда!..

Мне очень хотелось допытаться, к какому именно сроку караван не должен опоздать, но никто этого срока не знал.

— Вы хоть и плавали по морям, однако не имеете представления, что значит шторм в Карском море или в Обской губе. Крышка, могила!..

Так и плыли по тихим водам Иртыша и Оби, перепуганные рассказами о чудовищных штормах, подстерегающих нас на губе и в Карском море.

От Тобольска до Обдорска останавливались несколько раз для погрузок. К каравану прибавилось две больших баржи и целая флотилия моторных лодок, ботов, паузков. Вся эта пе-страя эскадра почти до отказа загружена животными, товарами и людьми. Буксируемая „Микояном“, она, кроме факторий, везет грузы для Таза, Нового порта.

Лихтер „Северопуть“ вырос вверх необычайно. Бревна, балки, тес, жерди, щиты — весь стройматериал нескольких домов, складов и крытых дворов — образовал громоздкое сооружение выше шкиперского мостика. Вперемежку и ярусами втиснуты загородки для лошадей, стойла для коров, клетки с поросятами, лари, шкафы, сани, телеги, бочки, лодки, прессованное сено, вязанки коры для дубления, пучки какого-то хвороста эластич-

ного, как рессора, сжимавшегося под ногой. Сверху хлопают на ветру полотнища палаток и шатров для пассажиров, не уместившихся внутри лихтера. И в разных местах между горами клади привязаны здоровые ездовые псы. Их много. День и ночь визжат и лают на разные лады.

Баржи с грузами за Полярный круг.

Шкипер лихтера — человек большого опыта, неоднократно бывавший в полярных плаваньях — видимо, махнул рукой на все нарушения, с его точки зрения, норм благоразумия. При каждой последующей остановке, обязательной догрузкой и новой надстройкой, он

только почесывает затылок и, оглядывая зыбкое сооружение, цедит сквозь зубы:

— Ну - ну!..

Пробраться с носа на корму и от одного борта к другому — стало трудно. Длиннейшие сходни, шириной в две доски, гнутся и пружинят под тяжестью тела. Ни перил, ни лееров нет. Внизу на палубе вход в кубрик. Глубоко: посмотришь — кружится голова. А сходня зыблется, и щепки, приколотенные гвоздями и заменяющие ступеньки, под сапогом как-то подозрительно движутся и поскрипывают...

Особенно гнусно чувствуют себя путешественники в дни дождливые и ветреные. Мостки скользкие, ветер сбивает с ног, лихтер на ходу приплясывает. Подъемы, спуски, переходы по мосткам над пропастями и провалами напоминали цирковые акробатические номера. Не раз приходилось видеть пассажиров да и пассажиров, кто слабонервные, ползущими по сходням на четвереньках. Ничего не поделаешь — ходить надо. Наш кубрик на носу, а кухня, галльон, умывалка, баня, прачечная — все в корме. И ползут.

От многотонной тяжести грузов объемистый лихтер осел ниже ватерлинии. Тем не менее, когда с высоты нашего ковчега заглянешь вниз на воду, невольно вырывается шкиперское:

— Ну - ну!..

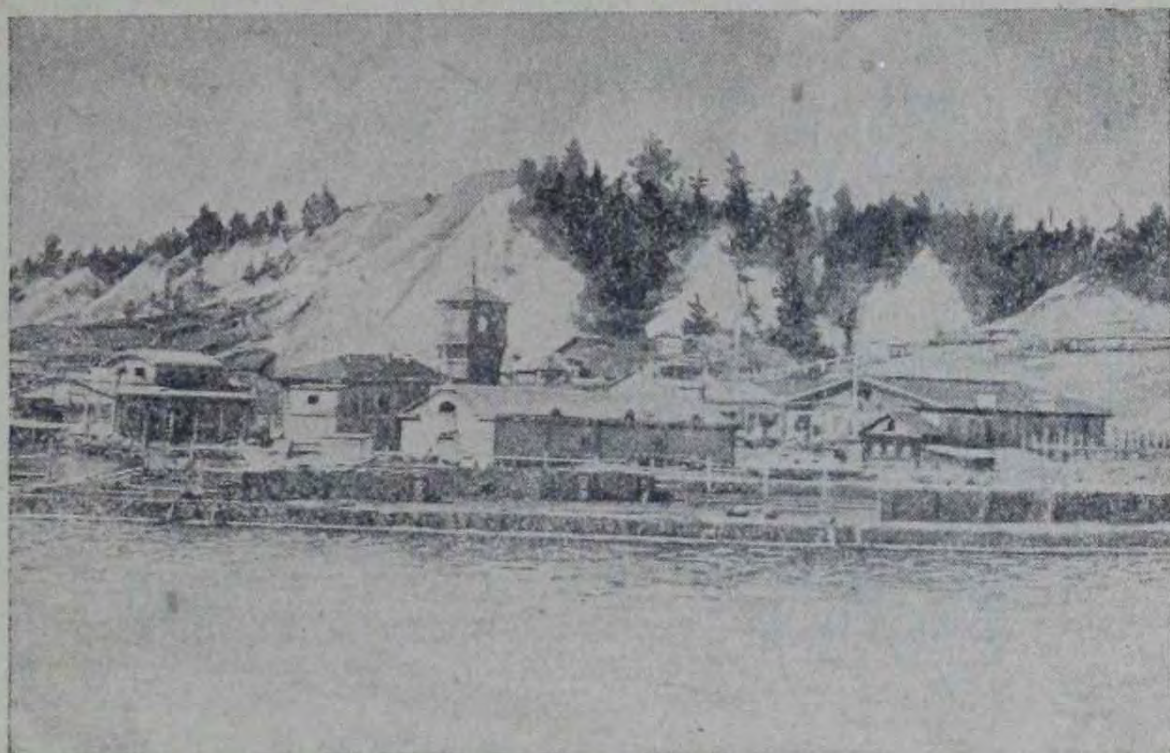
И вся эта хлябющая постройка укреплена тонкой веревкой. Никаких надежных так называемых „маркированных“, морских найтов нет в помине. Держимся, можно сказать, „на честном слове“. Достаточно небольшого сдвига в сторону —

веревки, конечно, лопнут. Их жиденький переплет, так очевидно, слаб, их сомнительная прочность так явно несоразмерена с колоссальностью груза, что, кажется, лучше бы их и вовсе не было.

Когда я по этому поводу заговорил со шкипером, он ответил с несвойственной ему взволнованностью и досадой:

— Какие, к чертовой матери, найтовы! Этакую махину не только веревочкой, а стальным тросом не принайтовишь. Вот если нарвемся где-нибудь за Новым портом на погоду, так увидите, как все это барахло полетит за борт. Будут вам фактории!

А успокоившись, добавил с добродушным юмором:

Вид на консервный комбинат и утильзавод.

— Эти веревочки не для груза, а для души. Привязано, мол, — и спокойней спится... Не говорите... Это имеет свою цену. Скажем, тонет человек. Киньте ему ничтожный шпагатик — ухватится и спасется. А в самом-то пять пудов.. Нитка держит, а ободрение.

У села Самарова Иртыш вкатился в Обь. Река расширилась, горизонт воды развернулся насколько хватает глаз. И вместе расширилась тревога в сердцах.

В Обдорск пришли уже насквозь прошипованные предчувствием катастрофы.

Это последний населенный пункт, последняя почта, последнее подобие улиц, подобие магазинов, есть даже подобие кино.

Дальше на нашем пути только Новый порт.

Но это уже такая же фактория, какую должны основать мы сами.

ОБСКАЯ ГУБА. ТАЗ. НОВЫЙ ПОРТ.

Вниз от Обдорска русло реки Оби разливается в губу — широкое водное пространство с очень незначительным течением, порою совершенно неуследимым для глаза.

Около 69° северной широты в Обскую губу впадает многоводная река Таз, также образующая в нижнем своем течении внушительную губу — Тазовскую. От Таза и до Карского моря две губы, слившись в одно обское русло, движутся широчайшим водным массивом, достигающим местами двухсот километров от берега до берега. Это, в сущности, настоящий морской залив, площадью значительно больший, чем, например, заливы Балтийского моря. Лишь пресность текучей воды указывает на речное происхождение.

Караван на Оби.

Обская губа мелководна. Глубина фарватера в большинстве не превышает 12—15 метров. Проводка океанских судов с большой осадкой требует осторожности и опытного руководства.

На Обской губе, как и на Тазовской, очень много салм — местное название отмелей. Одни из них в часы отлива покрыты водой лишь по колено, другие совсем обнажаются.

Ежечасно в течение половины лета я вел запись уровня воды по специальной измерительной рейке. Само собой понятно, что подъемы воды в приливы и понижения в часы отлива сильно колеблются, в зависимости от погоды, от направления ветра и т. п. причин. Полное отсутствие ветра — то, что моряки определяют термином „штиль“ — здесь бывает редко и весьма не надолго. Но хорошая погода, когда ветер тихий (не превышает 1—2 баллов), устанавливается за лето не раз и иногда длится одну-две недели. В такие периоды уровень воды в отлив понижается на 1 $\frac{1}{3}$ метра.

Тогда салмы показывают на поверхности свои серые песчаные хребты. К этим отмелям заранее пробираются рыбаки

и забрасывают невода. Рыбе некуда уйти из ограниченных салмами водоемов — она заключена в них, как в маленьких озерах. Такой лов здесь весьма распространен и носит название салмачного.

Чтобы открыть хорошо промысловые салмы, требуется особый рыбацкий талант: глаз, чутье, изощренность. Есть ловцы, имена которых известны по всему рыбопромышленному Северу. Иногда целая артель бьется неделями, меняет места, пробует разные способы — впустую. А появится настоящий мастер-промышленник, посмотрит, исследует, поедит туда-сюда денька два на лодке — нашел богатейшие салмы, дающие по четыреста-пятьсот пудов рыбы.

Рыба в салмах, как грибы в лесу: надо уметь найти место по каким-то таинственным признакам, секрет которых знают только специально одаренные охотники. Некоторых счастливых балует подчас удача, но это непрочное в охотничьем деле. Счастье, как быстро и внезапно приходит, так же и исчезает.

Главные рыбные промыслы ведутся в верхнем течении Обской губы до Таза и вверх по Оби, от Обдорска до Самарова. Порт Таз также существует преимущественно ловом. Возглавляет и организует Рыбтрест. Им выработан типовой устав промышленной артели, и артельные объединения разбросаны по всему обскому побережью. Ненцы работают плечо к плечу с русскими полярниками на равных условиях. Кое-где сбиваются в самостоятельные организации. Туземцы Тазовской и Нижнеобской тундры в этом отношении уже достаточно освоились. Местами они даже переходят на оседлость, но это пока редко и наблюдается исключительно среди бедноты, лишившейся последних оленей.

Частично кадры ловцов пополняются законтрактованными рыбаками из Западной Сибири и даже из европейской части Союза. Так в 1930—1931 промышленном году было завезено за Полярный круг несколько сот астраханцев. Однако в Тазовском районе волгарям не поудачило. В некоторых артелях они на 50—70 процентов заболели цынгой. Обследование выяснило, что астраханцы сами же и были причиной повальной болезни. Выдаваемые им продукты питания прятали, экономили, недоедали. У некоторых умерших обнаружили скопленное пудами масло, сахар, сыр. Скупость, жадность, стремление нажить и побольше привезти домой для многих астраханцев сыграли роковую роль. Вообще же снабжение продуктами здесь налажено вполне удовлетворительно и полярный паек рассчитан по очень щедрой норме. Его можно бы и экономить, но делать это надо с толком, не обделяя себя. Недоедающих цынга подстерегает зорко и валит безошибочно.

Кустарность методов и медленность темпа развертывания промыслов, в которых обвиняют местную рыбопромышленность, объясняется прежде всего, конечно, отсутствием людей. Сюда трудно заманить нового человека. Суровые условия климата. Отпугивает оторванность. И я бы сказал, большую роль играют глупые и неправдоподобные рассказы, приписывающие

Полярному Северу абсолютно несуществующие кошмары и ужасы.

Сказкам и детским страхам — грош цена. К нелепым выдумкам о нашей Арктике я еще не раз вернусь в этой книжке, здесь же хочу указать, что басни и небылицы уродливо преувеличивают в обывательском представлении суровость и опасность полярной жизни. В этом главным образом и кроется причина, почему трудно залучить сюда промыслового рабочего.

Но кто побывал здесь, кто вплотную поработал и перезимовал на низовьях Оби, тот для Севера уже „свой человек“. Это видно хотя бы из того, что значительный процент пришедших промышленников на всю жизнь оседают за Полярным кругом. Вернувшихся на родину Север до конца дней притягивает — они вновь и вновь пересекают 67° широты — тому имеется масса примеров.

Рыбные промыслы в Обской губе и в Тазовской — богатейшие. Много осетра. Вахмистров, живописуя в Омске об уловах по двадцать штук пудовых рыб в каждой тоне, конечно, плел одну из „полярных“ басен и притом с чужих слов. Но осетр здесь есть — высокосортный, отменный. И не по пуду только. Попадают экземпляры в пять и даже больше пудов очищенного „товарного“ веса.

Поймать же его не так уж просто, как и медведя, о котором я рассказывал в первом очерке.

Осетра здесь ловят преимущественно на самоловы. Для этого промысла существует определенный период — в конце зимы, этак приблизительно с апреля и до вскрытия льда. В это время матерая рыба покидает излюбленные потайные места в глубоких водоемах реки и устремляется большими косяками то вверх, то вниз по течению. Рыбаки объясняют беспорядочный ход осетра тем, что подо льдом вода якобы „спирается“, „затухает“ и рыбе становится нечем дышать. Она мечется туда и сюда в поисках выхода. Правильно ли таковое толкование — судить не берусь, но факт остается фактом: рыба мечется, и ее очень много.

Самоловы представляют собой острые крючки, укрепленные на основной веревочной хребтине по 60 штук, в расстоянии 12 вершков один от другого. Их опускают через проруби под лед на дно реки и осетр попадает на голые крючки без всякой приманки. В большинстве он цепляется широким плавником хвоста за острие. Кончик крючка впивается в тело и выходит вблизи наружу. Кожа осетра крепкая — он не в силах сорваться. Сплошь и рядом бывает, что в борьбе с удой рыба судорожно кидается из стороны в сторону и натывается на соседние крючки. Случается, больших осетров находят прочно прикованными на 3—4 уды.

Что касается неводного лова, то на его долю падает сравнительно меньший процент общей добычи осетра. Добыча же эта солидна: в сезон 1931 года отделение Рыбтреста в одном лишь Новом порту дало 25000 пудов. Эта цифра сама по себе красноречива. Она прекрасно иллюстрирует богатство обских

вод. По выкладкам знатоков здешних рыбпромыслов, обско-тазовский рыбопромышленный район свободно мог бы дать до полумиллиона пудов товарной рыбы в год. Конечно, при рациональной постановке дела.

А осетр — валюта. Он, как песец среди здешних мехов, как золото среди прочих ископаемых богатств земли.

Новый порт расположен на левом берегу Обской губы, почти против впадения Тазовской.

Мы бросили якорь километрах в пяти-шести от берега и хотя глядели с высоты грузов, как с колокольни, однако едва-едва различали постройки. Приземистые и серенькие, они чуть заметно выделялись на низком берегу. Впечатление получалось довольно жалкое. Словно их затопило необозримым наводнением и они терпят бедствие. Вверху серое небо с серо-свинцовыми тучами, внизу — серые мутные волны с гребешками грязной пены. Казалось, дунет ветер посильней — и вся эта хмурая серая масса сомкнется, поглотит хибарки, покатится через плоскую низкую отмель... Неказист и непрочен Новый порт по виду с рейда.

При более близком знакомстве это, конечно, не так. Начать с того, что затопление ему абсолютно не угрожает: за 10 лет существования наводнения не было.

Новый порт основан в 1932 году в связи с возникновением идеи карских экспедиций. Сначала здесь была устроена только радиостанция „Убекосибири“, затем мало-помалу организовались: фактория Госторга, метеорологическая станция, отделение Рыбтреста, артель рыбных промыслов, амбулатория и т. д.

Операции товарообмена карских экспедиций с иностранцами сосредоточились в Новом порту. Сюда приходили заграничные суда, сдавали привезенный товар и забирали наш экспорт. К сожалению, на Обской губе вообще нет места для удобного глубокого порта. Все разгрузо-погрузки производились на рейде с борта на борт. Это создавало массу затруднений и неудобств. Когда в 1929 году открылся глубоко-фарватерный порт в Игарке на Енисее, туда, естественно, перебросились все операции ввоза и вывоза Северного морского пути. В Игарке океанские пароходы — грузовики причаливают непосредственно к береговым пристаням. Конкурировать Новый порт не может.

Что же касается районного значения Нового порта, то оно растет с каждым днем и будет расти в тесной связи с освоением края и с развитием промыслов.

В прошлом году здесь организован районный центр — Ямальский. Уже нынешней зимой 1932 года создан первый тузсовет на этом полуострове. Это крупный шаг вперед в деле освоения. Трудности и препятствия, с какими удалось сбить кочевые чумы ненцев в тузсовет, показывают, насколько важна и ответственна работа, предстоящая Ново-портовскому району. Именно отсюда протянутся нити советской государственности в нетронутую пустыню Ямала и Гыдоюмы.

Но первое наше впечатление об этом порте было, повторяю, неважное. Разыгрывался ветер, выше и выше хлестала волна. Напуганные рассказами о здешних штормах, пассажиры с тревогой разглядывали берег. „Микоян“ оставил лихтер на якоре и ушел с остальным караваном барж и ботов в Таз. Когда он скрылся и мы очутились в одиночестве, волны стали словно еще выше, еще неукротимей заколотили в борта. Без самоуверенного, внушительно порывающего „Микояна“, лихтер казался беспомощным и брошенным на произвол судьбы...

А далеко-далеко посреди воды торчит какая-то пустяковина, для чего торчит — неизвестно. Ни помощи от нее в случае чего, ни успокоения смятенным пассажирским душам. Того гляди, сама захлебнется в воде.

Так и увел нас „Микоян“ дальше в необозримый простор воды с воспоминанием о Новом порте, как о чем-то маленьком, сереньком, жалком.

ПОСЛЕДНИЕ МИЛИ И ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

От Нового порта шли по Обской губе, как по океану. Насколько хватает бинокль Цейса — вода и вода. Цвет и вид ее своеобразен. Не мутная, но и не та морская голубовато-прозрачная, точно слегка подернутая, синевой чистоты. Какая-то тусклая вода, напоминающая плохое бутылочное стекло, сквозь которое ничего не разглядишь.

Без отдыха плещется необозримое пространство и плюется пенистыми брызгами волн. Неутомимость ветра изумительная. То справа, то слева, то вдруг забежит вперед и, надув щеки, злобно свистит навстречу. Словно сердится, что мы вторглись в принадлежащие ему одному владения. В щелисто-громоздких сооружениях на верхней палубе гудит и воет, как в печной трубе.

Но наш „Северопуть“ огромен и здорово загружен. Он прочно устойчив уж одной своей колоссальной тяжестью. Волны плещут до верхней бортовой обшивки, брызги обдают бак и якорный шпиль, а раскачать тысячетонную махину не в состоянии. И мы идем почти без качки, лишь со слабыми ее признаками.

На мостике шкипер и его помощник, энергичный симпатяга — паренек Волков, зорко всматриваются вдаль, следят за ходом буксирующего „Микояна“. При малейшем изменении курса, перекладывают руль вправо, влево, „одерживают“ — не дают катиться тяжелому лихтеру по инерции в бок.

Временами с „Микояна“ передают в рупор какую-то команду. Что именно — разобрать трудно: теплоход далеко впереди и ветер относит, заглушает. Лица наших кораблеводителей напрягаются, глаза вопрошающе устремлены друг на друга. Волков срывается с мостика и через головоломные препятствия мчится на нос, перевешивается за борт, будто нюхает якорную цепь.

— Ба... ба... гу... гу... гу... во-о... — трубно несутся звуки с „микояновой“ кормы, но ничего внятного из них никак не выкроишь.

— Громче! Что там кашу жуешь, сукин сын! — надсадно орет Волков и держит ладони у уха приемником.

— Подбирай буксир! — командует шкипер с мостика.

Он хоть и не разобрал передачи в рупор, но уже сообразил в чем дело.

Толстая металлическая веревка, за которую „Микоян“ нас тянет, рыскает и шлепает по воде — ветер и волна силятся сбить лихтер с фарватера. Когда трос укорочен и натянулся, как струна, на „Микояне“ успокаиваются.

В общем нам везет: дни стоят хоть и пасмурные, с свинцовыми низкими тучами, с редкими просветами холодноватого солнца, но ветер, как ни старается, а разгуляться в бурю не может.

Оргбюро ямальского рика.

Работников факторий не покидает тревожная настороженность. Они, ведь, не знают, что судьба на этот раз решила оказать им покровительство и ветрам дан предел: „дуй не крепче 6—7 баллов“! А самое главное, что „судьба“ эта разгадана наукой.

Пассажир — существо запуганное всяческими преувеличенными страхами, с метеорологией мало знакомое. Его смятенной душе неведомы капризы стихий.

— Если бы была угроза шторма, из Нового порта радиостанции нас предупредила бы, — слышится чей-то спокойный голос в кубрике.

Кто верит в аккуратность радиопередачи и точность науки, способной предугадывать погоду, тому на лихтере спится спокойнее.

Странно, до чего неохотно и туго расстаемся мы с вековыми навыками невежества и темноты. Казалось бы, за 14 лет существования советской власти пора забыть о предрассудках

и слепых верованиях. У человека в кармане именной билет союза безбожников, а он, почесывая за ухом, раздумчиво цедит:

— Это, знаете, не зря выдуманно: „кто на море не бывал, тот богу не маливался“. Бог — он, конечно, вздор, а на счет ветра или, скажем, бури — кто ж поручится, что через час-другой не налетит? Тут, товарищ, дело очень неверное!..

И не хочет взять в толк этот „безбожник“, что пословица о боге наукой отменена. Что теперь капитан корабля обращается не с молитвой, а с запросом по судовому радиотелеграфу, и не к богу, а к ближайшей станции. Да и радиостанции в изобилии расставлены на морских путях исключительно для разоблачения всяческих подвохов и штук „судьбы“ моряка — предстоящей погоды. Чуть появятся признаки зарождающейся грозы или шторма — тотчас по угрожаемым маршрутам начинают работать радиальные волны, предупреждающие об опасности. И на „Микоян“, как на прочих морских судах, сидит в своей каюте радист — молиться стало незачем. Нужны лишь усовершенствования техники, умение ими пользоваться и добросовестность работы.

Солнце нет-нет и выглядывает из пасмури. Оно здесь не льнет к воде и не резвится на изломах волн. С холодной сдержанностью смотрит с далекого края неба и больше светит, чем греет.

В один из таких просветов кто-то крикнул сверху:

— Земля!

Кинулись на палубу смотреть — никакой земли. Если принаутжить глаз, то на самом краю горизонта чуть приметна каемочка, по цвету почти неотличимая от общего серого тона неба и воды. Не верится, что земля.

„Микоян“ свернул с проторенного морского прохода влево к берегу. Идет медленно, осторожно, с промером.

Каемочка берега неподвижна — не исчезает, но и не увеличивается. Час, два, три смотрим до боли в глазах — перемен нет. Солнце скрылось, каемка заслонилась наплывшим туманом и опять ползут томительные часы.

Подходим к берегу больше половины дня. Земля, наконец, придвинулась совсем близко. Видны невысокие, но крутые берега и длинные, плоские мели, выставившие из воды свои песчаные спины. Эти отмели расположились в несколько рядов параллельно с берегом. Некоторые чуть прикрыты тонким слоем воды. Маленькие волны неустанно плещутся на перекатах и играют пенными гребешками даже и в тихий ветер.

Вправо и влево на расстоянии 6—7 километров друг от друга выступили два мыса в губу и ограничили овальную открытую бухту. На вершинах мысков поставлено по мачте. Нам с рейда они кажутся маленькими жердочками, а позже, когда я осмотрел их вблизи, это оказались солидные бревна, укрепленные подпорками и оттяжками.

— Здесь два рукава реки Тамбей образуют дельту, — говорит штурман, ведущий „Микоян“ в губе и Карском море. — Сейчас уполномоченные едут выбирать место для высадки.

Наша высадка, конечно, определит и место постройки фактории: у нас много тяжелых грузов и слишком мало средств для переброски их по берегу. Очевидно, будут выгружать там, где облюбуют площадь для избы и склада.

В бинокль с расстояния двух километров мы не могли рассмотреть на берегу ни единого кустика или травки. От гладких мелей начиналась такая же гладкая полоска берегового песку, а затем круто поднимался вверх невысокий откос возвышенности. Все это в один скучный тон песчано-серого цвета. Впечатление создавалось крайне неуютное, придавливающее-пустынное, мертвое. Голый песок. У берега он омыт и прилизан водой. Выше — наворочен буграми и кучами. Было ясно видно, как ветер срывает тучи пыли и несет — чорт ее знает куда. Должно быть — никуда. Бессмысленно переносит с места на место...

...Вплоть до ночи я просидел на верхней палубе и смотрел, не отрываясь. Хотелось подметить хоть намеки на жизнь. По-маленьку поднялась вода. Вечерний прилив покрыл плечи отмелей, полуобнаженные перекаты ушли в глубину и мелкие волны перестали танцевать.

Вода подошла вплотную к вздыбленному гребню береговой возвышенности. Прилив работал хмуро, неотвратно, как рок. И ничего абсолютно я не высмотрел живого ни на земле, ни в воде. Ни зверя, ни рыбы, ни растения. Лишь чайки порой летали вверху и их жалобный неприятно-резкий крик усиливал унылый вид картины.

И ночи, в сущности, не было. Какая-то белая муть делала очертания берега неясными, через час белесая муть стала исчезать, проясняться.

Но тут откуда-то появился не призрачный, а настоящий туман, сырой и студеный. Сквозь полушубок просочился холод, руки посинели.

Утром с'ехали на берег.

Тихо, тепло, светит солнце. Для первых чисел августа, конечно, могло бы быть чуточку жарче. Даже в Тобольске, не говоря уже о юге, в эти дни душно и знойно. Но и здесь можно жить. Денек — красота! Я скинул полушубок и приналег на весла.

Лодка ткнулась в песок и стала. До берега шагов двадцать по воде. «Полярные» спецсапоги моментально промокли, а когда взбирался на береговой откос, то сыпучий песок оказался глубже воды. Но он нагрет солнцем и тепл — этот песок. Теплота передалась через сапоги и, чтобы убедиться, я погрузил в песок руки. Теплый, почти горячий!.. Вчерашнее мое настроение стало таять в этом тепле: раз есть тепло — значит, есть и жизнь!

Выскочив на гребень, я ахнул: насколько видит глаз, растилалось море трав. То понижаясь, то опадая, увалами уходила тундра куда-то вдаль. Все оттенки зелени от светло-изумрудного до оливкового, от яркосочного до желтоватого и коричневого, как ржавчина, — развернулись большими

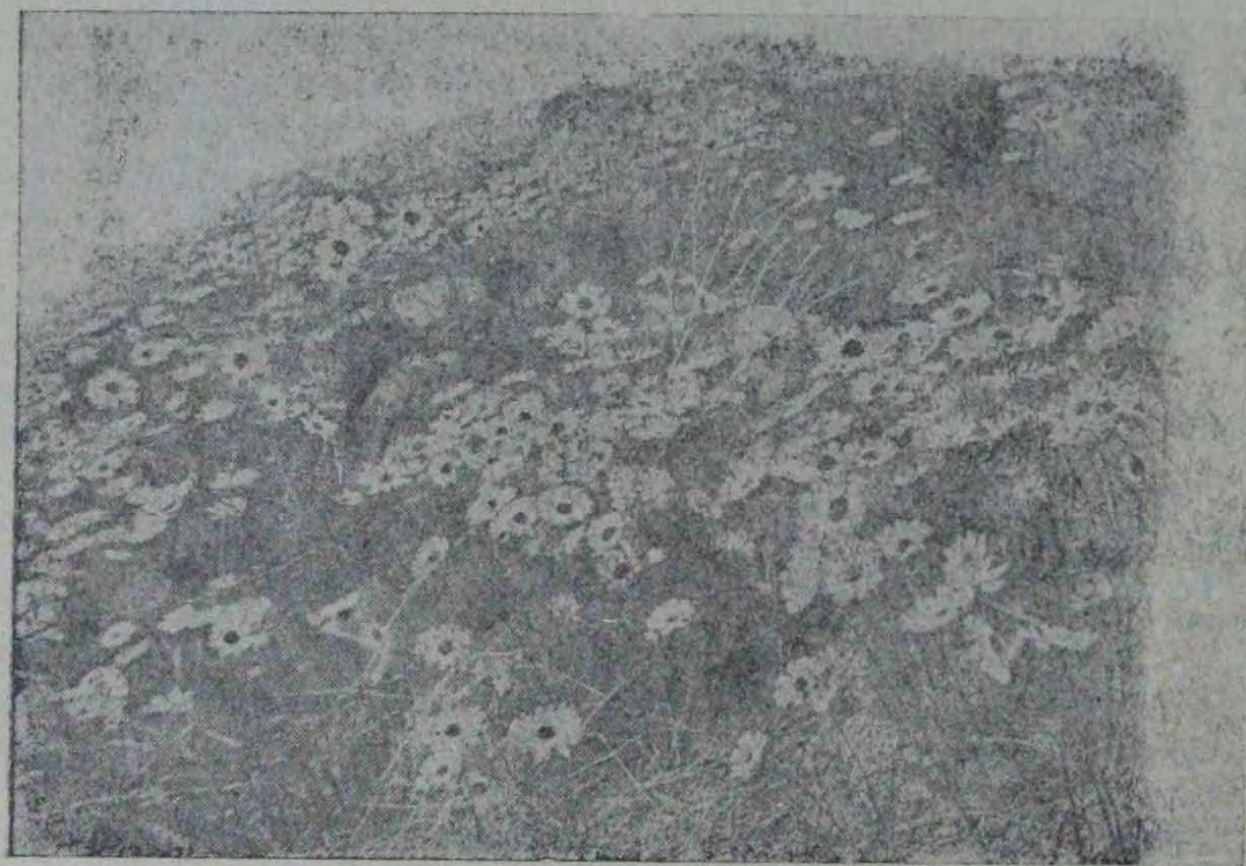
и малыми пятнами на огромной палитре, радиусом в несколько километров.

Шмыгнула мышь и скрылась под бугорком земли, поросшим травой. Заглянул туда — норка. А вот другая — еще и еще... У норок не растет трава — вытоптано. Значит они обитаемы, эти подземные жилища.

Какие-то вертихвостики — пичуги стайкой перелетают с места на место, гоняются друг за дружкой, звонко попискивая. С громким криканьем, нутужно и тяжело пролетело три пары уток.

Жизнь, жизнь!..

Я шел очарованный. Местами нога уходила по щиколотку в мох, местами хлюпала под сапогом вода. По буграм стелил-

Уголок тундры — ромашка.

ся серебристо-зеленый ягель, такой нежно-ажурный и прихотливо красивый, что, казалось, его нарочно сделал ювелир-художник из драгоценной эмали.

И уж окончательно меня сразила ромашка — обыкновенная всероссийская ромашка.

Наивно это, но что поделаешь — сразила — факт! Я присел возле нее, понюхал, потрогал — настоящая ромашка. Маленькая, тонюсенькая, бледненькая — еще бы! Ямал — не Черное море, чорт побери!..

III. СТРОЙКА ФАКТОРИИ

Выгрузка, высадка, выброска. Первые дни. Постройка фактории Товары. Наши осетры. Путанная бухгалтерия. Ямальский шикник. Ураган. Девственность метража. Несостоявшаяся экскурсия. Ямальские туземцы. В избе. В работе, первый крестоватик. Илья Нарич. Приход „Микояна“. Смена завог

ВЫГРУЗКА, ВЫСАДКА, ВЫБРОСКА

На лихтере и на берегу полным ходом идет работа.

Из огромных избяных бревен-маток делают на воде четырехугольник, скрепляют веревками, заполняют середину бревнами поменьше. Этот массивный стройматериал составляет основу плота. На него сверху наваливают доски, жерди, дрова, мелкие деревянные части построек: щиты, наличники, двери, косяки.

Моторный катер „Морж“ берет плот на буксир и тянет к берегу. Там толпа плотников захватывает его веревками и, под „дубинушку“, подталкивает через перекаты, которые для „Моржа“ слишком мелки.

В отлив вода отбегает далеко назад, плот на сухом песке.

То волоком, то с помощью тележного хода дерево перебрасывается за черту, куда не достигает прилив. Тяжелая силовая работа ложится на лошадей. Их привезли по одной на каждую факторию и, чтобы ускорить выгрузку, возят все три.

Начальник каравана т. Шарашов объявил приказ: „даю на выгрузку первой Ямальской фактории 72 часа, считая с 4 пополудни 5 августа“. Разумеется спешили, как на пожаре.

Впоследствии наши работники фактории упрекали караванщиков, что нас, якобы не высадили, а просто вышвырнули на пустынный берег.

На мой взгляд, это неверно.

Спешка, правда, была, работали нервно, напряженно, до полного изнеможения, сваливаясь с ног. Но как же иначе? Ведь „Микояну“ еще идти до мыса Дровяного и там выгружать вторую факторию. Затем, обогнув северную оконечность Гыдоямского полуострова, высаживать в заливе Гыдояма третью и там же рыбо-зверобойный отряд. На всех высадках постройки. Мы и вторая фактория должны успеть с кладкой

и стройкой зданий до возвращения „Микояна“. А в Гыдоюме теплоход обязан ждать окончания работ плотников и печников, чтобы везти артель обратно в Омск. Время же на счету. Бывает, что уже в начале сентября разражаются зимние бури с морозом и снегом. Штормам в здешних широтах сроки не заказаны, особенно в Карском море. Нередки случаи, когда океанские пароходы по неделям отстаиваются в укромных местах.

Все эти соображения заставляют спешить. Требования Шарашова диктовались необходимостью.

Я сказал бы, что в вопросе о сроках основной промах заключался в слишком позднем выходе из Омска. Если бы экспедиция тронулась с места не 8 июля, а в середине июня, напряженность и нервная взвинченность спешки сильно разрядились бы.

Что же касается разных обстоятельств, сделавших нашу высадку не совсем благополучной, то как мог предотвратить это начальник каравана или даже все правление Комсеверпути, вместе взятое.

Например, как могли бы они помешать ветру 7 августа дуть с силой до 7—8 баллов?

Эти 7—8 баллов наделали нам массу хлопот и неприятностей. Пока направление было с востока и юга, все шло отлично. Плоты почти не нуждались в буксире—их волной тащило к берегу. Дрова выплескивало на песок вместе с пенным гребнем прибоя—только успевай подбирать и относить в безопасное место.

Но после полудня задуло с севера, а к вечеру с северо-запада. Это уж было со стороны ветра гнусной каверзой.

Бревна, доски, щиты, поленья, покачиваясь и подпрыгивая на взлохматившихся волнах, направились в дальнее плавание.

Заведующий факторией т. Вахмистров бежал по берегу, то-и-дело хватался за бинокль, хлопал руками по полам полушубка.

— Нет, вы посмотрите, посмотрите! — взывал он к сочувствию окружающих. — Ведь уносит, милости нет, все добро уносит! Останемся и без хаты, и без топлива...

Работники фактории с сокрушением и тревогой глядели на необъятную, буйно расплескавшуюся ширь губы, и видели, что, действительно, „милости нет — уносит!..“

„Морж“ и моторный катер с „Микояна“ рыскают по взбухшим сердитым валам, выуживают осколки разбитых и расплывшихся плотов и тащат к берегу. Видно как их заливают, захлестывают пенные косматые громады воды, как трудно им бороться, как маленькие скорлупки катерков взмываются вверх, ныряют, бьются на ревущих гребнях.

И что обиднее всего — впустую!

С великим трудом и опасностью изловят пакет бревен и досок, забуксирят, подведут насколько возможно к берегу. Перекат не позволяет подойти близко, а прибой гудит и хле-

шет с такой яростью, что люди с берега не решаются заходить далеко в воду. Оставленный у отмели лес минуточку поколеблется, словно в нерешительности — куда податься — домой ли, в плен к людям, или на волю. И с возмутительно легкомысленным видом, приплясывая и покачиваясь на мчащихся вперегонку гребнях, уходит обратно в бескрайний простор воды.

Бились моторки несколько часов кряду и признали себя побежденными — ушли отдыхать под надежные борта лихтера.

Насколько хватает глаз, по мечущейся вздыбленной бухте ныряют наши дрова. Они искусней и отважнее тюленей и белух проделывают разные плавательные фокусы, блестя на солнце чистенькими омытыми спинками.

Продержись этот норд-вест хотя бы день-другой, история нашей зимовки, пожалуй, закончилась бы плачевно и кратко, без участия зимы. Однако судьба и тут стала на нашу сторону.

Ветер сначала притих, затем повернул на другой румб — с юго-востока. Дровишки, тес, бревна неохотно и лениво повернули обратно к берегу. Их разбросало и прибило по всему побережью бухты и даже за ее пределами на несколько километров.

Заработали вновь моторки, натужились лошадиные хребты. Они сослужили нам прекрасную службу — эти невзрачные на вид лошаденки! Губа снисходительно и честно возвращала отнятое добро — почти полностью. Хотя т. Вахмистров и продолжал твердить свое „милости нет!“, но он ошибался: милость оказалась налицо — и немалая!

С выгрузкой товаров и имущества было сложнее.

Попробовали было баранки-сушку переправить на одном из плотов, но ее сразу же у борта лихтера захлестнуло и окатило водой. Тотчас же вытащили обратно.

Для выгрузки приспособили паузок — маленькую барженку тонн на 300—400 водоизмещения. Ее нагружали до отказа, „Морж“ подводил до предельной возможности к берегу, а дальше подтягивали вручную. Удавалось это лишь в часы прилива. Соорудили высокие мостки на козлах и по ним бегали с мешками на плечах.

Семьдесят два часа, данные начальником, оказались слишком короткими. Паузок в отлив невозможно стянуть с песка никакими силами. Приходилось и для отвода его к лихтеру, и для привода к берегу ждать спасательного под'ема воды. Приливов же в сутки только два.

Повидимому, отправители грузов все-таки недостаточно серьезно продумали высадку на берег Ямала или плохо ознакомились с характером побережья. Здесь требовалось учесть и особенности мелевых перекатов, и работу приливо-отливов, и затруднительность сооружения мостков, козел, сходен и т. п.

Вода в губе ледяная: грузчикам необходимо обеспечить сухую работу. Лучше всего было бы забросить сюда с деся-

ток речных понтонов. Укрепленные на якорь, они сделали бы работу выгрузки легкой и быстрой, а буксирование паузка не зависело бы от отлива и прилива — понтоны можно протянуть до глубины, достаточной для осадки паузка.

Что же касается того метода, каким выгружались мы, то с ним рабочие хватили не мало горя.

Особенно трудно было с шлюпками. Килевые, военно-морского образца, они абсолютно не пригодны к речному мелководью. Восьмивесельная фелюга, загруженная кладью, сидит в воде не мельче того же „Моржа“. Когда она застревает на далеком перекате, то по незначительности доставленного ею груза нет смысла строить к ней мостки. Казалось, из-за такой мелочи не стоит ждать прилива. По пояс в воде люди выносили на берег тюки и мешки. Это сказывалось на продуктивности выработки. Промокший и до костей продрогший грузчик долгими часами отогревается и обсушивается в каютке паузка у камелька. Десяток-другой рабочих выходило из строя на полдня.

С другой стороны, и грузы невозможно предохранить от подмочки. Шлюпка неустойчива. Неверное движение — она пляшет. Особенно, если человек с тяжелой кладью. В холодной же воде люди нетерпеливы, нервны, стремятся все сделать рывком, как можно скорей. Хочет шлюпочный поддать мешок на спину грузчика, а лодка вдруг ядовито вильнула в сторону, и товар приходится тащить из воды.

Выгрузка затянулась до вечера десятого числа. Семьдесят два часа перевалили за сто.

Однако нет такого дела, которое так или иначе не заканчивалось бы.

На рассвете 11 августа „Микоян“ громкотрубно рванул гудком песчаные ямальские берега и, медленно разворачиваясь, пошел дальше на Север.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Дня за два до ухода „Микояна“ произошло событие, давшее обильную пищу для разговоров всему нашему каравану.

Тов. Евладов, отправившись на прогулку с двумя „микояновскими“ моряками, нашел на берегу белуху — детеныша. Его, видимо, обронила мать и он лежал на отмели, прозевав отлив и не сумев во-время выбраться на глубину.

Я видел, как его свеживали, снимали шкуру. Младенец этот, надо отдать ему справедливость, очень интересный. Начать с того, что весу в нем свыше пяти пудов, хотя он еще „грудной“ и „беспомощный“. Шкура серо-стального цвета, гладкая, скользкая, толщиной в палец. Под шкурой толстый жировой слой, предохраняющий от холода. Вместо рыбьих плавников — ласты, похожие на тюленьи.

О белухе мне известно мало подробностей. Она как-то выскочила из „плана“, мы на нее не рассчитывали. В Омске, при обсуждении всяческих „заданий“ и „проектов“, о ней не

говорилось ни слова. В центре внимания стояли песцы и осетры.

О белухах же я знал только, что это разновидность дельфина, которого на Черном море зовут „морской свиньей“.

В полярных водах они огромны. Зверобой утверждает, что отдельные экземпляры попадаются „в сотни пудов“.

Это — млекопитающееся животное, родит по одному детенышу, редко по два. Мать носит своего белушонка на спине. Он не мешает ей очень ловко плавать и молниеносно нырять за рыбой. Промышляют они обыкновенно стаями. Рассыпятся широкой цепью и гонят рыбу в какую-нибудь излюбленную западню — бухту, заливчик. Когда глупая, ошалевшая от страха добыча попала в мешок — белухи разом набрасываются и пожирают с изумительным проворством и жадностью. Появление белух считается верным признаком прихода рыбьих косяков.

После отлива гладкий и чистый песок отмелей на солнце быстро обсыхает, становится белым, нарядным, словно прибранным заботливой рукой хозяина.

В колдобинах и углублениях задержалась вода. Она блестит и отражает солнечные лучи наподобие зеркального стекла. Такие зеркала разбросаны повсюду. На некоторые больно смотреть.

Чайки низко-низко пролетают над мелями, выискивая застрявшую рыбу. Проворные кулики на тонких высоких лапках, с поразительной для пернатых быстротой, бегают с места на место. Куличков здесь несколько пород — побольше, поменьше, совсем маленькие — с воробья. Они охотятся главным образом на рачков, остающихся при отливе в большом количестве.

Рачки тут тоже особенные, каких я не видел раньше: маленькие, с полмизинца, в мягкой коже, почти не имеющие ни мяса, ни жира. По форме и строению — нечто среднее между владивостокским шримсом и мальком речного рака. На отмелях он быстро гибнет, высыхает и в солнечную погоду уже через несколько часов от него остается только хрупкая сочленовная кожа, без признаков чего-либо питательного внутри. Пока рачки шевелятся, их с жадностью подбирают не только кулики, но и чайки. Видимо, это лакомое птичье блюдо...

Странно это, но вблизи фактории нет ни камня, ни глины. Кирпич для печей был привезен, что же касается глины, то на ее поиски и мы, и печники, и даже плотники потратили много времени. В конце-концов пришлось употребить в дело ил. Его много в руслах речек и ручьев. Он хоть и дает впечатление вязкости, но не может заменить глины: высыхая, делается хрупким, рассыпчатым, не связывает кирпичей...

С первых же дней выяснилось, что на этом пустынном берегу — великолепнейшая охота. Одному из плотников удалось настрелять полдюжины куропаток в двадцати шагах от фактории.

По губе и в озерах стайками плавают утки. Над головами то-и-дело пролетают гаги, гагары, иногда даже гуси. Гусь,

сдается, поосторожней и поумней прочей здешней птицы. Он летит высоко и старается поменьше вертеться возле людей. Но и гусей много.

✓ Ямал — сплошной посул открытий. Неисследованная тундра, неопознанная глубь озер, сокровенные недра долин и гор. Особенно гор, являющихся как бы продолжением Уральско-го хребта. Они вздыбились на середине полуострова во всю его длину. От них берут начало реки восточного и западного склонов. И они, как весь Ямал, совершенно не исследованы.

✓ Может быть, этот застывший полярный край таит в себе такие сокровища, увидев которые старый обшипанный мир ахнет от алчной зависти.

✓ Что мы знаем? Ровным счетом ничего!

Я засмотрелся на маленькое озерко, у которого облюбовал себе кочку на пригреве солнца. Засмотрелся — и странно — почему поверхность воды лоснится тонкой пленкой, как перламутр? Так разными оттенками блестит излом антрацита, так же приблизительно играют красками многоцветные шелковые ковры Персии — то фиолетом и золотом, то синью и огненным пурпуром. Что за диковинная муаровая вода?

Если глядеть на нее по вертикали, в упор, сверху вниз — она прозрачна, как хрусталь. Глубина по колено, дно видать до мельчайшей травки, до инфузорно мелких былинки, обмохнативших какой-то мертвый стебель.

Откуда же эта переливчатость оттенков, этот муар игры?

Невольно в мозгу возникает комбинация сравнений.

В портах, у пристаней, там, где проливают мазут — течь в точь такая же окраска. А что как и здесь на Ямале есть нефть?..

✓ А если ее нет, то почему вода отсвечивает муаром?..

ПОСТРОЙКА ФАКТОРИИ. ТОВАРЫ

В смысле запаса времени для строительных работ мы поставлены в наилучшие условия, сравнительно с другими факториями. Нас караван высадил первыми и до возвращения „Микояна“ мы располагаем самым длинным сроком.

Оставшиеся 17 человек плотников и печников работают с прохладцем, без спешки. У них есть время и покурить, и покалякать, и поохотиться.

Прежде всего плотники сколотили из готовых щитов и теса временный барак для себя. Устроили нары, поставили железную печь. У них совсем хорошо: тепло, светло, просторно. Им нестрашны ни ветра, ни дождь, ни холод, который уже с середины августа по ночам пробирает до костей.

Один из артели кашеварит, остальные работают с шутками, песнями — вольготно.

Стройка идет планомерно. Сначала со всего берега свезли разбросанный материал. Подсчитали, обмерили, прикинули, что можно выкроить. Выяснилось — изба выйдет из двух больших комнат, разделенных посередине сенями.

— На парочку бревен будет пониже, чем в проекте, — сказал, артельный старшина.

— Почему ниже?

— Нехватает бревен.

— Куда же они делись?

— Кто их знает? Может, водой унесло...

Вернее, надо думать, не сгрузили. При выгрузке материал немного перепутался. Все бревна нумерованные — дома старые, разобранные. Когда бревно под номером, его не надо пригонять — бери и клади. А тут многих номеров нехватает.

У нас и раньше были подозрения, что работники второй Ямальской фактории и Гыдоямской, выделяя нас и помогая

нам выгружаться, не стесняясь,

„экономили“ в свою пользу.

Каждое бревно в пустынной тундре

представляет собою большую

ценность: где его возьмешь? Да и

кроме бревен мы не досчитались

многого. „Дорогие товарищи“,

уплывшие на „Микояне“, к се-

веру, повезли с собой часть на-

ших дров, наш хмель, мед, чугунные плиты для печей,

котлы, лодочные весла и т. п. Кое-что мы просто прозевали,

упустили из виду, кой о чем спорили, но не добились тол-

ку. Бочка с медом, например, оказалась „безнадежно зава-

ленной“ в каком-то трюме. Сколько мы не бились, но найти

не сумели. Глядя на наши усилия, „дорогие товарищи“ с хит-

рецей посмеивались.

Так мы и остались зимовать без хмеля для дрожжей, без

меда, без кухонной плиты. Вообще, по мере подсчета имуще-

ства, уехавшие товарищи становились нам все дороже.

К счастью, несколько исчезнувших бревен не сыграли

в постройке существенной роли. Дома для факторий куплены

Барак плотников и наш шатер.

основательные и просторные. Даже укороченная на два бревна высота комнат около трех метров.

Хоть и в обрез, но материала хватило и на склад, и на крытый дворик — сарай. Работа у плотников идет споро — из-за них задержки не будет.

Не так гладко обстоит дело с нашим бивуачным жильем и с товарами.

Мы растянули огромный таборный брезент на жоднорках и козлах из жердей. Шатер получился большей, но

весь его пришлось завалить кладью. Сами разместились в закоулках и щелях между кулями, мешками и ящиками.

Спать на земле невозможно — она здорово холодная. На глубине полуметра не оттаял лед. Там залегает вековая мерзлота, толщиной не меньше, как говорят, 50 саженей. Этот вечный лед легко прощупать по звуку на краю берегового откоса. Если ударишь ногой в край крутого спуска к воде, то гул идет громкий и звонкий, точно под землей скрыт огромный стеклянный колокол.

Никакая шерстяная или пуховая одежда не может спасти от страшного, мертвящего холода, идущего от мерзлоты. Только надежные полярные меха, как олений или медвежий, способны предохранить от простуды.

Мы спим на койках. По ночам кутаемся в одеяло и полушубки. В бурю брезентовая крыша шатра хлопает, точно стреляет из ружья. В таборном брезенте не меньше двадцати пяти пудов весу и, кроме того, мы придавили его наверху толстыми полуторавершковыми плахами. Однако это не помогает. Дьявольский вихрь вскидывает полотнище, будто ситцевую тряпочку, и сметает многопудовые плахи, как щепки.

Главная же неприятность — в дырках, брезент порван во многих местах. Когда идет дождик — у нас повсюду капает, просачивается, брызжет. Хорошо, что песок имеет свойство впитывать воду, как губка — луж нет.

Но все это, конечно, пустяки. Лето — везде лето. Дождь прекращается, буря стихает, является солнце — и от неприятностей нет даже воспоминаний. Только подмоченную сушку мы спешим вынести и высыпать на крыше плотничьего барака. По признакам, эта сушка перенесла на своем веку много невзгод — и мокла, и сохла, и прела. В некоторых мешках она сизого цвета, как нос старого алкоголика. В других — зеленая, замохнativшаяся от плесени. Ни свиньи, ни собаки не едят.

— Придется списать по акту — не кормить же такой отравой туземцев, — говорит Вахмистров.

Хозяйскому сердцу заведующего приходится то-и-дело сокрушенно сжиматься. Из двухсот кулей и мешков баранок — добрая половина негодна. Сахар подмочен. Ящики, мешки, тюки — все продырявлено, везде утечка.

На берегу, под вторым брезентом, новым и целым, сложены ярусы муки, сахару, чаю, круп, сушеных овощей, табаку, куряги и прочих продуктов и товаров. Прилив к ним не доходит, но чорт его знает, куда вообще доходит прилив! А что, как какая-нибудь невиданная буря, и наши сокровища зальет, перепортит, унесет...

— Поднатужимся, товарищи! — без усталости повторяет Вахмистров, утром вставая и ночью ложась. — Каждый ящик, всякий мешок, поднятый на откос, в наш шатер — уже спасен. Тут нам не страшны никакие бури. А ну-ка, дружно!.. — и первый прет на откос с тяжелым мешком на плечах. Поднатуживаемся и мы.

Носить трудно. Откос крутой, в сыпучем песке глубоко тонет нога. У всех растягиваются сухожилия, трое надорвали поясицы. А шторм все маячит своей неопознанной угрозой и штабель клади словно ни чуть не уменьшается. Там внизу, на гладком песке, в десяти шагах от линии прилива — все наши тревоги, все беспокойство. Похоже, будто в семье лежит тяжело больной и, что бы кто ни делал, чем бы не был занят, все мысли сосредоточены у одной постели.

Даже женщины не сидят без работы: разбившись попарно, они подбирают, носят и складывают дрова.

НАШИ ОСЕТРЫ

Чуть ли не на второй день по уходе „Микояна“ инструктор фактории сказал:

— Надо наладить невод да изловить рыбки. Пойдем-ка.

Из-под клади мы извлекли здоровенный тук и стали разбивать оснащенный невод. Его длина 300 погонных сажений. Такие невода, по местному названию „салмочные“, рассчитаны на охват порядочного водоема, чтобы из атакуемой салмы выхватить разом всю рыбу. Хотя мы получили невод, как новый, но он, кажется, уже побывал в работе. Кибас (грузила) и наплав (поплавки), правда исправны, однако самая сеть зияет множеством больших и малых дыр. Пришлось предварительно заняться починкой.

Починка отняла часа три, и к вечеру мы решили закинуть тую. На ловлю работники фактории мобилизовались поголовно, включая женщин. В помощь прихватили семерых плотников тащить сеть из воды.

— Если есть рыба — всем хватит! — самоуверенно заявил Вахмистров.

Невод уложили в самую большую из трех наших лодок. Расстоянием не стеснялись — неводить, так уж неводить, как следует! Веревки, которыми оснащен невод, удлиннили еще на 800 сажений. Лодка ушла дальше километра от берега.

Правильным, красивым полукругом легла сеть в воду. На чуть приметной ряби, морщившей поверхность бухты, темным шевелящимся пунктиром поплавок обчерчивалась дуга. Оди́н конец прогонов (веревки) держали мы на суше, с другим отчаянно выгребали на лодке тоже к берегу.

— Помаленьку выбирай! — скомандовал инструктор.

Он стоял на корме и травил свой конец прогона в воду. Как только лодка ткнулась в песок, мы подхватили второй прогон.

— Медленнее!.. Равномерно!.. Не дергайте!

Тянуть тяжело. По семи человек у каждого конца, мы гуськом, перекинув мокрую веревку через плечо, согнувшись в три погибели, шагаем тихо-тихо, как упряжные волю.

И вдруг прогон разом ослабел — мы семеро чуть не попадали.

— Оборвали, проды!.. Стой там, не тяни! — завопил инструктор и кинулся к лодке.

Поиски и скрепка порванной веревки отняла полчаса. Потом порвался второй конец. Снова искали, снова связывали, снова тянули. Прогоны рвались раза по три каждый. Спускались помаленьку сумерки. С мокрой веревки за шею стекали капельки воды. Брезентовый плащ, в котором вначале было жарко, теперь перестал греть...

Наконец, показался из воды край невода, за ним второй. Вот последние кибасы, вот мотня — длинный, широкий мешок, способный вместить уйму рыбы.

Но где же осетры? Где гарантированный минимум из десятка отменных рыбин с чешуей вороненого золота? Ведь они же должны биться, плескаться, бушевать!

Высадка фактории на мысе Дровяном.

В первый момент мотня показалась нам совершенно пустой. Жалко сморщившаяся, она волочилась, как тряпка, без признаков добычи.

Окружили, выворотили, вытрясли. На песок шлепнулось с десятков мелких рыбешек, общим весом не больше 3—4 фунтов. Работал уже отлив, обнажались мели.

— Пойдем, товарищи, чай пить и спать, — распорядился Вахмистров. — Невод уберем завтра — ничего ему на песке не сделается.

На притихшую в ведре рыбу никто не взглянул, даже чая не пили — мрачно и скучно разошлись по своим койкам.

В этот вечер я долго не мог уснуть. Надо сказать, хоть я и чувствовал в вахмистровском плане осетровой заготовки некоторое преувеличение, однако разочарование было чересчур жестокое. „Ну, не двадцать, не десять и не пудовых, — а одно-

го какого-нибудь паршивенького на уху могли же мы выловить"! — думалось мне.

После полудня пошли убирать невод.

И вот тут-то обнаружилось обстоятельство, снова перевернувшее наши виды на рыбный улов: в сетях, лежавших под водой в часы утреннего прилива, сама собою запуталась большая рыба. Мы ее увидели издали. Попав плавниками в петли, она билась и трепыхалась в мелкой лужице. Оказалось, что это чир—местная порода, разновидность моксуна. Я ее взвесил: три с половиной килограмма—и мы ее с'ели в ухе. Прекрасная рыба, нежная и вкусная, напоминающая жирного свирского сига!

ПУТАННАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

В нашем дырявом шатре полным-полно. Мешки и кули уложены ярусами, ящики, тюки и коробка наворочены друг на друга.

В общем мы своими силами перетаскали с берега все наиболее ценное, чему угрожала подмочка. На берегу остались штабеля мешков с мукой и самые крупные тяжести, как тюки чая, листового табаку, бочки с солью по 20 пудов каждая и т. п. О выброске их идет каждодневный торг с артелью плотников. Когда закончится постройка, тяжелую кладь придется переносить прямо в склад и амбар.

Плотничья артель до конца верна себе: хлебцем вместе, а табачком врозь. Они хотят сорвать с этой поездки за Полярный-круг наидлиннейший целковый. В деньгах они уже зарылись—подавай зарплату за переброску грузов штанами, рубашками, костюмами, мануфактурой. Мы им доказываем, что товары заброшены для иных целей, что предстоит обмен с туземцами на валютную пушнину. Но какое дело им до пушнины и до туземцев!

А положение нешуточное. Одной муки свыше 1500 кулей—эта работа штату фактории не по силам. Времени в запасе мало—осень уже в полном ходу. Боимся внезапных штормов, могущих затопить и попортить товары.

Из трех человек образована комиссия по учету всех ценностей фактории. С раннего утра вплоть до темноты мы кропотливо распаковываем, сортируем, подсчитываем грузы.

Разобраться не легко. Я никогда не думал, что всевозможные конторы и управления могут отпускать товар в сопровождении таких документов, какие получила фактория. Из уемистой папки листов, листиков, клочков и обрывков исписанной бумаги, едва ли найдется с десятков ясных, понятных, не вызывающих сомнений, не требующих расшифровки.

Казалось бы, торговые документы, на основании которых производятся операции, должны быть безупречны и абсолютно бесспорны в смысле ясности и четкости. Ведь по этим сопроводительным фактурам и накладным уплачиваются и получают деньги, по ним отсчитываются, они служат основанием для бухгалтерии в каждой торговле.

Большинство фактур, полученных нами, трудно прочесть. Написанные „под копирку“, они представляют собою третью, а возможно и четвертую копию. Цифры разбросаны по строкам вкривь и вкось, не совпадают с наименованием товара. Их читать — не чтение, а головоломная расшифровка, точно бы разбираешь древний папирус с археологически мудреными иероглифами.

Как член комиссии, я поневоле возился с ворохами этих фактур. Мучительно вдумывался, копался, доискивался смысла и истины. Иногда это удавалось, но попадались, с позволения сказать, „документы“, которых ни я, ни счетовод, ни усилия всех работников фактории вкупе не осилили. Они так и остались нераскрытой загадкой конторской неряшливости.

Впрочем, бывало и еще хуже: на некоторые предметы фактур вовсе не оказалось.

И странная вещь, одни и те же товары, но отгруженные из разных складов Омска, Красноярска, Тобольска и Обдорска, имеют совершенно разные расценки. Колебание настолько значительно, что объяснить его наценкой на транспорт никак нельзя.

Затем, в стоимости некоторых вещей, преимущественно хозяйственных, привезенных в качестве инвентаря фактории, попадаются настолько преувеличенные цифры, что их можно рассматривать только как курьез.

Например, железные рукомойники, — обыкновенная полуцилиндрическая кружка, с дыркой в дне и с железным шпильком вместо крана — оценены каким-то шутиком в 36 рублей за штуку. Да, 36 руб. 55 коп.

Даже у работников фактории это вызвало хохот, хотя настроение у нас от всей этой бухгалтерской канители отнюдь не веселое.

В большие деньги вскочила Комсеверпути различная утварь, сделанная или приобретенная „хозяйственным способом“. Простейший шкаф, не полированный, даже не окрашенный, без дверей, стоит по фактуре 222 руб 87 коп. Сосновый, строганный, некрашенный, а лишь слегка загрунтованный стол — 42 руб. 54 коп. Скат тележных колес, уже не новый, расхлябанный — 211 руб. 60 коп...

Перед такими расценками остается только развести руками. Что это за „хозяйственность“, вгоняющая пустяковую вещь в сотни рублей — никому не понятно. И ведь какая точность 222 руб. 87 коп. Вычислено, что называется, до полушки — комар носа не подточит!..

На любом рынке и у любого спекулянта-барышника такой шкафчишко можно бы купить за пару червонцев. Тележный ход, когда он был еще новой и целой телегой, вряд ли стоил дороже полусотни. А тут 211 руб. 60 коп.

Эти копейки, уточняющие исчисление, придающие „хозяйственности“ солидность и серьезную законченность, прост неподражаемы.

Разумеется, приведенные примеры не составляют правила для хозяйственников правления Комсеверпути. Это выхвачена мною, так сказать, юмористика счетоводства. Но вообще говоря, наценки Комсеверпути почти на все товары довольно высоки — значительно выше госторговских. В силу этого лавочный прейскурант на наших факториях не будет увязан с прейскурантом старых факторий, работающих в Обской и Приенисейской тундрах. Туземцы же кочуют и сдают пушнину сегодня здесь, завтра там. К разнице, даже копеечной, они очень чутки.

Было бы, разумеется, проще всего заранее собрать все сведения о расценках и координировать их с госторговскими. Но с.х. отдел не догадался. Поэтому т. Евладов отдал распоряжение, чтобы с первым снегом по первопутку обязательно послать в Новый порт кого-либо из служащих и привезти оттуда все стандарты и все расценки.

Пока же мы должны работать по туманной канве, данной фактурами складов и контор.

Счетовод Пепеляев сидит часами над какой-нибудь цифрой и десятки раз умножает ее, делит, шелкает на счетах, доискиваясь уж не точной, а хотя бы приблизительно похожей цены товара.

Как, скажите, обмозговать такую несообразность: свинец в болванке по фактуре расценен в 7 руб. 50 коп. за килограмм, а готовая дробь, отлитая из того же свинца, крупная и мелкая — 1 руб. 32 коп. килограмм?

Или: где найти истину, если одни и те же жестяные литровые и полулитровые кружки по одной фактуре стоят 68 коп., по другой 1 руб., 50 коп., а по третьей — 2 руб. 63 коп.

— Опасная штука торговая бухгалтерия, — глубокомысленно высказывается Вахмистров. — С нею надо держать ухо востро, а то как раз угодишь под суд. Милости нет!

И, действительно, с такой бухгалтерией — милости нет — не долго и до уголовного кодекса.

Все это показывает, как скверно работает аппарат правления Комсеверпути. А к нему, поставленному для обслуживания важнейших хозяйственных и политических задач, должны быть предъявлены особо серьезные требования, ибо всякий его промах вырастает в вопрос огромной важности на месте, в тундре.

Все эти бухгалтерские „шуточки“, если даже они просто головотяпство, то объективно граничат с вредительством, подрывая в глазах туземного населения авторитет факторий, смазывая их огромную хозяйственную и политическую роль, давая пищу для агитации кулацких элементов.

У нас нет свежего мяса, нет рыбы. Едим солонину, и той только одна бочка. При участии плотников, она быстро убывает.

Мы могли бы настрелять дичи и наловить рыбы, но для этого нужно иметь свободное время, которого у нас абсолютно нехватает.

Переноска грузов, стройка, подсчет, налаживание хозяйства — сбивают с ног. Урвали один денек и совершили деловую прогулку, которую я опишу в следующем очерке, однако это сказалось на ходе работы. Временно надо о прогулках забыть.

Дни идут, небо хмурится, вот-вот грянет зима. Ее мы обязаны встретить уже окончательно устроившимися.

Да и „Микояну“ недельки через две пора возвращаться в Омск, на зимнюю стоянку. К его приходу все наши итоги подсчетов должны быть завершены для отсылки в правление.

Словом, нам некогда, нас со всех сторон подхлестывают обстоятельства. Мы живем под знаком лихорадочной спешки, усложненной сотней предстоящих дел.

ЯМАЛЬСКИЙ ПИКНИК

Наконец-то выбрали день для экскурсии в окрестности.

С утра приготовления: подчинили невод, сделали весла, подконопатили и исправили лодки, а после завтрака двинулись.

Погода прекрасная. Чуть заметно дует попутный ветер. Идем на двух лодках, гребем попеременно. Сидящий на корме рулит веслом, и так как вода мелкая, то есть возможность упираться в дно и подталкивать лодку. Это дает ход больше, чем гребля. Наша цель вообще исследовать рукав Тамбея, а кроме того, мы должны найти глину и мох, необходимые для постройки.

Пока доехали, здорово устали. Лодки тяжелы на ходу, весла кое-как срублены топором, каждый километр пути дается мозолями и потом.

Отмели досаднейшим образом раскинуты по всему побережью. Чтобы их обойти, надо вырваться далеко на взморье, а это составит петлю в лишний десяток километров. То-и-дело мы натываемся на песчаные хребтины. Гребля прекращается, весла становятся шестами, и мы изо всех сил проталкиваем лодку, отвоевывая путь буквально по вершкам. Приходится иногда лезть в воду и перетаскиваться через перекаты вручную.

Этот рукав Тамбея самый незначительный и к тому же отличается пакостным характером: мелководен, течет укрыто за холмами и вход с губы так замаскирован, что найти его очень трудно. Однако нам поудачило — сыскали русло и вошли в самое удобное время наивысшего прилива.

Фарватер реки узкий; она, конечно, не судоходна. В устье, при слиянии с губой, русло теряется в необъятной шири мелководья. Но чем дальше от места впадения, тем контуры берегов становятся четче, типичней. За первым же поворотом речка сбрасывает личину укрывательства и прекращает игру в прятки. Покорно и тихо она распласталась перед нами. Левый берег, к которому мы пристали, повыше и посуше. Противоположный — порос по колено травой в роде осоки. А за следующим зигзагом, наоборот, левый — понижается и в приливы залит водой, правый же — обрывист и уступами уходит в солидную высоту, метров на сто.

Как бы ни было, мы быстро выбрали место бивака, выгрузили из лодки имущество и прежде всего забросили невод, чтобы не упустить прилив.

Это уже третья наша попытка добыть рыбу. Первую я описал, вторая почти не отличалась от первой и тоже не дала улова. Здесь же на Тамбее выяснилась карикатурная несообразность трехсотсаженного невода со скромными размерами речки. Кроме того, колоссальная сеть абсолютно не желает поддаваться силам нашей маленькой компании.

Бились часа два, устали до полного изнеможения, промокли до нитки.

Этот третий лов оказался самым удачным: в петлях застряло десятка полтора рыб.

Мы воспряли духом — уха обеспечена!

Пока разгорался костер и женщины чистили рыбу, мы вытащили на берег невод.

И, пожалуй, именно тут, поджидая уху на берегу Тамбея, я проник в секрет, почему наша рыбная ловля так упрямо несчастлива.

Дело в том, что вся неводная сеть изорвана. Есть дыры в аршин, были даже саженные, но их зачинили. А маленьких, величиной в ладонь — без числа. Аксенов уверяет, что это пустяки и „не влияет“. Он инструктор, спец — возражать не приходится.

И все же я остаюсь при своем убеждении: рыба не ловится из-за дыр.

Я исхожу из своих наблюдений и делаю логические выводы.

Принцип неводного лова основан на том, что сеть, на всем охваченном ею пространстве воды, „ведет рыбу“. Здесь учтены инстинкт самосохранения рыбы и присущее ей свойство преодолевать препятствия не бегством вспять, а поисками прорыва, прохода. Она идет по сети, всюду упирается в крепкую нитку и доходит до отверстия мотни, откуда ей уже нет спасения. Находить проходы и прорываться, рыба большая мастерица. Плавая по дну между водорослями, камнями, корчагами и прочими заграждениями, она довела искусство преодолевать преграды и отыскивать лазейки до совершенства. Вся задача ловцов только в том и заключается, чтобы не оставить в сети ни единой щели. А у нас через каждые 5—10 саженей зияет прореха, которая якобы „не влияет“.

Я обратил особое внимание на то обстоятельство, что многие рыбежки вылавливались нами не в мотне, а запутавшимися в петлях сети. Мотня постоянно оказывалась почти пустой.

Пока в ведерке варилась уха, мы подставляли к огню то один бок, то другой. От мокрых рубак валил пар.

До чего же, чорт возьми, хорошая рыба в Тамбее! Особенно эта, заставившая нас проголодаться и устать, хуже ездовых собак.

После ухи попили из того же ведерка чаю. Это пустяки, что он подернут жирком навара и припахивает все той же ухой.

Тундра мокра, как губка. Под полуметром сырости лед. Брезент плаща сложен вдвое — подстилка будто бы надежна. Я, кроме того, завернулся в полушубок и в нескольких вершинах теньку горит костер. Но все это, в конце-концов, не спасает: холодок проникает откуда-то из-под брезента, телу зябко.

Все спят. На полчаса и меня одолела тяжелая дремота усталости, но разутым ногам стало так холодно, что я очнулся.

Ночная гнусь исчезла, наступило утро — предсолнечный час. Зеленая тундра казалась чисто умытой, ярко сочной. Клочками кой-где клубился туман. У ног чуть плещется речка: прилив гонит воду вверх против течения, и она в борьбе урчит. В осоке копошатся и гомонят выводки водяной птицы. Покой и мир... Для полноты картины не хватает лишь человеческого жилья — каких-нибудь нескольких изб по скату хотя бы вон того холма, или стада коров, уткнувших морды в пышную траву. Хорошо, конечно, и так, как есть, но уж очень пустынно. Мох мы нашли быстро. Его столько в ямальской тундре, что для вывоза потребовались бы сотни буксиров, подобных „Микояну“. За ним на Тамбей не стоило ехать. Бесчисленные мшанники мы обнаружили в двадцати шагах от фактории. Но глины так и не сыскали, хотя и она, конечно, есть.

Зато уток набили с десятков в каких-нибудь полчаса. Делается досадно на эту глупо-доверчивую птицу, когда она подпускает охотника на несколько шагов.

Однако нам некогда заниматься охотой. Поднимался ветер, по губе разошлась волна. Оставив лодки на якорях, а просохший невод уложив на берегу, мы пешком двинулись в обратный путь.

Это была знатная прогулка. Встречное солнце слепило нам глаза, встречный ветер мехами вздувал наши легкие. Казалось, что ямальское утро смеется и шалит, забыв на час про свою полярную скупость на ласки.

Хорош Ямал в этакie деньки северного лета!

УРАГАН. ДЕВСТВЕННОСТЬ МЕТРАЖА. НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЭКСКУРСИЯ

С утра 17 августа мы работали в одних рубашках. День прекрасный, тихий, теплый. Накануне вновь неудачно пытались ловить рыбу все тем же дырявым неводом и с дневным отливом принялись за уборку сети. Вешала у нас простейшие — из крепких жердей, составленных козлами. На них мы развешивали мокрый невод. Вдруг сразу потемнело. Именно сразу. В каких-нибудь 10–15 минут великолепный день померк, солнце потускнело и перестало греть, вода насупилась, бухта словно вспухла.

Я даже не понял, откуда взялся туман: сверху ли из воздуха, или снизу от мокрой тундры, но он за клубился космами и поплыл низко над землей — жутко-холодный, пронизывающий до костей.

А через полчаса творилось чорт знает что. Ветер, в буквальном смысле слова, ревел. Срывался временами дождь, и с такой силой хлестал, что телу больно, как от розги—трудно выдержать.

Губа взбесилась. На песчаный берег волны кидаются с грохотом и гулом. Бухта, как огромный котел, кипит чудовищными валами, обгоняющими и рвущими друг друга в клочки,

Наш намокший брезент шатра весит никак не меньше полусотни пудов, и все же его полотнищами ветер треплет, точно носовым платком. Надо иметь крепкое тело и сильные ноги, чтобы сопротивляться такому урагану. Зато по ветру я бежал к шатру быстрее зайца и, вероятно не сумел бы остановиться, если бы не ухватился обеими руками за козлы подпорок.

Вот он — полярный шторм!

Дождь сменяется изморозью, изморозь туманом. Все это, чередуясь в дьявольской чехарде, с воем и свистом несется куда-то на адский шабаш. Грозы, как мы ее знаем, — с молнией и громом, нет. Но беспрерывно уши разрывает гул, рев, тяжкие, глухие удары, словно из всего полуострова выколачивают душу.

Мы забились по койкам, укутались в разное барахло, прикрылись плащами. Шатер точно решето. Отовсюду дует, плюется, брызжет.

В тяжелом полусне-полуяви прошел остаток дня и короткая, впервые настояще-черная ночь. Утро принесло мало перемены. Из-под одеяла и вороха одежды не хотелось высовывать носа. Температура не выше нуля.

Впрочем, относительно температуры я должен оговориться: измерять ее нам нечем. Как это ни дико, но у нас нет абсолютно никаких измерителей — ни термометра, ни хронометра. Нас снабдили тремя будильниками из сорта последней рыночной дешевки, но каждый из них останавливается по несколько раз в день. Если я где-либо в этой книжке говорю о температуре, то за точность прошу извинить: ее мы определяем смекалкой.

Вахмистров, правда, повесил с гордостью собственный чистенький барометр на главном столбе нашей палатки, однако с первых же дней мы обнаружили, что стрелка с подозрительным постоянством стоит на „ясно“. Описанный ураган не произвел на этот инструмент никакого впечатления, а когда кто-то встряхнул его, то стрелка беспомощно упала вниз, ткнулась в „буря“ и уж поднять ее не удалось.

Так мы и живем без каких бы то ни было „метражных“ наблюдений за Ямалом.

Буря длилась двое суток. За ночь она как бы урегулировалась — это уже не был ревущий, все опрокидывающий ураган. Стихии пришли к какому-то полусоглашению и бушевали с меньшей яростью, но все наши работы приостановились. Лишь к 19-му числу ветер пал баллов до 7—8.

Конечно, нас больше всего тревожили береговые грузы. Вода подступала к ним почти вплотную. Мы смотрим на это,

как на предостережение. Почему знать, не является ли пережитый шторм только вступлением к еще более страшным бурям? Август, в сущности, лето или начало осени. Славится же буйством именно осень.

На солнце и ветре до изумительности быстро сохнет песок. Едва миновала буря, как истертая песочная пудра вихрями наполнила воздух. Здесь это своего рода бич. Только и знай — береги глаза. Все в пыли. Хлеб и пищу некуда спрятать. Песок проникает под покрывала, занавески, кастрюльные крышки. Едим с хрустом на зубах. Из сапог по несколько раз на день нужно вытряхивать. В ушах, носу, даже во рту песчаные залежи.

Борьба с летящим песком точно в жгучих пустынях Средней Азии или Сахаре.

Вот уже две недели, как мы высадились и выгрузили товары, а туземцев еще не видели. Это начинает не на шутку волновать. Ежедневно мы возвращаемся к этому вопросу. Все догадки сводятся к одному: туземцы, очевидно, не знают о нашем прибытии. Поэтому мы выработали план: 25 августа я и Аксенов садимся в лодку и отправляемся вверх по Тамбею в глубь полуострова. По нашим предположениям, туземцы летом кочуют с оленями на предгорьях водораздела. Там мы их найдем и дадим точные указания, где именно обосновались две вновь оборудованные фактории.

— Милости нет, нам необходимо торговать, — говорит Вахмистров — И затем, есть нечего! Если не добудем от туземцев оленины, то придется круто — солонина на исходе.

А мы знаем и еще одну тайную надежду, которую заведующий лелеет. С появлением туземцев он рассчитывает сломить рвачество плотничьей артели: туземцы с оленьими упряжками — серьезные конкуренты по переброске грузов с берега.

Как бы ни было, а мы деятельно готовимся к путешествию. Сшили палатку из парусины и легкий парус для лодки из красной бязи. Мне невольно вспомнился милейший А. С. Грин, пожалуй, единственный в Советской стране мечтатель-художник, пишущий свои романы-сказки вне времени и пространства. На пустынном Ямале мы воплотим его фантастику об „Алых парусах“, такую наивную и словно лишнюю в кипуче победном шествии индустрии. Нам важна не сказочность: просто бязь дешевле прочих материалов.

Берем с собою немного дров, сделали маленький неводок — всего в тридцать саженей. Облюбовали ружья.

Пройдя до хребта, увидим, так сказать, лицо Ямала: что он собою представляет — этот мало исследованный полуостров. Ведь мы, если говорить правду, ничего еще не видели, не отходили от берега дальше двух-трех километров. Я не отрицаю, у нас множество спешных дел. Но работа работой, а осмотр, исследование, изучение незнакомого края также входит в нашу программу. Дни же бегут — лучшие дни. Еще две-три недели, и все тайны пустыни прикроет на 9 месяцев снег. Может быть зимой совсем не будет работы — какой толк?

— Поехать и посмотреть, конечно, следует,—равнодушно говорит Вахмистров.—Самое важное—найти туземцев.

Я удивляюсь и негодую на это равнодушие. По-моему, не „следует“, а необходимо, во что бы то ни стало нужно исскапать полуостров вдоль и поперек, внимательнейшим, зорким, хозяйским глазом осмотреть всякую подробность, каждую сколько-нибудь значащую мелочь. Иначе, на кой прах было и огород городить с засылкой на край света факторий! Не узнав и не исследовав края, мы не оправдаем расходов и хлопот, на нас затраченных. Чего мы не в состоянии сделать из-за отсутствия специальных знаний, то в свое время доделают нарочно присланные экспедиции. Но что общедоступно — вся масса сведений и данных, наглядно характеризующих удаленную область,—разве мы имеем право от такой работы отмахиваться? И разве подобный труд во все века и под всеми широтами не производился исключительно пытливостью и настойчивостью культурного человека? Именно в этом прежде всего наша задача и наше оправдание на Ямале.

— Пустяки болтаете. Главное — пушнина. Задание на год — тысяча штук песцовых шкур. Милости нет! Какие к чорту исследования, когда нам нужна пушнина! — спорит заведующий.

— И осетры?

— Какие осетры?

— Как же, ведь ваш план — десять тысяч пудовых осетров.

— И осетры есть — надо уметь их поймать.

По тому, как сердито смотрит Вахмистров на Аксенова, я догадываюсь, что мысль об осетрах внушена инструктором, Вахмистров лишь по легкомыслию поспешил сочинить фантастический план и попал в смешное и нелепое положение.

Наша экскурсия в глубь полуострова все же не состоялась.

23 августа приехали две нарты с туземцами, привезли первые песцовые шкурки и, между прочим, сообщили, что на Ямале уже отлично известно о высадке факторий. Кочевья мало-помалу продвигаются к нашим берегам — их странствование по полуострову находится в зависимости от количества оленьих пастбищ и от промыслов.

Через день приехали другие, потом еще и еще. Ежедневно стали появляться новые и новые песцы.

8. ЯМАЛЬСКИЕ ТУЗЕМЦЫ

Первыми на факторию приехали Ванька Тусида и Яунгу Яптик.

По внешнему облику, особенно когда они одеты с ног до головы в мех, ненцы, конечно, типичны и знакомы каждому. Их обувь и одежда, оленьи упряжки и сани-нарты примелькались в книжках, журналах, на кинолентах.

Я никогда не предполагал встретить именно такого человека: с таким осмысленным лицом, так ладно созданного природой. Мне ненцы рисовались полудикарями, стоящими на низкой ступени развития, с соответственной, конечно, внешностью. Не понимаю, откуда и из чего создалось такое пред-

ставление. Оно глубоко ошибочно, и этой ошибке я чрезвычайно обрадовался.

Сильное и навсегда запоминающееся впечатление производит Яунга Яптик. Среднего роста, пропорционально сложенный, с покойными уверенными движениями, с крепкой и легкой походкой — он положительно хорош, даже красив. Оденьте его в европейской костюм, причешите, замените меховые кисы ботинками и он сделает честь любой культурнейшей нации, для которой характерны волосы цвета вороньего крыла без намека на курчавость.

У Яптика, когда он молчит, постоянно светится в глазах добродушная насмешливость. Чрезвычайно умные, насмешливо поблескивающие глаза. И весь контур головы правильный, четкий, законченный. В его манере держать себя много спокойствия и достоинства, ничего заискивающего или суетливого — простота и уверенная выдержка. На вид ему лет около тридцати, надо думать, эта манера является уже совершенно отстоявшейся его сущностью — он знает цену и себе и другим.

Ванька Тусида производит впечатление несколько пожиже, но зато, пожалуй, и посложней. Он порывистей, живей и бойчее своего товарища. Энергия и предприимчивость из него выпирают. Он не может задержать надолго взгляда в одном направлении — глаза быстры, подвижны, зорки. Много спрашивает, словоохотлив. В его внимательном и любопытном огляде вещей, товаров, лиц и вообще всего окружающего заметно словно что-то принимающее и оценивающее.

Сразу же выяснилось — никто из работников фактории ни аза не смыслит по-ненецки. Только Аксенов объясняется, да и то с большими заминками. Гость настойчиво повторяет одну и ту же фразу, пробует дополнить каким-либо вставным словом, пытается подсобить глазами, пальцами, а наш толмач все переспрашивает, обращается то к одному, то к другому, доискивается смысла. Когда поймет — радостно вскрикивает. Мне из этого первого разговора ясно, что Аксенов знает лишь кое-что и кое о чем — его запас весьма ограничен. И туземцы радуются, когда поймут переводчика. Лица расцветаются.

— Тарем, тарем! — восклицают они.

„Тарем“ (понял) — это слово все мы быстро усвоили.

Погода выдалась хорошая — в шатре широко распахнули дверное полотнище, усадили гостей за стол, вскипятили чай. К хлебу, сушке, маслу, сахару ненцы отнеслись сдержанно. Даже печенье их не прельстило и, сев по штучке, они равнодушно устарились. Яптик что-то говорил вполголоса Ваньке. Тот в ответ кивает и испытующе поглядывает на заведующего. Несколько раз он повторил Аксенову какую-то фразу. При Яптике он выполняет словно бы роль маклера.

— Что они хотят? — с тревогой спрашивает Вахмистров.

— Просят поднести по чарке, — неохотно переводит Аксенов:

В нашем быту это вопрос крайне деликатный. Из-за него между заведующим и инструктором установились натянутые острые отношения. Вахмистров почти не пьет, склонен считать выпивку чуть ли не преступлением. Аксенов, наоборот привык пить и, как профессиональный полярник-промышленник, не представляет себе работу за полярным кругом без выпивки. В первый же приезд туземцев самый больной вопрос фактории встал на ребро. По взволнованности и колебаниям нашего заведующего было видно, что в его мозгу зреют палативы.

— По чарке я, пожалуй, угощу, но вы скажите им, что у нас этого не полагается.

Аксенов усмехнулся и что-то пояснил гостям. Те обменялись быстрым взглядом и тоже усмехнулись.

После стакана водки туземцы раскраснелись, охмелели. Им показывали разные товары, Яптик сходил к нартам и вернулся с мешком, из которого вытащил сначала одну шкурку песца, потом другую. Первый почин!

Песцы великолепны. Белые, как полярный снег, они пышные и легкие. Цельная шкура, размером приблизительно с небольшую собаку, едва ли весит свыше фунта. По пушистой нежности и красоте, конечно, этому меху нет равного.

— Валюта!—значительно проговорил Вахмистров, рассматривая шкурки с видом специалиста-пушника.

Сторговавшись в цене, Яптик заявил, что продаст песцов только при условии, что в числе нужных ему товаров будет отпущен и спирт. Торг чуть не расстроился. Вахмистров выходил из себя, но промышленник был тверд. Видимо, ему во что бы то ни стало хотелось еще выпить—поднесенная чарка подогрела аппетит. Чай, табак, сушка, даже отобранное ружье отошли на второй план.

Тусида, как волчок, ввертывался в переговоры. Он убеждал то Аксенова, то Яптика, порой обращался непосредственно к Вахмистрову, чувствуя, что именно от него зависит исход сделки. Тот не понимал ни слова, беспомощно разводил руками.

Лишь Яптик был спокоен и на слова скуп.

— Короче к делу, нужно дать спирт. Иначе ничего не выйдет,—решительно заключил толмач.

Вахмистров пожевал губами и сдался:

— Хорошо. Скажите, дам поллитра... Только ради почина!..

— Это им наплевать, они тонкостей не понимают,—небрежно ответил Аксенов.

Туземцы посовещались, переводчик вернул свое слово.

— Литр!—заявил Тусида.

— Поллитра!—отчеканил Вахмистров.

Снова занялся торг и спор.

И надо отдать справедливость, во всей этой своеобразной «приемке пушнины» с наибольшим достоинством держался все тот же Яунга Яптик. Охмелевший слегка от выпитого стакана, он чаще улыбался, глаза заблестели и их покойно добродушная насмешливость резче обозначилась. Было видно,

сто ему — опытному промышленнику — не ново иметь дело с чкупщиками пушнины. Он ехал на факторию с определенной целью и знал притягательную силу песка.

Вахмистров говорил толмачу с подчеркнутой серьезностью:

— Передайте, что мы не частные, а агенты госторговли. Советская власть ни за что не станет поощрять среди туземцев пьянство. Я не имею права продавать спирт. Даю лишь как первым гостям — из-за почина.

А Яптик слушал и усмешка не сходила с лица.

— Литр...

— Поллитра...

Ванька стремился найти золотую середину. Пили уже третий чай. Ходили всей компанией смотреть оленей и нарты. Стреляли в цель из ружей разных систем.

„Тозовка“, выстрел которой щелкает не громче раздавленного зубами ореха, произвела на туземцев большое впечатление. Яптик долго и внимательно рассматривал механизм. Когда Вахмистров, старательно нацелясь, мастерски всадил пулю в полено, Яптик серьезнейшим образом исследовал действие выстрела. То, как он сам приложился и выстрелил, показывало охотничий навык в отличную меткость.

И все же ни ружья, ни прочие соблазны нашего ассортимента ни к чему не привели.

— Литр,—переводил Аксенов заведующему.

— Поллитра,—упрямо повторял тот.—Скажите, что я и так делаю чуть ли не преступление по службе.

Казалось, что ненцы так и уедут, не завершив сделки. Однако, когда Яунга Яптик, сложив песцов обратно в мешок, встал, то Вахмистров уступил во второй раз.

— Чорт с ними!.. Передайте: другую бутылку я не продаю, а угощаю их ради первого знакомства.

— Для них это не играет роли,—заявил Аксенов.

Я нарочно со всеми подробностями записал в дневник эту первую торговую операцию фактории. Уже по ней можно было судить, какая работа предстояла и какие пути намечались в сношениях с ямальскими туземцами.

Песцы все-таки перешли к нам и повисли на гвозде шатрового столба. Женщины фактории поочередно примеряли пушистый, ослепительно белый мех, кутали шею, зарывались лицом.

Интересно, сколько женских сердец будет сжиматься завистью или ликовать от обладания этими шкурками чудесного полярного зверька?

В ИЗБЕ. В РАБОТЕ. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВАТИК. ИЛЬЯ НАРИЧ

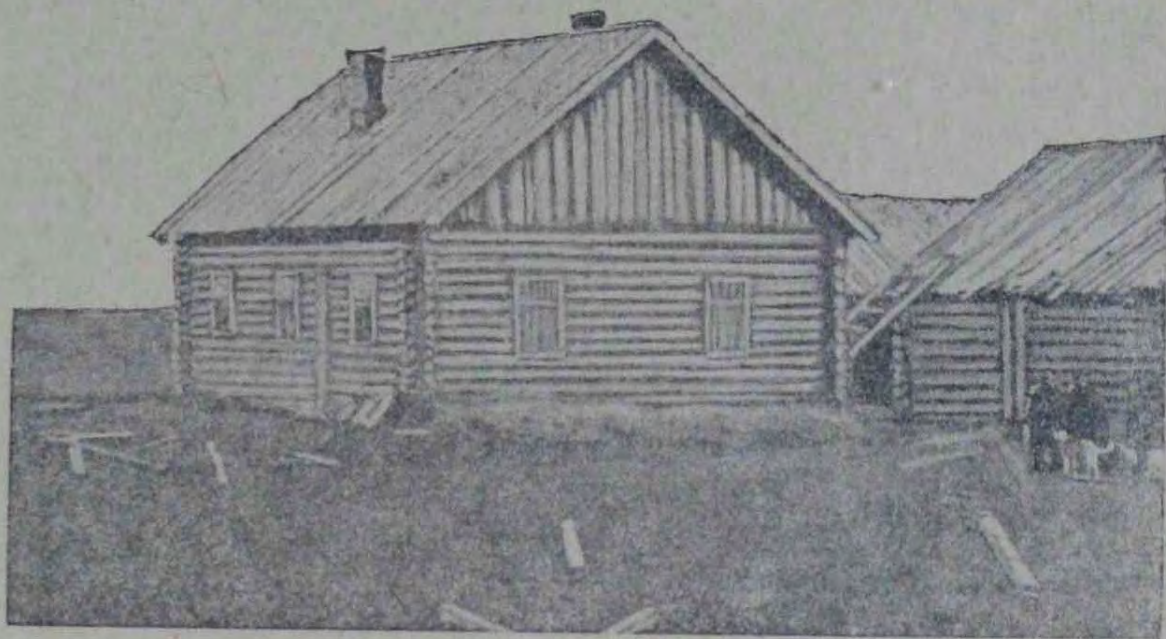
К 25 августа изба вчерне закончена. Не только ночи, но и дни настолько похолодали, что мы не стали ждать окончательной отделки дома и перешли из своего сквозного шатра под крышу.

Выражение „окончательной отделки“ следует пониматься конечно, условно. Какой отделки мы могли ждать? Вся она

заклучалась в просушке печей. Когда их затопили, то от сырой кирпичной кладки повалил густыми клубами пар. Стены вспотели, с потолка закапало, одежда и постели взмокли. Это нас не смутило. Лучше сырость, чем мерзнуть в палатке.

Что же касается отделки, то предполагалось лишь устроить перегородки, которыми семейные работники факторий пожелали отделиться от общежития, да отмежевать лавку и амбулаторию. Для штукатурки или окраски совершенно нет материалов. Не догадались привезти даже извести или мелу для побелки.

Изба состоит из двух половин. Каждая представляет собою большую комнату восемь на десять метров, просторность ко-

Фактория.

торых несколько скрадывается по настроенным в изобилии печами. В одной комнате огромная русская печь для выпечки товарного хлеба. В нее за раз входит до 35 крупных буханок. А кроме того, поставлена унтермарковская печь—по-сибирски „контрамарка“,—и для скорейшей просушки избы мы соорудили еще и круглую чугунную „временку“ с железными трубами, приспособленную под каменный уголь.

Во второй половине тоже есть русская печь, размерами поменьше, две „контрамарки“ и железная „буржуйка“—большая, в ней помещаются дрова обыкновенной длины. Если бы не такое множество печей, то комнаты совершенно походили бы на сарай.

Стены темнеют голыми бревнами, отчасти закопченными, отчасти сохранившими следы побелки. Из пазов между бревнами торчит и космами свисает мох, которым плотники кое-как проконопатили избу. В потолке щели. Доски расходятся местами на палец. Думаем насыпать на чердак песку для теплоты и от дождя.

Фронтоны и крыша устроены тоже не ладно. Ветер гуляет и свистит в дыры, в слуховые окна, в щели. Первый же зна-

чительный дождик пронизал нашу постройку, что называется, насквозь. Отовсюду сочилось и капало через крышу на чердак, с чердака в комнаты.

И вид комнат неуютный, грязный, амбарный.

—Ничего — обживемся! — утешаем мы друг друга.

Ждем прихода „Микояна“ — он увезет печников и плотников. Тогда станем устраиваться на зимовье. Пока же чистую нашу горницу занимают гости — рабочие, так как их временный барак пришлось разобрать: материал потребовался для постройки склада и амбара.

Склад просторный и прочный. Он защищает избу от северного ветра. В нем темновато — окошечки малы. Но на глаз уже определено, что товары поместятся все, включая и штабеля мешков с мукой. Это нас ободряет и мы храбро глядим в будущее.

Так называемый „крытый двор“ оказался просто амбарчиком. В него поместится ржаная мука. А из кладовки, устроенной в сенях между двумя половинами избы, мы мечтаем оборудовать баньку. Вмажем котел, поставим круглую чугунную печку, раскалим докрасна — милости нет!.. По бане все соскучились, все почесываемся. У нас в запасе имеется целая бочка отличных березовых веников. Но это в будущем.

Пока же очередной вопрос — торг с артелью рабочих о переноске грузов с берега. Туземцы не оправдали надежд. До снежного первопутка они категорически отказались даже разговаривать. У них нет колес — ездят зимой и летом на нартах. И они слишком дорожат оленями, чтобы тащить по песку на гору хотя бы один мешок с мукой. А зимой они посоветуются, подумают и дадут ответ.

Словом, видно, что надежда на них плохая. Зимой они, возможно, и сработают, но рассчитывать на дешевую перевозку нельзя.

После долгих переговоров с плотниками, сошлись на гривеннике с пуда, притом часть зарплаты будет выдана товаром и платьем.

Шестнадцать здоровых, привычных, втянувшихся уже в этот труд парней перетаскивали грузы с утра до вечера четыре дня сряду. Каждый заработал на свою долю 72 рубля. Я принимал груз на складе, отмечал, записывал, помогал укладывать. И должен сказать по совести: эти 72 целковых грузчики получили не зря. Расстояние от берега до склада каких-нибудь 100 шагов, но подъем крут, а главное — по зыбучему песку. Положили доски, чтобы не вязнуть. Но и по доске трудно: скользит нога, спирает дыхание. Спины трещат. Даже самые сильные ребята к десятому мешку выдыхались и шли под тяжестью, плетя ногами и шатаясь.

После десяти концов туда-назад делали передышку — курили. На третий день, с десяти мешков понизили урок на пять. К вечеру плечи, шеи, спины почти у всех оказывались стертими, в ссадинах. Перед сном они тщательно обмывали их друг другу, смазывали вазелином, присыпали. Когда вытащили

последний куль, выкатили последнюю двадцатипудовую бочку с солью — в артели уже не осталось ни одного „не стертого“ рабочего. У некоторых шея и плечи вздулись в сплошной воспаленный волдырь.

Нет, на нашей фактории эти люди воистину славно поработали! Что бы ни говорилось про свойственное им вообще рвение, как бы строго не осуждали их за „длинный“ рубль, ради которого они поехали, но в работе это отменные хвататы!

30 августа к вечеру закончили переноску. Осталось лишь из шатра переправить товары под крышу, но это мы сделаем своими силами.

Стадо оленей.

До чего хорошо чувствуют себя люди, закончившие тяжелую аккордную работу! В этот вечер фактория гремела от возгласов, хохота, песен. Вот она — удовлетворенность духа — награда, которую сам в себе таит успешно выполненный труд!

Следующее утро выдалось тихое, теплое. Рабочие с полотенцами и мылом потянулись в тундру к светлым озерам. Ссадины подсохли, намятые спины тихо ноют, перетруженные шарниры суставов словно плохо смазаны — дают себя знать на каждом шагу. Но на душе хорошо, на лице улыбка. Теперь можно отдохнуть уж до самого „Микояна“! И отдых заслужен.

Из-за увалов показываются нарты туземцев. Они стали ежедневными нашими гостями. Их чумы стоят в нескольких километрах. Если подняться на ближний бугор, то к северу, за рукавом Тамбея, и к западу, из-за гребня, виднеются островерхие темные конусы. Это их кочевые палатки, сшитые из оленьих шкур и натянутые на жерди — переносное, легкое жилье, которым они довольствуются зиму и лето.

Стада оленей подходят иногда так близко, что наши собаки их чувствуют. С тревожным лаем они несутся в тундру, навстречу дразнящему запаху. Возвращаются к нам с видом уди-

вленным и обескураженным. Дескать, о чем же думают хозяева — неужто не понимают, что лакомая дичь бродит под носом?

Вообще наше поведение идет вразрез со всеми собачьими привычками. Вместо того чтобы гнать оленя по всей тундре, бить, стрелять из ружья, мы оттаиваем упряжки туземцев собственным телом, а собак, наоборот, гоняем, привязываем на цепь. Они, нащерив шерсть, прыгают и визжат от злости. Олени пугливо прыгают ушами, вздрагивают, шарахаются. Уже было два случая, что сорвавшиеся псы угоняли упряжных оленей в тундру. Мы опасались неприятностей. Но, к счастью, собаки, видимо, не отваживались уходить далеко от жилья и олени находились.

Песец-крестоватик.

Сегодня приехал Илья Нарич. Это пока единственный знакомый, говорящий по-русски. Он балагур, шутник, любит выпить. Впрочем, это любят они все.

В свой первый приезд, несколько дней назад, Нарич привез шкурку странного зверька. Величиной с маленькую собачку, она светло-коричневого цвета с ярко выделяющимся бурым крестом на спине. мех густой и, хоть не длинношерстный, но очень пушистый и маняще-нежный.

Вахмистров долго рассматривал шкурку. Вертел ее так и этак, жевал губами, что-то бормотал. Весь его вид выражал недоумение.

— Чорт его знает, что за зверь! — воскликнул он наконец. — Не возьму в толк. Шесть лет работаю по пушному делу, а такого не видывал. Милости нет!..

Аксенов следил и улыбался. Нарич откровенно хохотал. Мы все поочередно щупали, гадали.

— Чего уж тут не знать, — пренебрежительно сказал Аксенов. — Обыкновенный крестоватик.

— Это что же такое?

— Песец. Летний песец. Зимой он белый, к весне синеет и зовется „синяком“, а летом буреет, на спине появляется крест, отсюда и название „крестоватик“.

Вахмистрова это весьма сконфузило. Он чувствовал, что в глазах работников факторий, а главное, в присутствии промышленников его репутация спеца пушника омрачена.

— Странно... гм... Милости нет! Первый раз вижу...

— Крестоватик—пушнина не экспортная,—добавил Аксенов. Нарич хохотал и пояснял окружающим туземцам, как ловко он поставил в тупик „главного“ члена фактории.

Кончилось тем, что, по предложению Вахмистрова, крестоватика за целковый купил инструктор.

— Раз не экспортная, значит, можете приобрести для себя,—сказал заведующий.

К крестоватикам мне еще придется вернуться; здесь я нарочно подробно описал первое наше знакомство не только с этим мехом, но и с самым словом — крестоватик. За исключением Аксенова никто, включая „спеца“ Вахмистрова, не имел об этом звере представления.

Туземцы охотно везут песцовые шкурки и пешки. Пешкой здесь называется шкурка утробного или только, что родившегося оленя. Это красивый и теплый, но сравнительно „не стойкий“ мех. Он боится сырости. Подмоченный и просушенный, быстро „ползет“—вылезает. Шапки из пешки держатся обыкновенно не больше двух-трех сезонов. По ценности, разумеется, в сравнении с песцом пешка итти не может.

У койки Вахмистрова уже образовались пышные связки цветных шкурок пешки, лоснящихся, будто крытых лаком, и белых, как лебяжий пух, песцов.

Взамен берут хлеб, чай, табак, масло, сушку. К сожалению, все еще не устроена лавка и товары лежат в ящиках. Было бы очень интересно, устроив магазинную выставку, узнать к чему именно потянутся вкусы и симпатии наших клиентов.

Впрочем, есть товар, стоящий вне конкуренции — спирт. Его Вахмистров дает с неохотой и большим разбором. Просят, требуют, кланчат без исключения все. Получают же только сдающие лучшую пушнину или много, на большую сумму. Одному промышленнику, сдавшему три шкурки высокосортного песца, Вахмистров без звука выдал целый литр.

Нарич, как видно, имеет среди туземцев авторитет. Его все промышленники охотно угощают.

Бросается в глаза его старание в присутствии туземцев говорить с работниками фактории как можно больше по-русски. При этом он выбрасывает слова быстро-быстро одно за другим, а так как владеет русской речью вообще слабо, то получается совершенно бессмысленная галиматья. Остальные почтительно молчат. Нарич самодовольно всех оглядывает и хохочет. В его косящих глазах светится откровенная наглость и хитрость.

Когда я беседовал с ним с-глазу-на-глаз, то он держится серьезно, говорит толково, хоть и с трудом, но находит нужные слова. Он изъездил и исходил весь Зауральский Север. Отлично рассказывает про старину, наперечет знает всех бывлых скупщиков пушнины, спаивавших туземцев, промышленников.

Между прочим, у него застарелый гнойный плеврит. В Тобольской больнице ему сделали пять лет назад прокол. Два года он ходил с дренажем, а теперь отверстие обросло мозолистым рубцом и гной, продолжая понемногу выделяться, мало тревожит больного. Он сшил из оленьей кожи остроумно приспособленную броню—род бюстхальтера—и прикладывает к ранке какой-то мох, впитывающий выделение. Вообще годами обходится без помощи врачей и больниц. Этим очень горд. Мне кажется, если бы гноетечение вдруг прекратилось и отверстие заросло, то Нарич принял бы это, как удар судьбы.

Странное, какое-то вывихнутое впечатление производит этот старик. Потершись у цивилизации, он впитал от нее только самое худшее, хитрое и своекорыстное. Только то, чем можно выжать личную выгоду из окружающей темноты и невежества. Об этом кричит его малица, крытая яркозеленым сукном с красной отделкой; его гусь, сшитый из белого, как снег, оленя. Об этом же, вероятно, могли бы рассказать его две жены: одна старая, для домашней работы, другая молодая—для утех.

Нарич первый доставил нам свежего мяса. Он привел привязанного оленя—важенку (корову) и при нас на фактории убил ее. Несколько присутствовавших туземцев серьезно и сосредоточенно следили за ходом дела, а когда Нарич распорол живот туши и, повернув ее вверх ногами, собрал в брюхе, как в корыте, всю кровь, то стали пить, мараю усы и лица. Брали куски мяса, макали в кровь и ели. Манера есть сырое мясо своеобразная. Отрезается тонкая пластинка печени, почки, сердца или просто мускула и одним концом смачивается в кровь. ловко наклоняя голову, туземец подхватывает кровавый конец ртом и у самых губ обрезает острым, как бритва, ножом. Жует, причмокивая, жмурясь и улыбаясь от удовольствия.

ПРИХОД „МИКОЯНА“. СМЕНА ЗАВОВ

В этот день, 31 августа, пришел „Анастас Микоян“.

Так скоро мы его не ждали. По нашим расчетам, он мог закончить высадку двух факторий и Гыдоямского отряда зверобоев не раньше 8 числа. Так же, насколько известно, планировали и сами караванщики. Когда на горизонте показалось судно, чуть видимое в бинокль, мы были уверены, что идет „Иностранец“ в Новый порт.

Но „Микоян“ дал гудок—сомнений не оставалось: так толсто и низко умел реветь только он.

Плотники и печники стали поспешно собирать пожитки.

В 10 вечера моторка привезла на берег уполномоченного Комсеверпути Евладова и начальника каравана Шарашова. Первое, что мы от них узнали: „Микоян“ через 4 часа уходит дальше к Омску.

Конечно, заторопились. Нужно сдать кое-какие документы, подсчеты, закупленную пушнину, получить последние инструкции.

Сумятицу внес переводчик Аксенов.

— Я на Ямале не остаюсь, — заявил он Евладову.

— То-есть, как не остаетесь? Ведь, вы подписали контракт.

— Подписал, но не остаюсь. Не желаю.

— Но вы срываете работу всей фактории. Вы единственный человек, знающий туземный язык.

— Это все равно — за свой отъезд я сам и отвечаю.

— Вас предадут суду!

— Ваше дело отдать под суд, а мое — оправдаться. Забирай вещи и кати на „Микоян“, — приказал Аксенов жене. Оказалось, и вещи у него уже уложены к отъезду.

— На пароход вас не примут, — твердо сказал уполномоченный.

— Если сбросят силой — все равно заявляю, что я на фактории не работник. Через несколько дней, с первым снегом, туземцы свезут меня в Новый порт. Оттуда я на оленях же проберусь в Обдорск или Таз. Буду, если потребуется, жить в чумах, работать с ними, промыслять. Здесь не останусь.

— Это ваше последнее слово?

— Пусть хоть под расстрел — последнее!

Уполномоченный принялся за разборку дел и просмотр документов.

Уход инструктора всех взволновал, явился полной неожиданностью. Действительно, оставшись „без языка“, мы становились абсолютно беспомощными, работа заведомо срывалась. Неоднократно мы пробовали уже объясняться с туземцами пантомимой, но это никогда не удавалось и дело заканчивалось веселым хохотом обеих сторон. Вести торговлю без переводчика представлялось совершенно невыполнимым.

Вдвоем с женой Аксенов увязывал последний скарб.

— Не пустят силой — садись одна и жди меня в Обдорске. Тебя ссадить не имеют права: я заявлял раньше, что ты вряд ли останешься на зимовку, — возбужденно наставлял он жену. Я не задержусь.

Не оставалось сомнений, что решение его непоколебимо, заранее обдуманно. Перед уполномоченным стояло: здесь же на месте принять какое-то ответственное решение, могущее спасти факторию от краха. Это понимали все и волновались.

Евладов о чем-то вполголоса посоветовался с начальником каравана. Мы упаковывали меха, торопливо собирали документы, прошло напряженных полчаса в спешной работе.

— Каким образом, т. Аксенов, вы желали бы переменить условия, чтобы остаться на фактории? — спросил уполномоченный.

— Никак! Я решил в твердую.

— В таком случае, я предлагаю вам остаться заведующим факторией. Примите все дела и все ценности от Вахмистрова, — сказал Евладов.

Это, впрочем, не вызвало особого изумления. Какой-то выход из создавшегося положения диктовался сам собой — выбор же крайне ограничен. Инструктора предложение ни мало не смутило, возможно, он ждал его.

— А как же Вахмистров?

— Сдаст и уедет на „Микояне“ вместе с нами.

Разом спустив решительный тон, Аксёнов сначала отнекивался. Неловко-де, скажут, подставил ножку, спихнул. Но с этим быстро было покончено и произошла скоропалительная сдача-приемка документов.

Самого имущества в сущности „не принял“ еще и Вахмистров. Добрая половина товаров и весь инвентарь не были даже подсчитаны, и ничто пока не зафиксировано актами. Тем легче прошло оформление.

Два приказа уполномоченного, несколько кратких бумажек, перемещение наличности кассы из одного кармана в другой — и в третьем часу ночи тт. Евладов, Шарашов и Вахмистров уехали.

Ветер разгулялся, берег заливают здоровой волной, на „Микояне“ нервничают, напоминая гудкам об опасности шторма.

Отъезжающие бредут к шлюпке по брюхо в воде. Взморье нахмурилось и предостерегающе поревывает.

Вот теперь уж мы остались одни! Это наглухо — до будущего лета. Евладов, правда, сказал, будто бы зимой к нам собирается приехать с Гыдыймского залива уполномоченный Комсеверпути З. З. Громацкий, зимующий с рыбо-зверобойным отрядом. Однако мы уже слышали, что через губу переправа по льду трудна и опасна. Ширина не меньше ста верст. Нарич утверждает, что туземцы на оленях ни за что не отважатся пробраться через торосы, которые местами образуют непреодолимые нагромождения. Можно, по мнению туземцев, проехать только на собаках. Но ими здесь для езды совершенно не пользуются, поэтому мне приезд Громацкого кажется весьма гадательным.

Затем, у нас имеются еще посулы: возможен прилет аэроплана за пушниной, и не исключена вероятность, что Евладову удастся сыскать в Новом порту или Обдорске опытного заведующего факторией для замены оставленного Аксенова. Он это обещал почти наверняка. Посулы, впрочем, на нас уже не производят большого впечатления.

Если поразмыслить, то смена заведующих на нашей фактории, так сказать, висела в воздухе.

Для работы в отрыве Вахмистров был не подходящ. Не знал туземного языка. Не знал местной пушнины. Не имел представления о здешних промыслах. Не дал себе труда хотя бы приблизительно ознакомиться с бытом туземцев, с условиями работы в их среде, с деятельностью прочих факторий Зауральского Севера. Все его рассказы о необыкновенных охотах, уловах и различных подвигах отдавали хвастовством, когда же мы приехали на Ямал, то выяснилось, что все выдуманно, сфантазировано.

Кто-то сказал, что „факт — упрямая вещь“. Именно, упрямая и беспощадная. На каждом шагу действительность подстерегала нашего бывшего заведующего, и факты бесжалостно ставили в смешное положение. С ними нельзя обращаться небрежно.

Однако все это было бы полбеда, умей он ладить с людьми. С знающим и толковым толмачом-инструктором все само собой образовалось бы. Не боги горшки обжигают — к концу года, при желании, он объяснялся бы с туземцами и постиг работу фактории не хуже инструктора. Даже пушное дело — наука не бог весть какая: сортов зверя здесь немного, категорий промышленного сырья тоже. Подучиться было бы вопросом простой сметливости.

Но в том-то и дело, что ладить он не умел. Решительно со всеми сотрудниками у него установились отвратительные отношения. Во всем, до мельчайших пустяков, он требовал безгласного подчинения. Ничьей инициативы не терпел, ни с чьим мнением не считался, каждый почин и всякую мысль, расходящуюся с высказанной им, принимал остро, враждебно, как обиду, как посягательство на свой начальнический авторитет. На кого бы не обрушился — моментально вскипит, кинется с криком, бранью, угрозами. И обязательно руку в карман — за револьвером. Не было сотрудника, которому он не угрожал бы то выгоном, то „пулей в лоб“.

— Пушу пулю!

Поссорился рабочий с собственной женой, — Вахмистров к нему с кулаками. Вася Соболев, добродушный и уживчивый парень, однако не стерпел.

— А ну-ка, давай! — и засучил рукава. — Морду бить — отошло, брат, время!..

— Пулю в лоб!.. Как собаку! — орал Вахмистров.

А иногда говорил это и совершенно спокойно. Например, оставляя незапертый спирт, ронял громко, хотя ни к кому в частности не обращаясь:

— Если кто тронет — пушу пулю в лоб!

Ко мне, как к профуполномоченному, поступило заявление поставить на коллективном собрании вопрос о необходимости „разоружить“ нашего заведующего. Положение было щекотливое и я его откровенно пояснил Евладову и Шарашову.

Умел быть приятным и любезным Вахмистров только с женщинами. Тут он становился неузнаваемым: шутник, рассказчик пикантных анекдотов и историй, добродушен, снисходителен...

Не знаю, был ли вопрос о смене заведующего решен заранее или встал перед Евладовым ребром, благодаря ультиматуму Аксенова, но относительно пригодности Вахмистрова к роли руководителя факторией двух мнений быть не могло. Он, конечно, не пригоден. Ни по подготовке, ни по моральным качествам, ни, главное, по здоровью. За полярным кругом руководитель предприятия должен обладать закалкой и выдержкой прежде всего. Вахмистров, беря это место, пере-

оценил свои силы — не на север, а на юг следует ехать переутомленным работникам, с расшатанными нервами, с издерганным, измотавшимся здоровьем. Куда-нибудь под ласковое небо Тавриды, к голубому морю, на курорт, под уход хорошего невропатолога.

Как бы ни было, а этот вопрос неразрывно связан с острейшим местом деятельности Комитета Севера, в частности Комсеверпути — подготовка кадров!

Не ясно ли, что только при полном отсутствии нужных людей на ответственный пост заведующего факторией возможна посылка человека, не имеющего представления ни о месте работы, ни об условиях сопровождающих ее, ни о специальности, связанной с нею.

Оставляя заведующим Аксенова, уполномоченный дал ряд руководящих указаний и особенно настаивал на коллективности решений.

— Вы неопытны, у вас нет практических навыков — советуйтесь. В серьезных случаях обязательно обсуждайте! Коллектив всегда сыщет тот выход, который правильнее. Имейте это в виду. Непременно советуйтесь.

IV. БАБЬЕ ЛЕТО

Примитивы жизни. Будни фактория. Туземцы. Торговля. Невязки. Сенокосный сезон. Отлет птицы. Приключение. Рабочий день. Скованная культура. Моя амбулатория. Конец бабьего лета. Баська. Условности морали.

ПРИМИТИВЫ ЖИЗНИ. БУДНИ ФАКТОРИИ

В первые дни по уходе „Микояна“ сотрудниками фактории живо ощущалась заброшенность и сиротливость. Стало как-то напряженно-тихо вокруг хаты. Ни плотничьих топоров, ни песен, ни веселых перекликающихся голосов.

Под будничную домашнюю работу всяк про себя обдумывал свои мысли, по-своему перемалывал в душе настроение.

Однако постепенно это проходило — затягивала работа.

Прежде всего принялись за устройство общежития в комнате, освобожденной артелью. Повытаскали бесчисленные топчаны, нары и столики, открыли окна, затопили печи. Я вооружился деревянным молотком и конопаткой в форме лопатообразного березового клина. Свисавший из стен волосатый мох конопатил, аккуратно подрезал топором. Три женщины замесили глину и следом за мной промазывали пазы между бревен.

Работа идет дружно. Никогда в жизни мне не приходилось конопатить стены, и вряд ли городские женщины часто имели дело с глиной. Тем не менее комната помаленьку принимала жилой вид. Разводы грязных полос по стене, конечно, не ахти какое шикарное украшение. Но мы не о шиках и заботились — важно, чтобы не дуло. Ну и если не быть требовательным, то законопаченные и замазанные стены имеют вид более жилой, чем с голыми висячими космами мха.

Затем каждый для себя построил перегородку. Получилось несколько маленьких комнатушек с широким проходом посередине. В дверях и у кроватей запестрели занавесочки — беленькие, цветные. И пол чистый, и в печке потрескивает огонь — чем не жилье? Грубо, конечно, хмуро, могло бы быть благоустроенней и уютней, но, ведь, здесь Ямал — в переводе: край земли!

Мы с новым заведующим Аксеновым обстраиваемся в другой половине дома — в „служебной“. Он сооружает лавку с полками и прилавком. Я — крохотную амбулаторийку — в которой и поселюсь. Размеры амбулатории, — два с половиной метра в ширину и столько же в длину. Это немного, но по-

местится стол, стул, койка. Шкаф составит часть одной из перегородок. По капитальным стенам приспособлю полки, доски выстругаю рубанком, чтобы выглядело почище, оклею синей бумагой—будет отлично.

Длинную и грозную зиму, как я предвижу, придется проводить преимущественно в четырех стенах, и мне хочется сделать эти стены возможно краше и приветливей. На синем цвете оклейки отдыхает зрение. Развешу карты севера. Полки и шкаф драпирую занавесками. Придется много времени проводить за рабочим столом—это предусмотрено: я запасся лампой с зеленым колпаком, низенькой, удобной.

На все эти дела ушло 22 дня. Впрочем, не целиком. Случались авральные работы, в которых приходилось участвовать то всему мужскому персоналу, то всему коллективу.

Первая работа, отнявшая у мужчин три дня, заключалась в переноске товаров из шатра в склад. Затем отрывались для похода в тундру за мхом. Его нужно было запасти на зиму для подстилки свиньям. На фабрику завезено шесть породистых поросят. Одного изгрызла собака и он сдох. На остальных же мы возлагаем надежды и в смысле лакомого разнообразия стола, и в смысле приплода.

Сбирать мох—одно удовольствие. Погода отличная. Установилось полярное бабье лето. Светит и даже греет солнце, не шибко, конечно. Если бы не постоянные ветра, наносящие то стужу, то внезапный дождь, было бы совсем недурно.

С рогожными кулями через плечо, в сопровождении стаи собак, мы отправляемся на запад, к холмам. В тундре научились обходить топкие места, и добираемся до возвышенностей, не промочив ног.

На буграх стелется ягель—олений мох. Он очень красив. Тонкого ажурного, причудливого рисунка веточками, похожими на то, как мороз расписывает оконное стекло. И цвет нежный-нежный, серебристо-зеленоватый, прихотливо-изысканного тона. Это в первый год его роста, когда он наливается вкусовыми и питательными соками, которые для оленя ни с чем другим не сравнимы. В следующие годы ягель буреет, потом становится совершенно черным, жестким, как проволока. На буграх мы находим обширные площади, покрытые свалевшимися в виде шапок или блинов клубками такого черного старого ягеля. Его так много, что в каких-нибудь 3—4 часа мы набиваем все кули доверху. Мнем коленами, увязываем. Он топорщится и пружинит, однако мы уже научились набивать в куль до 25—30 килограммов.

Между прочим, старый ягель—прекрасное топливо для костра. Им пользуются в чумах туземцы. И что-то лакомое находят в нем поросята: старательно роют носами, перебирают, жуют, удовлетворенно хрюкают. Сухой и пружинный, он служит хорошей подстилкой. Свиньи спят, как на матрасе, пока не смочут. Тогда вид ягеля отвратительный, грязный, черный, хуже навоза. Мы наметили собрать его на зиму до ста кулей.

И затем мы многократно обсуждаем вопрос, как бы сохранить Пегашку. Это очень жизнерадостный конь с независимым характером. Забросили его на факторию с тем расчетом, чтобы по окончании работы с перевозкой стройматериалов, угля, товаров — убить на мясо. Так сказать, обреченный, мерин.

Но жаль нам Пегашку. Он — общий любимец. Ест из рук, любит хлеб, не брезгует мучной болтушкой.

Псы у нас здоровые и злые, однако конек несколько их не боится. В боях за пищу он уже отстоял свою независимость. Однажды он ел из кормушки нарезанный хлеб и как-то случилось, что все хозяева отошли. Прикрыв от удовольствия веки, он не спеша разжевывал и ворочал языком во рту липкий мякиш. Вдруг две собаки с разных сторон кинулись к кормушке и атаковали Пегашку. Надо было видеть его великолепное возмущение! Не заржав, а грозно протрубив на всю тундру, он с такой силой рванул одного пса зубами, что тот кубарем откатился шагов на десять и долго визжал, помахивая головой и шеей.

Бросились другие собаки, поспешили было мы на выручку, но Пегашке никакой помощи не потребовалось. Прижав уши, оскаля громадные плоские зубы, он взвился с ревом на дыбы и сам кинулся навстречу врагам. Те, видимо, привыкли в деревнях к совершенно иному поведению лошадей. Возможно, в деревне Пегашка и был другим, но здесь Ямал — край света — мерин прекрасно понимает, что мягкотелость здесь не у места.

Бой решил в одну минуту. Свора разбежалась в страхе, некоторые с визгом, Рассевшись на безопасной дистанции, они долго лаяли на удивительного конька. В лае слышались конфуз и трусливая угроза. Пегашка не стал их преследовать, разом успокоился и, вновь, прикрыв веки, заработал ртом.

Боевой конь и игривый. Любит вдруг запрыгать козой, с вывертами, забаловать, заржать и, выбрыкивая задом, понестись в тундру. Или вдруг побежит за кем-либо из хозяев, замотает головой, дескать, вот я тебя! — погонит к дому. Женщины в таких случаях с криком удирают. Но он никому не причинил вреда. Догонит, ткнется мордой в шею или в руку, нюхнет с храпком — и спокойно отойдет в сторону. К таким играм все привыкли.

Выйдет Вася с краюхой в руке и крикнет:

— А-ну, Пегашка, догоняй!

Пегашка рысью, после галопом, мчится вслед за краюхой в тундру, вокруг склада, по откосу. Честно заработанное с наслаждением уминает. Собаки завистливо смотрят, но уже отнимать не решаются. Убивать такое животное — не подымалась рука.

Однако фуража оставили ничтожное количество: кулек овса и тюк прессованного сена. И вот на совете было решено найти подходящую траву, собрать на зиму хоть полсотни пудов и подкармливать мукой и хлебом.

Травы в тундре видимо-невидимо, сенокосов же нет. Сплошь кочки, слежавшиеся, твердые корни и мхи, болота. Мы потратили массу энергии на поиски. На охоте ли, на сборке мха, на исследованиях озер — обязательно присматривались к травам.

— Когда ударят первые морозы, наколим на топких местах, — сказал Аксенов. — Пусть затвердеет, чтобы не провалиться.

Туземцы рассказывают, что в километрах тридцати есть замечательно хорошие луга. Можно якобы накосить хоть сотни пудов. Но чтобы доставить нас туда на оленях, а после помочь Пегашке привести траву, требуют три литра спирта. Ни о каких деньгах не хотят слушать — только спирт! Мы посоветовались и отклонили. Справимся своими силами!

Пока что мерин самостоятельно бродит по тундре и пасется. Наедается доотвала. Явится домой — заржет: просит воды и хлеба. Ямал ему в пользу: толстеет, озорует. Единственное неудобство: его страшно боятся олени. Когда он, брыкаясь, несется к ним — они кидаются в тундру и, сломя голову, летят напрямик. Впрочем, ни одни олени, но и туземцы при его приближении разбегаются.

Страшный, и на Ямале, пожалуй, невиданный зверь!

Как бы ни было, а во всей этой буднично-хозяйственной сутолоке много того, что европейцы называют „аппетитом к жизни“ — непосредственной увлекательности. Никто бы не сказал со стороны и никому из нас не приходило в голову, что мы все это делаем как „служащие какого-то учреждения“. Захватил почти первобытный примитив существования. Полезность служебная сама собою совпадала и увязалась с стремлениями коллектива — других нет: устроить все наиболее хозяйственным образом, возможно целесообразнее...

ТУЗЕМЦЫ. ТОРГОВЛЯ. НЕУВЯЗКИ

Началась полоса дней совершенно нормальных для человека средних широт. Установились ночи и дни, закаты и восходы, утренние и вечерние зори. Это очень хорошо. Душа спокойна, тело чувствует свое расписание работы и отдыха.

Точному распорядку мешают туземцы. У них жизненный уклад выработан в условиях светового беспорядка. То солнце не сходит с неба без передышки чуть ли не полгода, то ночь зарядит под ряд на пару месяцев и люди должны жить чуть не ощупью. Ни с какими законными нормами трудодня или отдыха туземцы не желают считаться. Разделение времени на дневные и ночные часы им чуждо и непонятно.

Мы не возмущаемся — это ничему не поможет.

В глубокий ночной час, когда фактория поголовно спит, вдруг слышится сердитый лай собак. В сенях кто-то шарит, топчется. У нас нет дверных запоров — здесь они без надобности. Вваливаются туземцы, доносятся возгласы, оклики.

Сначала пробовали уклониться — отстоять ночной сон. Кто-либо из служащих выходит и вступает в переговоры. Запас слов невелик.

— Хуне!.. Локамбой!..

Хуне: спать; локамбой: спустя время или подожди.

Но им непонятно, почему поголовно всем надо спать и как это „спустя время“, если люди приехали по делу и издалека.

— Шурка! Шурка тара! — упрямо настаивают туземцы и отправляются в чистую половину, где заведующий с женой отгородили себе комнатку.

Шуркой называют Аксенова. Он, положим, не Шурка, а Алексей Никифорович, но видимо Шурка — легче и доступнее. Кажется это имя сохранилось за ним еще от прошлой жизни в чумах.

Мальчик-туземец.

— Шурка тара! (Шурку надо!)

Церемонии им не знакомы. Откинув дверную занавеску, они все за раз — обязательно все! — втискиваются в комнату Аксенова, прямо к супружеской кровати.

„Шурка“ — хочет не хочет — встает. Начинаются переговоры, открывается лавка, появляется привезенный товар. Самый желательный — песцы. Но хороши и пешки; и камусы — шкуры с оленьих ног: очень прочный, стойкий мех; и неблюи — мех молодого оленя-теленка. Фактория не брезгует ничем. Берет шкурки нерп, разрезанную на ремни кожу моржа — прочнейший ремень, которому нет износу. Меха принимаются всевозможные: медвежьи, волчьи, росомашьи, лисьи. И перо, и шерсть, и пух, и оленьи сухожилия, из которых выходят тончайшие и очень крепкие нитки — крепче дратвы. За гагачий пух и за мамонтовую кость установлены высокие стандарты.

Вообще говоря, в приемке мехов и сырья размаху „торга“ уделены весьма скромные рамки. Малейшая возможность спе-

куляции инструкциями вытравлена. На все — точный и четкий стандарт. Исключение сделано только для голубого песка, чернубой лисицы и белого медведя. Здесь, в зависимости от качества, а у медведя и от величины шкуры, стоимость может колебаться очень значительно.

Мне рассказывали, что белые медведи попадаются гигантских размеров с необыкновенно густым и мягким мехом. Из-за какого-то редкого экземпляра соперничали три покупателя частного и вогнали шкуру в 300 рублей. У нас таких не было. Но и среди немногих медведей, приобретенных на нашей фактории, есть шкуры в 50 руб., есть в 90 руб. Они резко разнятся и по величине и по качеству.

То же и с „голубыми“ песцами.

Я не могу уяснить, почему собственно они названы „голубыми“. Те цветные песцы, которые купила наша фактория, никак не могут быть названы голубыми. Их окраска рыжеватая, чуть-чуть дымчатая. Один есть потемнее, впадает в бурый тон и тоже с дымкой. На голубизну нет даже намека. И мех этих цветных песцов, я сказал бы, похуже первосортных белых. Не такой пышный, уступает по пушистости и нежности. Надо думать, те великолепные, действительно дымчато-голубые песцовые меха, которые в Европе носят богатые щеголихи, просто искусно выкрашены. Мастерство окраски мехов, если судить по специальным книжкам, доведено до высокого совершенства.

О вкусах, конечно, не спорят, но мне кажется — ничего прелестней и красивей натурального белого песцового меха придумать не возможно. Хотя „голубые“ шкурки обходятся фактории чуть ли не вдвое-трое дороже белых, по-моему, они все же низкопробней и по виду, и по качеству. Вероятно, тут диктует и распоряжается закон „моды“...

Явившихся для торговли нужно напоить чаем. Это обязательно! Когда бы туземец не приехал — днем, ночью, в тепло или стужу — уборщица наливает ведерный самовар и разжигает лучину. На старых факториях, говорят, круглые сутки кипит специальный котел с водой. У нас этого нет. Ведро в самоваре достаточно для двоих, несколько скромновато для троих, а четверым нехватает. Если уборщица почему-либо не обратит на это внимания, туземец без стеснения подсказывает: — Чай тара.

В первое время на фактории практиковалось бесплатное угощение сушкой, белым хлебом, экспортным маслом, иногда даже печеньем и конфетами. Промышленники быстро с этими порядками освоились. Мы, конечно, понимали, что скормливать дорогие продукты весьма убыточно. Но раз это обычай, против которого не возражал даже прижимистый Вахмистров, приходилось мириться.

А из чумов, придвинувшихся к фактории с двух сторон на близкое расстояние, гости приезжают ежедневно. Без дела, без нужды, купить-продать, просто так — в гости. Они ездят мимо нас на Тамбей для осмотра сетей. Попутно два-три че-

ловека остаются на фактории и ждут возвращения товарищей с промысла. На обратном пути присоединяются и те. С утра до поздней ночи фактория наполнена туземцами. Чай не сходит со стола.

Завелось, так сказать, прочное знакомство, дружба.

Ванька Тусида наш бессменный гость. Он оказался парнем на все руки. И, видимо, он в самом деле занимается своеобразным маклерством. Лично товара почти никогда не привозит, но в сделках сородичей принимает живое участие. Он научился хорошо понимать Аксенова. С незнакомыми туземцами тому порой трудновато столкнуться. Слова мнутя, что-то затирает. Промышленник недоволен низкой расценкой

Туземка за пошивкой одежды.

привезенной пушнины и считает цены на лавочные товары неподходящими. Он силится что-то раз'яснить и сложно аргументировать, но Аксенов жует в ответ стереотипное „тарем... тарем“... а сам, видимо, никак не „тарем“ — маловат лексикон.

На выручку спешит Ванька Тусида. Быстро лопоча и отсчитывая что-то на пальцах, он улаживает дело. Является, так сказать, переводчиком для „переводчика“. Что он на этом выигрывает и каким образом — неизвестно.

Он услужлив. Добывает для факторийцев лакомые оленьи языки, привозит иногда ягоды морошки, которая здесь растет, но в каких-то заповедных местах — я ни разу ее не нашел.

Жена Ваньки — Наташа всем понравилась, как полюбились и детишки. Их ласкают, одаривают лакомствами. Наташа шьет туземные меховые вещи и сбывает служащим: кисты (мехо-

вые сапоги), туфли, маленькие мешочки — род кошелька или ридикюльчика.

Вместе с ними частым гостем является симпатичнейший Мартим Яптик, парень лет 25 — однофамилец уже описанного мною Яунгу Яптика. Мартим хорош собой, всегда чисто выглядит, даже причесывается на пробор, постоянно всем улыбается приятной и открытой улыбкой.

Это наши друзья. С ними мы научились словно понимать друг друга.

Вслед за Ванькой Тусидой на фактории появился его родной брат Гришка. Это уже совсем типичная фигура. Ванька в его присутствии теряет колоритность и отходит в тень.

У Гришки Тусида облик американского индейца. Прямой нос, покатый высокий лоб, энергичный четкий профиль, блестящие и какие-то пронизывающие глаза, прямые волосы, черные до синевы.

Он, как передают, человек большой предприимчивости и инициативы. Сбил в артель несколько чумов, промысляет рыбу, зверя. Пить пьет, но без большого пристрастия и не напиваясь в доску.

Илья Нарич, мне кажется, в чем-то соперничает с Гришкой, на чем-то не сходятся их интересы. Намеками и полусловами он дал мне понять, что Гришка в артели почти не работает, а лишь эксплуатирует других туземцев. Это, конечно, возможно, даже наверно так.

Я вообще думаю, что для двух таких типов, как Нарич и Гришка, тундра немножко тесновата. Как и в чем заключается их „работа“ — не знаю и, по отсутствию языка, вряд ли сумею узнать. Но ни братья Тусиды, ни Нарич во мне не вызывают симпатий. Для быта кочевых ненецких чумов было бы благом от них избавиться.

Ну, а такие ребята, как Мартим и Яунга Яптики — красота. В них еще целиком сохранились чистота, непосредственность и чувство собственного достоинства первобытных обитателей пустыни. С этих хоть портрет пиши!

Впрочем, честность среди ямальских ненцев вообще стоит на высокой ступени.

У нас вокруг фактории разбросано масса добра: топоры, лопаты, пешни, пилы, косы, мешки, дрова, уголь, соль, брезенты, печи, бочки, ящики, продукты. И никто не растаскивает: мы не заметили ни одной покражи.

На склад и в лавку туземцы набиваются иногда толпой. Они не умеют ждать очереди и не понимают, что за прилавок или за порог склада нельзя ходить. Им невозможно объяснить, что продавец и кладовщик в праве опасаться за целостность товара и принимать меры охраны. Они либо совершенно не поймут этой тонкости „культурных взаимоотношений“, либо жестоко обидятся.

Обижать же туземцев нет оснований: набиваясь в лавку и склад, где со всех сторон навалены лакомые и соблазнительные товары, они ни разу не были замечены хотя бы в попыт-

не что-либо стянуть или отправить в рот — „попробовать Им это совершенно несвойственно.

Покупатели они практичные. Долго прицениваются, осматривают, исследуют, торгуются.

Некоторые технически замысловатые вещи их очень интересуют. Например, примус. При скудости топлива, примус им был бы крайне полезен — они это разом схватывают. И некоторые покупают, не взирая на довольно высокую цену. Однако в торговле примусами на нашей фактории происходят недоразумения. Оно и понятно. Такие приборы, если ими торговать на Ямале, должны быть снабжены запасными деталями, необходимыми, но скоро портящимися. У нас крайне мало иголок для чистки форсунки и совершенно нет запасных ниппелей. Примуса же вообще далеки от совершенства. Ими пользоваться и опытной хозяйке в Москве или Ленинграде надо умеючи и осторожно. Туземец засоряет и портит форсунку в два счета. И, конечно, везет „машину“ обратно в лавку. Будь запасные ниппеля и соответственные ключи для удаления испорченного и вставки нового — дело было бы поправимо и чумы быстро обзавелись бы этой удобной вещью. Тем более, что керосин для примуса имеется в избытке. Но мы беспомощны. Даже примусных иголок лавка не может отпустить больше 3—5 штук.

Так и лежат примуса. И мало этого. Что не разойдется полдюжины примусов — полбеда: особого затоваривания не случится. Престиж же самого прибора, по-существу, очень полезного, подорван в корне. Попробуйте-ка ненца уговорить, чтобы он вторично купил эту дорогостоящую штуку!

Вообще говоря, понемножку выясняется, что ассортимент товаров подобран слабовато. Дамские и детские чулки, перчатки, фуфайки, стеганные на вате полупальто, подтяжки, подвязки, туалетное мыло, швейные нитки, заброшенные в тысячах катках, вязанные шапочки, головные платочки и полushалки — все это ни к чему.

В подборе товаров та же картина, что и с расценками „шутливой“ бухгалтерии!

Ненец ничем подобным не пользуется, вещей таких не носит и не употребляет.

Затем у нас масса уксусной эссенции, сушеного картофеля, к слову сказать, крайне низкопробной выработки, и куряги. Это также Ямальскому туземцу не нужно. Он не взял ни капли эссенции, ни грамма куряги или картошки.

Такие товары и продукты следует засылать на Ямал только в количествах, требующихся для штата фактории. Здесь других европейцев нет и, значит, нет им сбыта.

А чайников медных прислали лишь три, котлов ни одного и т. д. и т. п.

Затем с ценами.

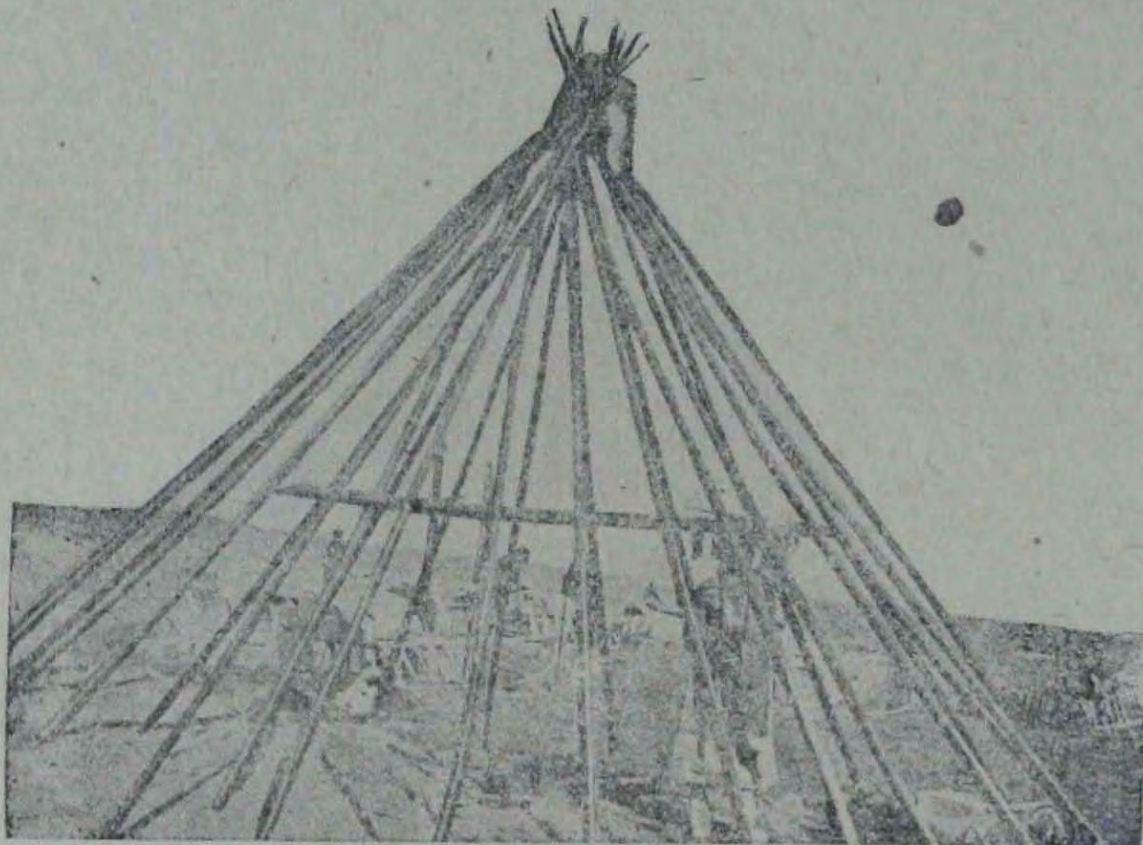
Ненцы охотно рассматривают и отбирают медные украшения для упряжи, нарядов, поясов. Но как только услышат, что простая какая-нибудь звездочка или в кружке серп и мо-

лот стоят не дешевле $2\frac{1}{2}$ —3 рублей, тотчас же в испуге отодвигаются и недвусмысленно между собой переглядываются.

Что это за калькуляция и из каких слагаемых она составила — аллах ведает.

Медная безделка, побрякушка в роде грубо и топорно сработанной пряжки, и вдруг цена начинается от трех рублей и доходит до семи с полтиной!

Подобный „эквивалент“, когда высокосортного песка предлагают сменять на десяток пряжек из разбора плохой дешевки, — никуда не годится! Он показателен. Особенно для здешнего туземца — чуткого, настороженного, практичного.

Установка чума

Самый ходовой товар — нянь: ржаной хлеб.

У нас его не успевают выпекать. Пекарю Дорофеевой дана безраздельно в помощницы уборщица Надя Полякова. Пекут по две печи в день — 12 пудов и все же нехватка.

В будущем придется дело с хлебом непременно упорядочить и усовершенствовать.

Кроме ржаного хлеба, фактория должна выпекать сушку, булки, калачи. На все это есть спрос — туземцы не прочь полакомиться и хорошими сортами. Наверняка ходко пошли бы простые категории кондитерских изделий: сухари, сушки, пряники.

Необходимо принять в расчет, что в чумах абсолютно нет печей, а у туземцев потребление хлеба велико. Мясо, рыба и, как фундамент к ним, хлеб.

На оборудование пекарен должно быть направлено острейшее внимание. Это центральное место фактории: выработка главного товара.

И, разумеется, пекаря требуются самой надежной квалификации. У нас этот вопрос прошел как-то спустя рукава, наравне со всеми прочими — большими и малыми. Ни в количественном отношении, ни по качеству наш товарный хлеб не удовлетворяет туземцев.

Так же обстоит дело, как слышно и на второй фактории — у мыса Дровяного. Туземцы жалуются, что там хлеб по качеству хуже нашего. Слушать это очень неприятно и обидно.

СЕНОКОСНЫЙ СЕЗОН. ОТЛЕТ ПТИЦЫ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Бабье лето здесь обильно красками. Хороших дней больше, чем ненастных. И ветры щадят эту пору увядания природы, словно великодушно предоставляют всему живому подготовиться к суровой и долгой зиме.

Ночи заметно удлинились. К утру вся тундра белая и яркая. Каждая тонюсенькая былинка набухла от инея, стала мохнато-пушистой, в палец толщиной. Кристаллы инея крупные, четкие, богаты световой игрой, как граненые хрусталики. При солнце на тундру больно смотреть — белизна ослепляет.

Однако убор непрочен. Тает даже в пасмурную погоду, а солнце растапливает снеговую парчу в полчаса.

Вася запрягает лошадь. Забираем косы, грабли, кули и отправляемся к озерам в поиски сенокоса.

Тундра стала пятнистой: травы пожелтели, некоторые сорта лишайника, наоборот, ярко зазеленели и закурчавились, ягель сияет игрой серебристо-салатной эмали.

Травы, умирая, прекрасно пахнут. Кое-где в затишных местах, на солнечной стороне кочек и бугров, видны цветки. Выглядят скромно и зябко: бледные, едва окрашенные, почти без запаха.

И воздух, как стеклянный: чист и звонок.

Хорошо в тундре в погожий день бабьего лета!

Для косы нет простора. По канавам и у крошечных озерков, рассыпанных по тундре в великом множестве, растет высокая, густая трава, но косой не размахнешься. Кочки, бугорки, многолетние клубки мелких корней. Серпа у нас нет. Приходится ехать дальше.

У цепи больших озер нашли подходящую площадку. Вася делает прокос из конца в конец шагов полсотни, возвращается обратно. По косьбе он спец. В его руках коса ритмично поет. Трава реденькая и низкорослая, ее трудно свести в валик. Но Вася ловко действует „пяткой“ косы. Ему удается почти совершенно не рассыпать траву. Косить, как он, никто больше на фактории не умеет.

Я собираю граблями, переносу в одну копенку.

Сено уже на корню готовое: желтое, высохшее — шуршит. Дело движется медленно. Три-четыре часа упорной работы дают одну копну. Собираем меньше пуда в час.

Закончив найденную площадку, расстилаем на свежем сене плащи и отдыхаем. Полулежа отлично завтракается.

Возле нас растягиваются собаки, уставшие носиться по тундре и откапывать мышей. Самый крупный пес „Роберт“ сегодня на моих глазах разрыл когтями три норы и съел живьем трех больших пеструшек.

Пегашка пасется, привязанный на длинной веревке к колесу.

В десяти шагах озеро, тихое, гладкое и светлое, как зеркало. По ту сторону растет высокая и густая трава, но там топь. Вскоре мороз должен сковать ее — тогда мы в час накосим столько сена, сколько теперь собираем за день. Однако, может случиться — выпадет снег и завалит траву. Мы не успеем ею воспользоваться. Обо всем уже переговорено, повторять одно и то же не хочется, но невольно и Вася и я об этом думаем.

На сене клонит ко сну, чудесно пахнет травой, тишину нарушает только фыркание лошади да ближнее кряканье уток. Они собираются в теплые края. Молодые выводки проходят последнюю учебу: под присмотром родителей стайками перелетают с озера на озеро. Им пора.

Гуси уже тронулись. Вечерами на большой высоте видны пунктирные уголки, отплывающие к югу. По гаснущему небу отдаленно несутся их прощальные крики.

И кулички исчезают. Осталась лишь самая крупная порода, да и та сбивается в многочисленные стайки: сговариваются лететь.

Только чайки и гаги, кажется, не обращают внимания на приближающуюся зиму. Особенно гаги. — Спокойнейшим образом они долгими часами сидят на воде бухты, не торопясь плывут туда-обратно, саженьях в ста от берега. Ныряют за рыбой, несколько минут остаются под водой, а затем вновь плывут, изредка отряхиваясь. Раза два мы принимали их за подплывающих тюленей, хватали ружья, караулили на берегу. А когда раздавался чей-либо нетерпеливый выстрел, то гаги поднимались в воздух. Мы смеялись над ошибкой, после ошибались снова. Если идет волна и на движущейся воде прыгает темное пятно, то трудно отличить гагу от тюленьей морды. Тем более, что тюлени тоже довольно частые наши гости.

Однако, валяться некогда. Получасовой отдых — и снова берем на плечи косу, грабли и направляемся дальше на поиски. Приходит на ум, что так — по крохотным порциям, чуть не по золотникам — мы ввек не соберем необходимых шестидесяти пудов сена. Не сегодня-завтра грянет зима, а на лысах покосах только зря машешь руками.

Но мы подтягиваемся и, не высказывая друг другу мыслей, упорно шагаем в глубь тундры, придирчиво исследуем каждое сколько-нибудь подходящее место.

И вновь с визгом позванивает коса, вновь я старательно подбираю граблями каждую травинку, слаживаю свежую копенку.

Так несколько дней к ряду бродим мы вдвоем по тундре. На каждой копенке, собранной по щепоткам, мы ставим маячный знак: грабли, палку.

В ночь на 25 сентября ударил первый зимний мороз градусов на 10. К полудню иней стоял, и мы отправились за сеном вчетвером — все мужчины факторий.

На озерах гладкий и скользкий лед. Переходим поодаль друг от друга. Лед трещит. Местами разбегаются в стороны лучи трещин. Некоторые из болот — те, что помельче — отвердели. Корка под ногой зыблется и чмокает, но это не важно.

Работа в две косы пошла ходко. За три часа мы собрали большую копенку — копенку — пудов на восемь. Это взбодрило.

— Не робей, Пегашка! Вызовим — перезимуешь!..

Он трусит рысцой, нещадно вытряхая наши потроха на кочках тундры, и может быть, понимает — он очень смекалистый, наш конек.

В дельнейшем сборка сена приблизительно выполнена. Вдвоем с Васей мы за шесть походов к озерам накопили 22 куля. Хотя точно не взвешивали, но в среднем считалось в куле 25 кило, а вообще запас достаточен.

Последние выезды мы делали уже по снегу. Приходилось сено вытряхивать, перебирать. Это затрудняло работу.

11 октября Аксенов уехал на Дровяной мыс, и с дороги дал знать запиской, что в семи-восьми километрах за Тамбеем он наткнулся на великолепную траву.

Мы тотчас же поехали. Действительно, трава замечательная. Густая, по колено ростом, она занимает луг десятин в десять. Здесь можно собрать целые стога. Но мы опоздали. Выпавший ночью снег окончательно завалил сенокос. Попробовали было — получилась одна канитель.

В финальный выезд за сеном мы влипли с Васей в приключение.

Уже лежал сантиметров на десять снег. Реки и озера покрылись прочным льдом. Мы обехали озера, свернули по тундре к югу и решили обследовать места, в которых еще не бывали. Километров в двенадцати с большим трудом накопили 4 куля и задержались до вечера из-за охоты.

Дело в том, что в тундре появилось множество куропаток. Они, конечно, и раньше были, но сидели по гнездам птенцами, и летом серое их оперение неотличимо от земли. Теперь же куропатки стали белыми, а так как снег не совсем покрыл траву, то на пестром фоне птица отлично видна издали.

Мы встретили первую стаю штук в двести. Вася схватил ружье и, по-охотничьи наклонившись, пошел к ним. Глухая птица подпустила его на 15—20 шагов, но в это время наскочила наша собака и спугнула стаю. Вася не стал бить влет, решив использовать доверчивость в следующий раз.

Через полчаса встретили вторую стаю. Опять собаки разогнали. Потом еще и еще — такая же история. Дурацкие псы носились на километр впереди нас и с громким лаем гоняли куропаток, не давая нам приблизиться. Один из косяков был, по нашим исчислениям, никак не меньше пятисот штук.

Раздосадованные мы поехали домой, решив в ближайший погожий день выйти специально за куропатками и без собак.

Сделав небольшой крюк, мы выехали на берег губы. Дорога прекрасная: гладкий песок, покрытый снежком и изредка пересеченный замерзшими лужами и протоками.

У южного маячного знака надо перебраться через рукав Тамбея, и мы вступили на лед, нисколько не опасаясь за его крепость. Как вдруг на середине речки лед грохнул и провалился. Передние ноги Пегашки ушли в воду, голову задрало льдом. Он рванулся, выбросил на лед передние ноги, но провалились задние, и начала погружаться повозка.

Все это произошло совершенно неожиданно. Мы в этот день переезжали несколько речек и озер — и везде лед был прочен.

Вася, зная, что эта речка мелка, шагнул в воду и не достал дна. Только тут мы поняли свою оплошность: запоздав мы попали в прилив, когда воды прибавилось на 2 метра, и приподнятый лед, видимо, надломлен напором.

С лихорадочной быстротой я выкидывал мешки с сеном и прочий груз. Вася оттаскивал и бросал поближе к берегу. Затем Пегашке отстегнули гужи, сняли дугу. Умный конек! Пока отпрягали — не шелохнулся. Когда же почувствовал себя налегке — выскочил в два приема. Лед трещал и надламывался, но он бешено-быстрыми прыжками опередил разлом.

После с огромным трудом извлекли телегу.

Оказывается, все здешние законы природы надо помнить, как дважды два. Каждая промашка может стать роковой.

На этот раз нам здорово поудачило! Весело смеясь, мы ходкой рысью поехали на фабрику. Я даже не ожидал, что Пегаш способен так зверски рысать. Впрочем, это он, может быть, от радости или из опасений схватить насморк после ледяной ванны.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ. СКОВАННАЯ КУЛЬТУРА. МОЯ АМБУЛАТОРИЯ

Утро фабрики втягивает сотрудников в процесс работы в известном порядке постепенности.

Раньше всех просыпается пекарь Поля Дорофеева. У ней квашня с тестом, ее работа строго по часам. Иногда, повозившись с мукой, она вновь вздремнет полчаса. Но к шести утра обязательно на ногах, и с этого времени волчок дневной сутолоки заведен.

Большой спрос на хлеб продиктовал необходимость перевести Надю Пономареву с работы уборщицы в помощницы Дорофеевой. Она теперь помпекаря. Вместо нее в уборщицы взята другая.

Гремят кастрюли, глухо побрякивает кочерга, выгребающая золу и шлак из чугунной печи. Густые тучи мелкой пыли и гари выбиваются из всех печных отверстий и дверей. Они темными клубами идут вверх к потолку, редая, тихо расплываются в ширь и оседают на столах, стенах, полках пушистым легким слоем. С грохотом падают дрова, принесенные со двора.

Потом Дорофеева с помощницей надрывно пыхтят, отдуваются — точно осиливают крутой подъем в гору. Месят. Лари большие — в сажень длиной. Тесто сначала жидко-ноздреватое, липкое. По мере подбавки муки оно становится гуще, плотней, устойчивей, ласковей.

Поворочать восьмипудовую махину не легко. С работников катится пот. Их отрывочные слова вырываются из горла с удушьем, как у человека, поднимающего большую тяжесть.

Наконец, тесто перестало липнуть к рукам, оно готово, — эластичное и пышное. Ларь закрывается. Пока тесто, бродя, поднимается, зажигают печь.

Уборщица за это время наносила воды из ближнего озера, наставила самовар, подметает, прибирает.

У чугунной времянки сбоку греются ведра с помоями для поросят, а сверху на камфорке стоит сковородка. Аппетитно плывет душок чего-то жарящегося и шкворчит кипящее масло.

Поля в кухне, как командир на капитанском мостике, отдает распоряжения, подкручивает пружинку заведенного волчка работы.

— Нарезь собакам хлеб... Принеси угля... Выплесни из таза. Смотри, не у дверей, а то вчера наплюхала под ноги. Стыд и срам! Заболтай Пегашке муки... Хлеба прибавь, корок... Идем поить поросят — бери ведро... Ай, батюшки подгорело!..

Все три женщины работают сосредоточенно и быстро. Дел неупорядочен. Накормить свиней, лошадь, собак. Взвесить, разделать, во-время посадить в печь и во-время вынуть хлеб. Изготовить работникам фабрики завтрак, обед, ужин. Мыть по нескольку раз в день посуду, лари, ведра, — всю кухонную утварь. Ставить бесчисленные самовары, угощать туземцев, следить, чтобы каждый остался доволен, никого не обделить. Чистить свинарник, мыть полы, стирать белье, топить печи, носить воду, изредка купать поросят и ухаживать за бесчисленными лампами, коптящими и капризничающими при малейшей небрежности.

Десятки, сотни больших и малых дел!

С некоторым опозданием впрягается в рабочий день мужская половина.

Встает Аксенов, отпирает лавку и что-то укладывает, наводит порядок. Вася Соболев, наколов дрова, запрягает Пегашку и отправляется возить уголь с берега к избе, или за сеном, за мхом в тундру. Счетовод пофыркал и поплескался у рукомойника, сел к столу и щелкает деревяшками счетов, обложился папками и книгами.

— Завтракать, товарищи!

Садимся за общий стол в кухне. Сказать по правде, жрем мы здорово. Частенько на завтрак жарят рыбу или пекут с рыбой пирог. Поля не признает разносолов и кулинарных тонкостей. Кушанья приготавливает простые, но сытные и вкусные. Порции огромные — ешь, сколько влезет. В городских столовых ни о чем подобном не смеют мечтать.

Оленье мясо сочно — лучше скотского. Иногда туземцы привозят телят — великолепное жаркое. Что касается рыбы, то какой бы сорт не взять — все превосходны. И чир, и омуль, и селедка, и местный сиг — поджаренные или в ухе — на редкость вкусны, малокостны и ароматны. Об оленьих языках и говорить нечего — это блюдо в пору любому избалованному гурману.

Мы целый день на воздухе, в движении: аппетит собачий. Съедаем столько, что в городской жизни это показалось бы болезнью, почти уродством.

Еще нет одиннадцати и мы не закончили чая, как являются нарты с гостями. Входят туземцы неторопливо, с мешками в руках.

— Ань здоров! — приветствует кто-либо из них и подает руку.

Немедленно ставится самовар. Аксенов открывает лавку начинается купля-продажа. Первые не уехали, а уж подезжают еще и еще. Несут оленьи шкуры, волокут тяжелые связки моржевого ремня. Нет-нет появляется внушительный мех белого медведя. А в мешках наиболее ценный товар — песцы и пехи. Его вынимают не вдруг.

Аксенов прикидывает, всматривается, определяет качество, сортирует по разрядам и стандартам пушнину и сырье.

То-и-дело заминки, торг, кланчанье, надбавки. Промышленники — большие любители поторговаться, в этом деле весьма пытливы. Когда промышленник сдал весь свой товар — подсчитывается общая сумма. В подведении итогов принимают участие все присутствующие туземцы, как равно и в подсчетах уплачиваемых Аксеновым денег. Эта процедура производится всегда торжественно и, так сказать, показательно-демонстративно. Все желают видеть, что дело — начистоту.

Затем, не отходя от прилавка, этот же промышленник отбирает нужные вещи. Аксенов отмеривает, отсчитывает. Выдает ордера на склад, где отпускаются оптовые товары. Закончив таким образом с одним, переходит к следующему, по очереди.

Пепеляев производит отпуск из склада. У него идет преимущественно десятками кило и на круглые суммы: хлеб, мука, соль, масло, кожи, табак, чай, сушка, мережа, капканы.

Вася накачивает в бутылки, бидоны и фляги керосин, носит кули, прибирает на чердак закупленное сырье.

Работа идет непрерывным темпом до вечера. Иной раз некогда пообедать. Садимся за стол вместо обычных 5 часов — в 9—10.

В кармане у каждого из нас индивидуальный договор, заключенный с представителем с.-х. отдела Комсеперпути. Там ясно сказано: „В виду невозможности по условиям полярной работы и обычаям туземцев установить твердое рабочее время на каждый день, таковое устанавливается в 192 часа в месяц, т. е. 24 рабочих дня, и может быть изменяемо в по-денных нормах и интересах дела, но с таким обязательным правилом, чтобы средняя месячная выработка не превышала 192 часов“.

По поводу этого пункта и вообще отдыха у нас уже происходили жаркие дебаты на коллективных собраниях. Вахмистров утверждал, что некоторая перегрузка горячего сезона хбудет компенсирована длительным отдыхом в мертвые месяца полярной зимы — особенно полярной двухмесячной ночью.

Как профуполномоченный коллектива, я все же иной раз задумываюсь над этим вопросом, и мне кажется, что с.-х. от-делу следовало бы потолковее и поосторожней составить текст договора.

Лишь в дни большого ненастья сутолока фактории зами-рает. Туземцы сидят по чумам, у нас пусто. Женщины поль-зуются этими днями для уборки и подчистки, стирки и мытья.

Иметь постоянные сношения с туземцами и одновременно соблюдать чистоту — штука весьма тонкая, требующая боль-шой бдительности.

Меня стараются уверить, что туземцы абсолютно некультур-ны, не доросли до осознания гигиены, санитарии и т. п. — тре-буется просветрбота.

Мне же кажется, здесь вопрос и не так прост, и несколько ошибочно трактуется.

Не „некультурны“ ненцы, а культура их не похожа на на-шу — самобытна и своеобразна. К какой бы то ни было ги-гиене или санитарии не приспособлены еще те условия суще-ствования, в какие они втиснуты. Девять месяцев в году здесь зима или полузима. Туземцы кочуют в своих чумах, и чтобы добыть воду, растапливают зачастую снег в чайнике или ко-телке на скупом огне костра. Недостаток топлива — острейший вопрос, проходящий красной нитью не только через всю жизнь полярного кочевника, но и через всю историю этого племени. Огня, тепла, топлива нехватало во все бесконечные века этим людям. Они в состоянии добыть горячей воды только тот крайний минимум, какой необходим для пищи и питья. Им нечем стирать или мыть, и поэтому — только поэто-му! — быт его уложился так, что стирать нечего, а мыться не к чему. Это продиктовано об'ективными условиями.

Даже в разгар лета вода в полярных озерах, реках и мо-рях так холодна, что купаться нельзя.

Разумеется, культура полярного туземца стоит не слиш-ком высоко, а в отраслях техники, литературы и т. п. — в ста-рии зачаточной. Однако, есть отделы искусств, в которых ненцы достигли высокого совершенства. Например, подбно

мехов в своеобразных рисунках и узорах, выделка одежды и обуви в разных стилях, относящихся к различным эпохам их народной истории.

Это не „бескультурие“, а именно культура такова, что неизбежны и неистребимы вши. Они ловят их, не стесняясь ни своих людей, ни чужих. И опять-таки „стиль“: поймает и прикусит зубами. „Она меня ест, а я ее грызу!“ Так сказать, вышибают клин клином. Меховая малица и штаны одеваются на голое тело и не снимаются круглый год — естественно, воняет жестоко и терпко...

Нам туземные навыки не все подходящи. Когда на пару дней фактория свободна от гостей — мы спешим подчиститься, вымыться, переменить белье. Как-то подозрительно почесывается под рубашкой. И это не только от мнительности. Я не раз, после близкого соприкосновения с туземцами, находил на белье и одежде матерых зверей. Им лишь чуть-чуть дай повадку, ослабь наблюдение — расплодятся в два счета.

В своей амбулаторийке я осматриваю и лечу больных.

Не могу до сих пор с точностью сказать, действительно ли здешние туземцы так природно здоровы, или серьезные и тяжкие заболевания они скрывают, но ко мне обращались исключительно с пустыми хвоями. Единственный мой серьезный пациент — Илья Нарич. О нем я уже говорил в одном из предыдущих очерков. Ни о каком лечении он не хочет слышать. Берет у меня лишь перевязочные материалы и иодную настойку. Самому же мне ни разу не дал наложить повязку. Смеется и клоунствует, а если настаивать, то сердится, уходит обиженным.

По мнению всех факторийцев, Мартим Яптик — развитой и, безусловно, парень смывленный и умный. У него был чирей на предплечьи. Я достал пинцет и хотел выдернуть стержень, уже совершенно созревший и отделившийся. Надо было видеть испуг Мартима! Едва я взял в руки пинцет, как он вскочил — лицо красное, в глазах слезы. При помощи Аксенова я долго и настойчиво пояснял ему, что именно хочу сделать и для чего это нужно. Демонстрировал невинность и безопасность инструмента, бился целый час — и не убедил. Наложить простую повязку — и то он дал неохотно, с явной боязнью.

Возможно, играет роль недостаточное знание переводчиком языка, неумение об'ясниться, но как бы ни было, полезность медицины ямальскими туземцами не осознана. И старожилы здешние говорят, что знахарство процветает.

Из своей практики я пока могу указать только один случай, заслуживающий внимания. Пожилой промышленник Айдолада Окатета приехал на факторию с занозой в стекловидной оболочке глазного яблока, вблизи зрачка. Глаз затек, слизистая века и белок воспалены, сильно покраснели. Ему уже вылизывали занозу языком, а возможно производили и другие манипуляции. Непрекращающаяся резь в глазу, смотреть не может, слезит.

Признаюсь, я приступил к извлечению занозы не без опасений. Глазного пинцета у меня нет и в помине, орудовать со скальпелем на оболочке глаза дело ответственное—нужны специальная практика, навык руки—этого тоже нет. В аптеку амбулатории не отпущено атропина, расширяющего зрачок и тем ослабляющего мышечное напряжение. Хорошо еще, что снабдили граммом кокаина—дана возможность несколько обезболить хотя бы вот такую операцию.

Занозу, довольно плотно и глубоко сидящую в оболочке, удалось извлечь обыкновенным анатомическим пинцетом. Затем, хорошо промыв и дав глазу покой под повязкой, я на следующий день отпустил больного. Красноту и раздражение сняло, как рукой.

На туземцев, свидетелей этого пустого исцеления, случай произвел впечатление довольно серьезное. Но, повторяю, это единственно показательное, что сделано мною на Ямале до сих пор. Боюсь, что и дальнейшая практика будет не лучше.

Из 52 больных, обращавшихся ко мне за помощью, по сегодняшний день преобладали старики-ревматики. Дряхлое тело, натруженное и намерзшееся в течение 60—70 лет—крайне неблагоприятный материал для показательной медицинской помощи.

Ванька Тусида страдал воспалением сумки фалангового сустава руки. Я с ним бился два месяца. Употреблять водные растворы было нельзя, так как вода на морозе замерзает. Я давал ему в чум денатурат для компрессов, а он, злодей, нещадно пил. Вылакал половину амбулаторного запаса. Все же, в конце-концов, я добился излечения. Воспаление прекратилось, опухоль прошла, палец работает.

Но все это, разумеется, не то, что надо.

Мое глубокое убеждение, что засылка на фактории в отрыв фельдшеров не только бесполезна, но и вредна. Вредна для целей „освоения севера“. Почему? Извольте.

В цикл культурных задач „освоения“ входит, конечно, обеспечение туземцев медпомощью и санпросветительная работа. Однако не надо забывать, что туземца необходимо сначала приучить к медицинской помощи. Сделать так, чтобы он за ней обращался. Показом убедить, что помощь эта ему, безусловно, полезна. Для этого требуется—особенно в первые испытательные сроки, пока нужное отношение к медпомощи осознается и отстоится, окрепнет—наиболее компетентная работа. Работа врачей и притом обязательно хороших: опытных, знающих, с испытанной добросовестностью.

На каждой из наших факторий имеется по одному фельдшеру. Это числом много, качеством мало. Лучше дать на всю Ямальскую тундру одного порядочного общелечащего врача.

Врачебный пункт должен быть снабжен со всевозможной полнотой. Ему работать в абсолютной оторванности от аптек, лабораторий, клиник, всякого рода подсобных исследовательских и лечебных кабинетов. Надо всем этим обеспечить вра-

а на месте. Необходимы амбулатория и стационар, хотя бы на 3—4 кровати. При них обязательно лаборатория, оборудованная по последнему слову медтехники, со всеми нужными приборами и аппаратурой, включительно до кабинетов Рентгена и радиотерапии.

Вообще, если завоевывать доверие туземца, то уж хорошим оружием. Иначе этот поход на косность грозит бесконечно затянуться.

А фельдшерская помощь — она и в населенных районах, где в случае чего легко сыскать корректив врача, — уже отжила свою самостоятельность.

КОНЕЦ БАБЬЕГО ЛЕТА. ВАСЬКА. УСЛОВНОСТИ МОРАЛИ

Вплоть до 25 сентября стояла хорошая теплая погода. От ночных заморозков тундра желтеет и сохнет, покрывается белым убором. По утрам иней растаивает: солнце хоть и висит над самым краем горизонта, но свое дело делает исправно — светит, греет, ласкает тундру.

Растительность постепенно умирает, земля отходит к зимнему сну.

В ночь на 25 ударил первый значительный мороз, градусов на 10—12, и выпал снег. В оврагах и ямах его надуло на метр. Гладкие места то совсем голые, то чуть-чуть — на 3—5 сантиметров — покрыты белым, точно припудрены. Это уже зима. С этого дня снег не исчезал.

Тундра сделалась пестрой: кочки черные, впадины белые, а луга, бугры и возвышенности то коричнево-желтые, то оливково-серебристые.

Птицы улетели. Остались лишь гаги, плавающие по водам бухты, и бесчисленные стада куропаток, пасущихся на солнечных склонах холмов.

Губа живет и плещется.

Ночами мороз сковывает луж ина отмелях узорным льдом. Прилив этот непрочный ледок разбивает и относит на береговой песок. Так, ежедневно по два раза прибирая ледяной мусор, приливы образовали вдоль всего берега вал, вышиною местами в метр. Это первый торос. Он хрупок. Станешь ногой — с хрустом ломается, проваливается.

В бухту заходят иногда белухи по несколько штук. Должно быть загоняют рыбу и охотятся. Частенько появляются тюлени и из любопытства подплывают близко к берегу. Уставятся глазами на постройки фактории, на лающих собак, на людей и подолгу не уплывают. Повидимому, очень любопытный зверь.

Мы подстерегаем их с ружьями, неоднократно стреляли, ни одного, впрочем, не убив. Лично я против такой бессмысленной пальбы. Она отпугивает зверя. Он может быть приучился бы выходить на берег или отдыхать на отмелях. В отлив зазевавшиеся или заснувшие тюлени оказались бы на суше и тогда охота на них могла бы дать результаты. А так получается лишь вред и ребяческая трата зарядов...

У Наташи Тусида есть брат мальчик — лет двенадцати, по имени Васька. Очень смысленный парнишка. Он с изумительной быстротой и легкостью усваивает фонетику русской речи. В первый же приезд на фабрику обучился от наших женщин счету до пятидесяти. Отдельные фразы, иногда длинные и сложные, выговаривает без запинки, не пропуская ни одного звука, хотя смысла слов не понимает. Нас способности мальчика очень заинтересовали.

Аксенов повел переговоры с Васькой Тусида и с матерью Васьки, чтобы отпустили мальчика жить на фабрику. Я взялся обучить его разгорному языку и грамоте. Сам Васька принял это предложение без колебаний, даже с радостью, и старшие охотно согласились.

Однако в следующие наезды Ваньки и Наташи мальчика с ними не было. На вопросы отвечали уклончиво:

Занят... не может... караулит оленей...

В дальнейшем выяснилось, что дома семья посовещалась и передумала — отдавать не хотят. Аксенов предлагал постоянную зарплату, харчи, экипировку. Мы втолковывали и Ваньке и женщинам все выгоды для мальчика обучиться языку и грамоте. Ничто не помогло. У старших есть свои доводы. Им необходим работник в семье для ухода за оленями. Васька уже и теперь самостоятельно окарауливает стада, умеет поймать оленя, запрячь, править нартами — работает за взрослого.

И будет, надо думать, им бесплатным батраком вплоть до женитьбы, пока не обзаведется собственным хозяйством. Отдав к нам, они теряют мальчика — это их твердая уверенность. Научится говорить, читать и писать — пойдет на работу к русским. Втянется хотя бы в торговлю фактории или уедет учиться в русские города. Прощай, батрак! Ванька уж видел такие примеры и не хочет лишаться нужного парнишки.

Сколько мы ни бились, толку не вышло. Васька на долгий срок исчез. Лишь спустя много времени я вновь увидел его.

— Почему отказался? — спросил я через переводчика. — Не хочешь учиться?

— Успею... я еще молодой...

Но говорит неоткровенно, видимо, с чужих слов.

Васька живой и бойкий мальчик. Широконосый, с острыми, умными глазами, похож на сестру, бабу довольно милостивую. Очень любознателен, во все вникает, без усталости вертится между старшими и внимательно следит за куплей-продажей, за переговорами покупателей с продавцом. Курит трубку, любит папиросы.

Из него, надо думать, вырабатается второй Ванька Тусида, только более ловкий и тертый.

Еще в одну из осенних бурь на северном мыске бухты повалило маячный столб.

Как-то на днях мы втроем отправились туда с целью хорошенько осмотреть и придумать способы восстановить маяк — он нужен для судоходства.

Кроме того, у нас за этим маяком на береговой косе, заросшей травой, находится одна из лодок. Нужно обладить ее и устроить на зиму.

Вышли мы утром в хорошую погоду. Еще издали, взобравшись на береговую кручу, заметили возле сваленной мачты оленей и нарты. А когда подошли, оказался старый Нарич.

— Что ты тут делаешь? — спросил Пепеляев.

— Ехал к вам, остановился посмотреть... Ишь, какая здоровая! — толкнул он ногой бревно.

От нас не укрылись ни смущение старика, ни пила, торчащая из нарты. С ним был второй туземец, незнакомый, молодой. Две подпорки мачты, составлявшие тоже солидное

Приготовление лодки к промыслу.

бревно, оказались уже распиленными на шесть кусков. Они лежали, укрытые в овражке, и распилены, судя по срезу, несколько дней назад.

— Разве можно брать бревна, не спросив разрешения?

Старик засуетился, стал оправдываться. Пилил не он, он-то отлично понимает, что можно и чего нельзя!.. Пилил кто-то другой, а он здесь только мимоходом... Да ему много и не надо. Если бы попалась какая щепка — с него достаточно. Но раз нельзя, то он ничего не возьмет... А пилил не он — станет старый Нарич заниматься таким делом!..

— Вот это можно взять, — указал счетовод на валявшуюся мелочь — обломки и щепки. — Бревна нужны. Мы восстановим маяк.

По лицу и всему поведению Нарича было видно, что пил-

ка произведена либо им, либо при его участии. И, должно быть, приехал он по тому же делу.

По дороге к лодке мы обсуждали этот случай. Вася думает, что застигнутый на месте старый туземец не только сам не тронет, но постарается оберечь от чужих попыток дерево в безопасности.

У лодки также оказалось не все благополучно. Несколько обломков доски, пара поленьев и весла — исчезли. Стояло лишь укрепленное мною в виде мачты одно гребное весло, с флажком. Я нарочно в одну из прогулок поставил этот знак, чтобы можно было с фактории в бинокль разыскать лодку и удостовериться в ее целостности.

По густой траве ясно видны следы полозьев. К лодке подезжали на нартах два раза. В топкой почве следы отпечатались и заполнились местами водой.

Я пошел по следу и саженьях в ста нашел все дерево, унесенное с лодки. Оно лежало в высокой траве, аккуратно сложенное. Поверх на него были навалены щепки и палки, повидимому, собранные на берегу.

Мы отобрали свое и уложили под лодку, которую оттащили в безопасное место и перевернули вверх дном. Весной еще раз проверим честность ямальцев-туземцев...

Щепки, обломки, прогнившее бревно, конечно, пустяк, но приоткрылся новый штрих, характеризующий здешнего туземца. Значит, взять чужое — не такой уж абсолютно невыносимый поступок! Когда дело касается топлива, которое здесь высоко расценивается, туземец способен отступить от правила и стащить, если лежит плохо.

Спору нет, они честны — воровство в их быту отнюдь не развито. Если бы нашу факторию, с ее порядками, перенести в близкое соседство к любому русскому селу, полупризорное и беспризорное добро растащили бы в несколько дней. А здесь не трогают. Однако эта их честность все же условна и относительна. Есть соблазны, пред которыми и она не может устоять: например, топливо...

А может быть это тот же Нарич?

Такой тип, потерявшийся в наших городах, завез в Ямальскую тундру лишь это свойство.

Вопрос во всяком случае заслуживает внимания...

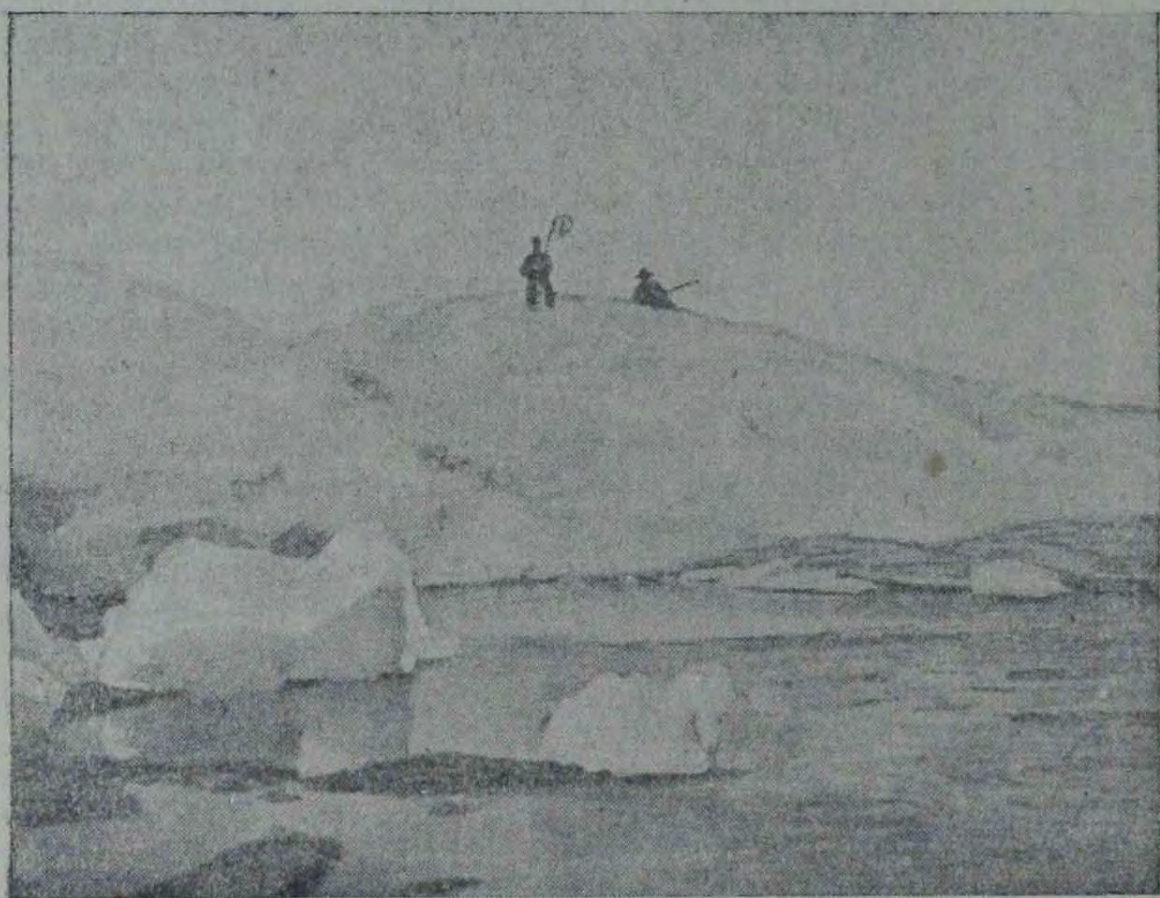
...Насколько видит глаз, бухта покрылась льдом. Мы думали что уже конец — губа стала. Но нет — борьба продолжается. В ночь на 23 ноября поднялся вихревой шторм. Все раньше нами виденное потускнело сравнительно с этим ураганом. Дрожали стены избы, с ревом носилось что-то по чердаку, выло по-звериному в трубах. Мы сидели с Пепеляевым за столом. Пламя горящей стеариновой свечи никнет и минутами издает такой звук, будто на него кто-то дует. Это ветер прорывается сквозь стены. Печи исправно вытоплены, но в хате гуляет стужа.

Выйти на двор жутко. Я попытался. Вихрь швырнул в лицо острым снежным песком и буквально отбросил до угла по

стройки. Я ухватился за бревно хотел укрыться за угол, но оттуда с ревом ударили такие же вихри. Какая-то чертовщина — сует со всех сторон разом! Каждая крупинка снега остекленела, сделалась остро-колючей, впивалась в лицо наподобие иглы. Боль невыносимая. Придерживаясь за стенку, перегнувшись, я с трудом добрался до дверей. Лицо иссекло, будто розгой.

В запрошлом году на Ямбургской фактории в подобный же урган вышел из дому заведующий С. Д. Удегов. Вихрь свалил его с ног и покатило по снегу. Он делал попытки зацепиться, схватиться руками — все напрасно. Его откатило шагов на 50, которые он преодолел с громадным трудом — на четвереньках. Этот случай не преувеличен. Он дает некоторое представление о здешних зимних ураганах.

На губе творилось невероятное. В крошечной тьме грохотало, выло, ухало. Точно залпами палили из пушек.

Торос местами напоминает гору.

А на второй день, когда поутихло и мы пошли посмотреть — берег бухты вновь подступил почти к прежней черте. Ураган разломал лед, наворотил груды кусков. Они смерзлись, образовали торосы.

Это уже последние судороги. Крупные плавающие льдины и мелкий щебень липнут друг к другу, смерзаются в поля. К следующему дню ледяной покров ушел из глаз, покрылся ковром снега — это теперь прочно, до весны!...

V. ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

Шероховатости. Северные сияния. Геронка и жертвы Ямала. Песцы. Без языка. Семеро. В Байдарадской губе. Медведь и моржи. Шаманские вещания Нарича. Приезд нового зава. Новые гости. Определяется значение факторий. Проекты тузсовета и контрактации. Неудачный съезд. Хозяйство фактории. Товары. Учет. Перемены в быту. Нехватка дров. Топливный вопрос на Ямале. Северо-Ямальский тузсовет. Конец полярной ночи.

ШЕРОХОВАТОСТИ. СЕВЕРНЫЕ СИЯНИЯ

В работе фактории не все идет ладно: чаще и круче стал запивать Аксенов. Начинается это, обыкновенно, когда сделки заключены с туземцами.

Аксенов выпивает с одним, с другим. Затем в его комнате собираются те из промышленников, которые привезли больше пушнины. Ведутся затяжные беседы, выпивка продолжается. К вечеру наш заведующий полупьян: ходит красный, возбужденный, говорливый.

Случается, он перехватывает через край. Тогда с новыми клиентами ведет операции счетовод Пепеляев. Аксенов кутается с головой в малицу и отлеживается на снегу.

Естественно, у Пепеляева торговля прихрамывает. Он по-ненецки усвоил только счет. Разговорные ресурсы ограничены десятком фраз и слов — столкнуться мудрено.

Мы все видим, что дело идет с перебоями. Говорила по этому поводу с Аксеновым Поля Дорофеева, говорил я. Он принимает такие обращения остро, с большой обидчивостью.

Коллектив понимает, что неполадки серьезные, это всех тревожит, вызывает споры.

11 октября Аксенов уехал на вторую факторию, к мысу Дровяному. Вернулся через неделю. По прямой линии расстояние 140 километров, но туземцы в езде придерживаются береговой полосы, путь удлиняется до 220 км. Поездка обошлась дорого, считая накладные расходы. И опять-таки сотрудникам ясно, что это не нужно, расход ничем не оправдывается.

Возил Гришка Тусида. Он с готовностью выполняет всевозможные поручения Аксенова и собутыльничает. От фактории имеет постоянный, разнообразный заработок, а потому крепко за нас держится — ежедневный гость.

Между прочим, из этой поездки Аксенов привез ворох шкурок крестоватика (летний песец).

Никто из нас не знал, что охота на крестоватика запрещена, а Аксенов разрешил всем сотрудникам приобрести для собственных нужд по 30 штук каждому. Полярную пушнину служащие не имеют права приобретать. Каждому же хочется обзавестись за полярным кругом хорошей меховой вещью. Крестоватики пришлось весьма кстати. Таким образом, запасаясь крестоватиком, мы не знали, что творим преступление. Но Аксенов должен был знать о запрещении охоты на крестоватика и покупки его.

Остальная часть октября прошла под знаком приготовлений Аксенова к отъезду в Новый порт. С'ездить необходимо, главным образом, для координации расценок на товары. Это предусмотрено и уполномоченным Комсеверпути Евладовым. Он приказал, положим, „по первой пороше“, но первая потрачена на Дровяной мыс.

Конечно, ехать надо бы не Аксенову, а Пепеляеву, либо мне. Аксенов единственный человек, знающий язык. Без него торговля — сплошное недоразумение. И все же, когда выяснилось его твердое намерение ехать самолично, никто из коллектива не возражал. Неполадки из-за непрерывной пьянки все равно обесценивают работу и создают бесхозяйственность.

Он выехал 1 ноября, увозя в крытой кибитке беременную жену.

Везет все тот же неугомонный Гришка.

Путешествие серьезное и, разумеется, не безопасное. Путь чуть ли не 800 километров по снежной пустыне. В расчеты входит останавливаться для роздыха и кормежки оленей в туземных чумах. Однако трудно сказать с уверенностью — стоят ли чумы в предполагаемых пунктах, или откочевали. Кроме того, опасны бураны. Мы уже знаем примеры, когда сами промышленники блуждали по тундре несколько суток и не умели сыскать собственного чума. Проплутав и просидев под снегом три дня, один туземец вернулся к нам на факторию и выехал, когда буран прекратился.

Зима уж вполне установилась. 25 октября ударил сильный мороз не меньше 20 градусов, при страшном ветре. Намело сугробы. Овраги и протоки заполнились до краев, сравнялись с тундрой.

Мы с Васей ездили закладывать рыбу и мясо для приманки песцов и не смогли найти озеро, хотя хорошо, кажется, изучили и дорогу к нему и месторасположение. Где раньше были трехсаженные овраги, выросла возвышенность. Рельеф стал неузнаваем — ориентироваться не по чем.

На Пегашке ездить опасно. Один раз он так основательно провалился в скрытую яму, что его насилу извлекли. Снежный наст его не держит. Говорят, в разгар зимы, когда ртуть упадет до 40° и ниже — покров окрепнет. Но все же, по-моему, сомнительно, чтобы снег не проваливался под тяжестью лошади. Только олени бегают здесь свободно. У них копыта мало того, что раздвоены, но и особо приспособлены к насту — половинки расходятся в стороны.

На бухте берег отходит все дальше и дальше. Мороз уже так прочно сковывает воду, что обыкновенный прилив не в состоянии разломать лед. Шторм же ломает и нагромождает новые и новые торосы. Они уходят грядами в бухту.

Не видно ни гаг, ни куропаток — улетели.

20 ноября последний раз в этом году видели солнечные лучи. Самого солнца не было — оно не поднялось. Лучи же в 1 ч. 30 м. пополудни прорезались в ясном небе на румбе юго-запада.

Дальше погода испортилась, начались затяжные бураны, а когда вновь выдался ясный день, то и солнечных лучей не обозначилось. Наступила, значит, та пора, которая известна под названием „полярной ночи“. Беспрерывной тьмы пока нет. День, правда, сократился до смешного: в $10\frac{1}{2}$ час. рассвет, к часу дня можно читать, в три — густые сумерки.

Мы круглые сутки работаем при лампах, но на дворе сменяются день с ночью.

Ночами видны северные сияния. Только в туманную или облачную погоду они скрыты от глаза. Да дневной свет гасит их.

Северные сияния правдоподобно описать очень трудно. Они многокрасочны и по очертаниям капризно-прихотливы. Иногда стоят в виде столбов света, тогда похожи на лучи прожекторов, неподвижно остановившихся в небе. Однако самое свойство их иное, чем у лучей прожектора. В сиянии нет жизни, нет игры — оно мерцает тускло и мертво. Не свет, а „приведение“ света, его зеркальное отражение. Впечатление получается именно, как от чего-то „мертвого“. Красочность сияний зависит от облаков, может быть, или от воздушных течений, от разной плотности и насыщенности воздуха парами или газами. Другими словами, возможно краски сменяются не потому, что окрашен отраженный свет, а в зависимости от небесного экрана, на который сияние падает.

Причудливость же форм фейерична. Я не видел двух сияний, похожих друг на друга. Они всегда разные. И в очертаниях нет точных граней или резких преломлений. Все расплывчато, все пределы теряются постепенно, исчезают и растворяются неувовимо.

В тихие ясные ночи белый простор тундры в сочетании с северным сиянием создает впечатление абсолютно мертвого покоя. В зависимости от вкуса, это может нравиться или нет. Но как световой эффект, таковая картина ни с чем несравнима.

Это крайне обидно: прожить больше года за полярным кругом и не иметь градусника для измерения температуры! Уж не говоря про систематические наблюдения, но из простого любопытства хотелось бы сравнить наиболее резкие понижения.

За последнюю неделю холода стояли серьезные, градусы не меньше 30—35.

ГЕРОИКА И ЖЕРТВЫ ЯМАЛА

Хотя Ямальский полуостров исследован еще крайне недостаточно, однако нельзя сказать, чтобы он не привлекал вни-

мания научных и промышленных организаций и не разжигал бы предприимчивости в людях отважных и инициативных. В этом смысле Ямал уже имеет свою историю и свою героику.

Старожилы рассказывают о нескольких русских промышленниках, лет 20 назад проникших сюда с целью разведать промысла. Они пришли на полуостров в начале лета, добрались до озера Нейте, обширного и славящегося рыбой. Оно расположено в долине, спускающейся от водораздела к Обской губе, вблизи реки Се-Яга — километрах в 120 к югу от нашей фактории.

Надо сказать, в здешней тундре рыбных озер вообще много. К ним на лето откочевывают туземцы для промысла.

Когда русские выяснили колоссальность нейтовского богатства, у них закружились головы. Иродился хищнический план овладеть всей рыбой одним ударом. Для этого требовалось: прорыть протоку в перешейке, отделяющем Нейте от соседнего ниже лежащего озера, и спустить воду.

С энергией людей, чужащих близость обогащения, они принялись долбить неподатливую тундру. Работали до изнеможения, отдыхали, сваливаясь с ног.

Туземцы издали тайком следили за ходом работ. Тундра волновалась. Шаманы бормотали своим богам заклинания. В замысле пришельцев туземцы видели недоброе. Удайся русским их проект — пойдет слава, нагрянут толпы предпринимателей: конец Ямалу! Не останется и этого последнего „края земли“, куда скрывается кочевник со своими оленями от жадных и цепких рук русского купца и пронырливого хищника — скупщика.

Работа русских промышленников выполнена. Оставшийся аршин перешейка продолблен, под него в окаменелую мерзлоту заложена пороховая мина. Переутомленная до последней крайности артель улеглась спать, чтобы завтра с свежими силами доделать последнюю и самую ответственную часть плана — спустить озеро.

Но стихия разрушила хитроумный план.

Небо нахмурилось, Нейте взлохматилось, земля дрогнула. С бешеной яростью кинулись волны на прорытый обессиленный перешеек и прорвали его, как белуха рвет гнилую снасть рыбака.

Ни один из промышленников не спасся. Застигнутые хлынувшей громадой воды, они погибли, возможно, не проснувшись.

Несмотря на все старания, мне не удалось узнать имена этих русских промышленников. Живет о них только предание среди ямальцев, расцвеченное в легенду. Да русские полярники-старожилы рассказывают о них безымянную и жуткую повесть.

Однако у Ямала имеется и современная героика.

К нам на факторию приехал промышленник Ермини Яунгат. Как это обычно ведется, сдал пушнину, поторговался, получил деньги и стал отбирать в лавке товар. Из-за недостатка печеного хлеба возник спор — нужного ему количества не

было. Тогда Яунгат излук из недр малицы старый перевязанный ремешком бумажник и предъявил интереснейший документ.

На официальном бланке начальника исследовательской промысловой экспедиции Уральского рыбтреста написана справка туземцу Ермини Яунгату в том, что он оказал незаменимую помощь, спасая исследователей от гибели. Это произошло осенью 1930 года, справка датирована 5 ноября.

Судно „Ямалец“, на котором экспедиция пришла на Ямал, потерпело крушение в Обской губе, у реки Венуй-Яга. „Ямалец“ — большой моторный катер — погиб на побережье: ему негде было укрыться от бури. Яунгат со своим чумом стоял вблизи берега. Не даром он промышленник! Его энергичная помощь спасла участников экспедиции. Затем он на собственных оленях доставил потерпевших в бухту Хале-Яга, помог основать зимовье.

Приключение надолго оторвало Яунгата от промысла, создало много работы и хлопот.

В удостоверении начальник экспедиции Чибриков очень горячо аттестует отважного туземца. Он не только спас потерпевших кораблекрушение, но и отказался от предложенной денежной награды.

— Честный „ненец“ не может извлекать выгоду из чужой беды.

Справка заканчивается обращением ко всем факториям и госкооперативным организациям с просьбой снабжать Яунгата вне очереди и вне нормы продуктами и товарами, как человека, бескорыстно спасшего советскую экспедицию.

Экспедиция Чибрикова благополучно перезимовала на Ямале у пролива Малыгина и не с пустыми руками вернулась в 1931 году. Результаты промысловых исследований выявили довольно высокие показатели в области и зверобойной и рыбной. Охота и ловля дали значительную добычу.

Между прочим, член этой экспедиции врач А. И. Шубинский, собрал много подробностей о Марусе Котовщиковой, погибшей на Ямале в 1929 году (настоящее имя Котовщиковой Наталья, „Марусей“ прозвали ее туземцы).

Вот что я слышал на месте о ней.

Наталья Котовщикова молодая женщина — ей едва исполнилось 24 года. Лично знавшие ее отзываются, как о человеке выдающемся по уму, энергии, настойчивости и преданности делу, которому она себя посвятила.

Будучи научной сотрудницей Академии наук, она прибыла на Ямал в 1929 году во главе экспедиции. По плану исследовательской работы, сотрудники экспедиции были разобщены, занимались в разных районах тундры. „Маруся“ заболела. Единственный человек, находившийся при ней — переводчик — сбежал, скрылся. Почему и куда скрылся, изустная история умалчивает.

Котовщикова умерла в палатке одна, без какой бы то ни было медицинской или дружеской помощи.

Она оставила посмертную записку, в которой просит никого в смерти не винить, так как умирает от болезни.

Скрыто ли здесь преступление, или произошло одно из роковых стечений обстоятельств, сгубивших многообещающую жизнь — дело темное и путанное.

Признаюсь, жуткое впечатление произвели на меня рассказы о гибели Маруси.

Вот он — кошмар абсолютной оторванности!

ПЕСЦЫ. БЕЗ ЯЗЫКА

Еще осенью Аксенов купил у туземца живого щенка-песца. Его привезли, привязанного ремешком за шею, а мы заменили ремешок легкой стальной цепью.

Щенок-песец.

Зверюшка презабавный. Он очень шустрый, редко сидит в покое, неутомимо сгребет передними лапами, должно быть стремится соорудить нору и уйти из плена. Величиной с взрослую кошку. Мордочка узенькая, собачья. Цвет шерсти коричневый с подпалинами на боках, с желтоватым брюшком. На спине, начиная от шеи, красивый темнобурый крест.

Это живой крестоватик.

Мы посадили его сначала в баню, устроенную в сенях дома. Но там же хранилась подвешенная на крючках провизия: масло, мясо, рыба. Соседство оказалось не подходящим. Щенок ловко доставал все, что находилось в радиусе цепи. И немилосердно рылся, вытаскивал из стен мох, проделал дырки. Перевели из бани на чердак. Около месяца крестоватик провел над моей головой — его привязали как-раз над амбулаторией.

Днем в сутолоке как-то о нем забывали. Лишь Соболев относил пленнику положенную порцию рыбы.

По ночам же, когда наступала тишина, щенок без устали скреб лапами, рыл, гремел цепочкой. И вскоре обозначились результаты работы: ко мне на стол, на постель, на голову посыпался песок.

Перед отъездом Аксенов приобрел второго щенка. Это было уже близко к ноябрю.

Чтобы зверюшки не безобразили на чердаке, мы поместили их в деревянной клетке — свинарнике. Это дало возможность освободить их от цепи, сильно портившей мех на шее.

В свинарнике они то скребли, стараясь прорыть деревянное дно, то дрались между собой. Вскоре выяснилось, что щенок, купленный первым, сильнее второго. Тот отбивался, грызся с бешеным отчаянием, но из каждой стычки выходил побежденным. Бои продолжались с неделю. Затем прекратились: первый щенок стал главой свинарника.

Когда бросали в клетку хлеб, мясо или рыбу, победитель страшно суетился, а побежденный сидел в углу, робко сжавшись. Сильный не хотел дать слабому ни одной крошки пищи. А так как бросали несколько рыбешек или порезанное на куски мясо, то приходилось зорко следить за противником и не упускать из поля зрения ни одного куса. Надкусит одну рыбу, надкусит другую, бежит к третьей и по пути мимоходом припугнет голодного противника, оскалит зубы, захрипит. Тот еще больше с'ежится в комочек, и лишь по горящим глазам видно, как его мучит голод.

Я часами не отходил от клетки. Они едят все, как собаки. И повадки у них собачьи. Мне говорили туземцы, что они по-собачьи лают, однако лично я этого не слышал. Наиболее присущий им звук походит на рычание — полухрип, полувизг. Но он очень выразителен: то предостерегает, то грозит, то приобретает острый и резкий тон зловещности. В особенно отчаянные моменты песцы взвизгивают пронзительно. Собаки таких звуков издавать не умеют.

По от'езде Аксенова Пепеляев купил третьего щенка. Этот был меньше и слабее двух первых. Он боялся не только брать пищу или двигаться, но, казалось, дышать в присутствии двух сильных врагов.

Беспощадные и жестокие звереныши!

Втроем они уже не царапали дерево и не рыли. Слабые покорно и тихо сидели, забившись в углы или за корытцем, а третий — властелин — ни на минуту не спускал с них глаз. В свинарнике воцарилась жесточайшая тирания!

По мере наступления зимы, шерсть щенков меняла цвет. Сначала посветлела, посерела — исчез коричневый тон и заменился серебристым. Затем появился синеватый отлив. К тому дню, как тундра окончательно покрылась снегом, песцы нагуляли пух и длинный волос.

Все это быстро, в какой-нибудь месяц времени.

К декабрю все три песца были уже белые.

Мы их не сохранили. В хозяйственном отношении их покупка и содержание не принесли, конечно, никакой пользы. Платили за каждого по 10 рублей, а рыбы, мяса давали без счета. Шкурки же получились плохонькие — сорт так называемого „недопеска“.

Лишь в смысле наглядного ознакомления с жизнью дорогого пушного зверя их трехмесячное пребывание на фактории имело цену.

Уж теперь-то мы знаем, что такое „крестоватик“, и перед его нарядной шкуркой не будем по-вахмистровски недоуменно разводить руками.

Самый маленький щенок сдох. Этого надо было ожидать, потому что сильные не давали ему есть. Сдох, с'ежившись в комочек за корытцем, от голода и длительного беспроектного трепета.

Средний убежал. Как ему посчастливилось, не умею сказать. Мы перевели оставшихся двух из клетки на крышу дома и снова посадили на цепочки. Они рылись в снегу, сами, похожие на комья пушистого снега. Утром одного не оказалось. Песец умудрился скинуть узенький ошейник и, признаться, в душе я рад был его удаче.

Третьего убили, когда он стал взрослым песцом.

Последний месяц этот самый ранний наш пленник содержался на открытом месте, на большом сугробе снега, у поленницы дров, привязанный цепью. Вокруг бегали наши собаки и ни разу не только не тронули песца, но даже не залаяли на него. Не братались с ним, не заигрывали, не интересовались, даже не смотрели в его сторону. Я с любопытством следил за псами. Они вели себя так, словно бы песца не существовало. Бегали мимо, играли между собой, останавливались вблизи по неотложным нуждам. Но я ни разу не видел, чтобы собака взглянула в сторону зверя. И уж, конечно, не из трусости и не из жалости. Псы такие, что не уступят ни пред волком, ни перед медведем. Пощады не дают ни птице, ни мыши, ни даже друг другу. И сам песец не выказывал страха.

Туземцы объясняют миролюбивое отношение собак тем, что песцы якобы противны — слишком сильно воняют... псиной. Мне же кажется, что не брезгливость собак, а именно родственность запаха является причиной ненападения: это животные одной породы. Собаки не считают песца дичью, как он их не признает „охотником“. Отсюда эта изумительная пощада с одной стороны и отсутствие страха — с другой.

Вообще же наши псы таковы, что выстрел из ружья на них действует сильнее, чем валерьянка — на кошек. В них неистребим инстинкт охоты. А сеттер-гордон „Маяк“, лишь завидев ружье в руках хозяина, восторженно прыгает и лает.

Полярные охотники утверждают, что собаку не трудно натаскать для охоты на песца, но туземные собаки существуют исключительно, как охранители оленьих стад. Их охоте не учат и они неподходящей породы — малы и слабосильны.

А наши псы даже мяса песцовского не едят ни в сыром виде, ни в вареном. Понюхают и отойдут. Сначала мы это объяснили тоже „родственностью“, но в дальнейшем убедились, что здесь играет роль исключительно степень голода. Когда подросли родившиеся на фактории семеро щенков, то им ежедневно варили песцов, сдабривали суп хлебными и кухонными остатками, и они с жадностью пожирали это блюдо. Песцового мяса зимой у нас сколько угодно. Туземцы привозят зверя целиком, в замерзшем виде, прямо из капкана.

С отъездом Аксенова в Новый порт на фактории не осталось ни одного человека, знающего туземный язык. Пепеляеву, сделавшемуся заведующим, приходится вести торговлю чуть ли не при помощи пантомимы. Сплошь и рядом возникают недоумения, неразбериха. Не понять, что просят, чего хотят.

Мы имели в виду приспособить к работе переводчиком Илью Нарича. Он пообещал приезжать ежедневно. Ему предложили значительное вознаграждение. Однако ни в назначенный день, ни в три последующих Нарич не явился. Приняли на службу толмачом туземца Водо Тусида. Помощи от него почти никакой. Запас русских слов у Водо крайне ограничен. Он не хочет в этом сознаться и делает вид, будто понимает. Из объяснения же с туземцами видно, что ничего не понимает, а только еще больше запутывает неразбериху.

Промаявшись полмесяца, уплатили Водо Тусида 75 рублей, и с 15 ноября Пепеляев остался на работе самостоятельно.

Доброго, конечно, мало. Торговля идет темным и, я бы сказал, нехорошим путем. Помимо незнания языка и вследствие этого неумения обслужить как следует промышленника, Пепеляев еще склонен к „делячеству“ весьма скверного характера. По-купецки выторговывает при покупке оленьего сырья. За моржевый ремень платил сначала стандартные 50 коп. за метр, а затем снизил: платит 25—30 коп., а иногда берет связку „чихом“, без обмера, что для промышленника еще хуже. Стандарты все дальше и дальше отодвигаются от нашей фактории.

И я чую в этой нездоровой атмосфере делячества зародыши скандала.

Туземца не так-то легко надуть. У него много практичности, он ценит каждый свой грош, и у него есть опыт добросовестной купли-продажи на других факториях.

Их языку я научился приблизительно столько же, сколько другие сотрудники. Каждое слово, произнесенное в лавке, мне слышно. Все неполадки ясны, как ясно и нарастающее недовольство туземцев.

В коллективе зреет решение обсудить на собрании вопрос о торговле и отбросить „деляческий уклон“, как никуда негодный. Если потребуется, коллектив сам станет за прилавком.

Как-то надо выходить из положения.

Не везет, чорт возьми, нам на заведующих!..

СЕМЕРО. В БАЙДАРАЦКОЙ ГУБЕ. МЕДВЕДЬ И МОРЖИ

Наша фактория, расположившись в дельте р. Тамбея, заняла пушной центр. Здесь процветает охота и промысел на песка. Отсюда же рукой подать до лучших рыбных озер, да и сам Тамбей в том своем рукаве, который наиболее многоводен и находится всего в 15 километрах от нас, тоже славится рыбой.

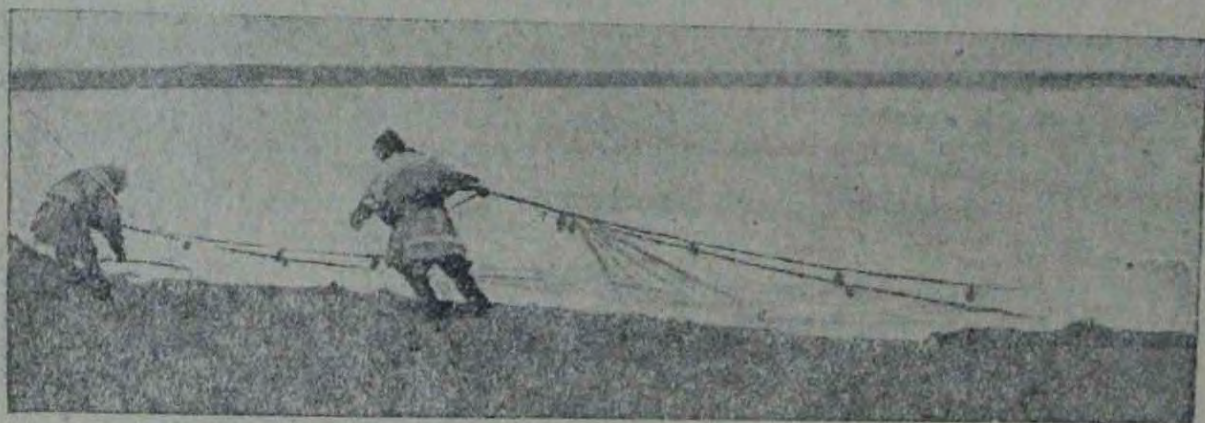
Южнее Тамбея, верстах в ста, в губу впадает река Се-Яга, тоже богатая рыбой. А между этими, так сказать,

рыбными реками-матками, в губу вливаются с десятков мелких речушек, каждая из которых в свою очередь не без рыбы.

Здесь же на бугристых возвышенностях тундры в изобилии ягель—олений мох. И широкие, сухие плоскогорья между реками Се-Яга и Тамбеем считаются одними из лучших оленьих пастбищ даже на Ямале—этом богатейшем на Зауральском Севере оленьем пастбище.

Естественно, что на нашу тамбейскую факторию везут главным образом оленье меховое сырье и песца.

Я думаю, в изобилии повезли бы рыбу, если бы фактория объявила скупку ее в неограниченном количестве.

Неводьба.

Мы покупали только для собственного потребления, и во время рыболовного сезона, осенью и в начале зимы, туземцы привозили больше, чем нам было нужно.

Промышленники ловят и летом, на озерах, но летом мы не имели с ними связи. В дальнейшей деятельности, когда скупка рыбы будет здесь организована, разумеется, промысел этот оживится, создадутся спецартели, туземцы используют озера и речки не для своей только домашней потребности, но и с промыслово-товарными целями.

Пока же этого нет.

Малознакомые тамбейские берега Ямала лишь исследуются, да и то без достаточной энергии.

Что касается зверобойного промысла, то вблизи нас его нет. Мы далеки от морей.

Вторая фактория, расположенная у мыса Дровяного, в каких-нибудь 30 километрах от пролива Малыгина, в этом отношении счастливее нас. Там море, там прижимаются к берегам ледяные поля, там не в диковинку белые медведи, моржи, морские зайцы.

О тюленях и нерпах там говорят, как о мелочи—их, по рассказам, находят целыми лежбищами.

Вполне понятно, когда к нам на „сухопутный“ Тамбей приезжают морские промышленники-туземцы, это вызывает повышенный интерес. Если в хату вносят моржовый ремень, нерпичьи шкуры или, что большая для нас редкость, шкуру

белого медведя — внимание сотрудников факторий приподнято — это в нашей жизни в роде события.

Что ни говорите, но всякий охотничий промысел овеян своеобразной поэзией.

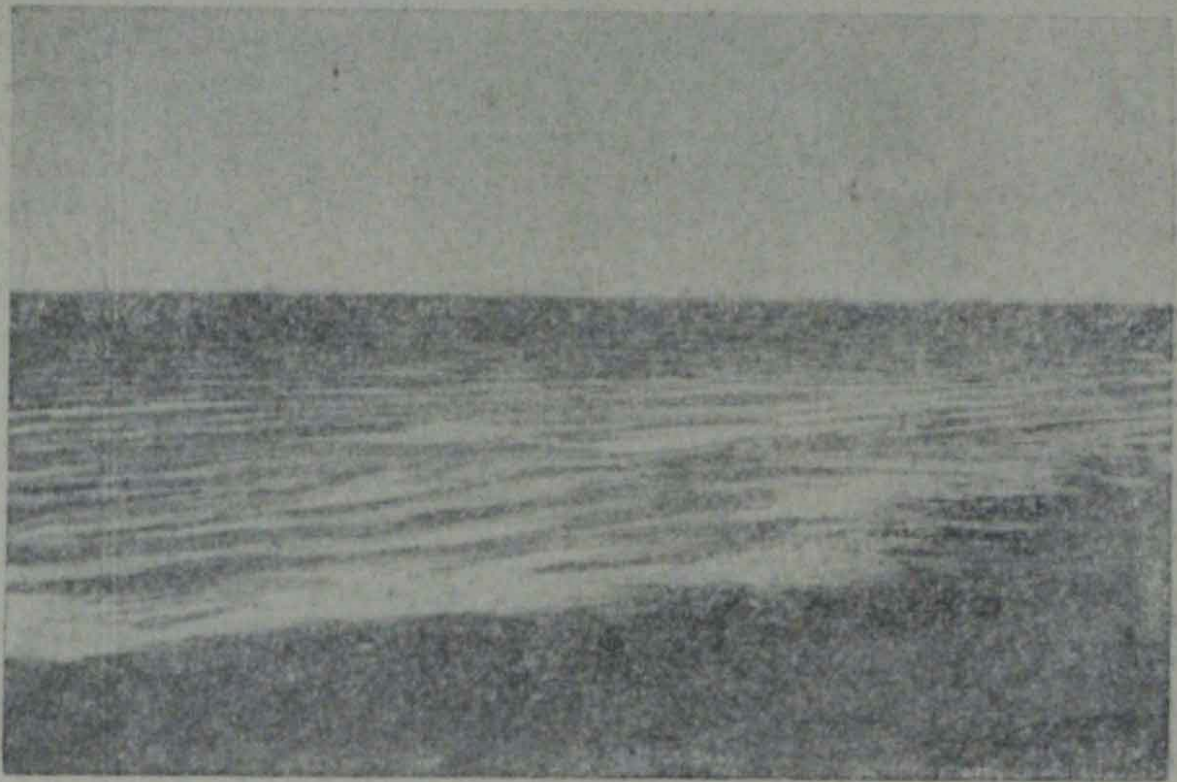
Весь улов рыбы проходит через руки женщины.

Ставить капканы и западни на песца, росомаху, да еще на Ямале, в снежной пустыне, среди постоянных буранов и метелей — охота не заурядная. Что говорить!

Но совершенно иное дело итти на моржа или на белого медведя.

Совсем другого сорта требуется и мужество, и выдержка, и глаз, и рука, и оружие.

Тот, что идет сзади и спереди, обвешенный убитыми утками или зайцами — не интересен. Он сам, без понуканий, наскочит вам семь верст до небес.

Море.

Олень, пойманный арканом.

А вот серьезный промышленник-туземец, волочащий к прилавку фактории многопудовую шкуру белого медведя — с этим интересно бы побеседовать.

Я внимательно приглядываюсь к ним. Их трое. Старший уже почти старик. Суровое лицо, скупое на улыбку, прорезано редкими, но глубокими, четкими морщинами. Двое помоложе, но также, видимо, до разговоров не охотники.

Шкура огромная — у нас такой еще не было.

— Спроси, кто и зних убил? — попросил я переводчика.

Тот задал какой-то вопрос, старший промышленник взглянул в мою сторону, но не ответил. Мне стало неловко, словно я нарушил правило какого-то обряда или ритуала.

Я решил молчать и глядеть.

Шкуру растянули по полу — изумительный экземпляр! Весу килограммов около восьмидесяти, она заняла пространство вчетверо больше шкуры быка-оленя.

Шерсть чуть желтоватая, цвета слоновой кости, очень длинная, волнистая, нежно-мягкая. Еще не выделанная, не отскобленная от жира, не прошедшая через мастерские пушного треста, она выглядит великолепно, манит поваляться на ней.

Пепеляев сказал цену. Промышленники ничего не ответили, переглянулись.

Переводчик Водо-Тусида, отлично говорящий по-своему, но очень плохо по-русски, пришел на помощь. Завязался торг.

Старший охотник помалкивал, лишь изредка кидая отрывочные фразы двум молодым. Те оживленно торговались.

В конце-концов сошлись. Затем втащили в комнату четыре больших связки моржевого ремня. Здесь торга не было. На ремень объявили стандартную цену.

Когда Пепеляев подсчитал общую сумму и выложил пачку денег на прилавок, старик потрогал червонцы темными, плохо сгибающимися пальцами, и что-то отрывистое уронил переводчику.

Тот объяснил с трудом:

— Нужно разделить на семь равных частей.

— Зачем?

— Так требуют.

Пепеляев стал допытываться, но ответ был настойчив:

— На семь равных частей.

Старик, в конце-концов, не стерпел расспросов и сердито что-то крикнул.

— Ты раздели, — сказал переводчик. — Они знают, что надо.

Вместе с ремнем получилось около 300 рублей — вышло по 42 с копейками.

Пепеляев точно до копейки проверил все семь кучек денег. Старик терпеливо ждал, а затем старательно стал проверять кучки собственноручно: шевелил губами, пересчитывал кредитки, ни у кого помощи не спрашивал.

Удостоверившись в правильности, он взял крайнюю кучку и зажал в кулак. Две следующие роздал молодым промышленникам. А оставшиеся четыре долго лежали на прилавке. Из каждой он брал одинаковую сумму и говорил:

— Это четыре кирпича чаю.

И вместо денег клал к каждой кучке денег по кирпичу чаю.

— Это по три пуда нянь.

На сцену появился черный хлеб.

— Это по 5 фунтов табаку.

Переводчик пояснял, кучки денег убывали, медведь и моржи обращались в товар.

Дело в том, что приехало их трое, но убивало зверей семеро. А Ячики Серпиу не такой человек, чтобы обмануть хоть на грош доверившихся ему товарищей. Они остались там — в Байдарацкой губе, за 200 километров от Тамбея —

Выезд на промысел.

но Ячики Серпиу привезет им все сполна и даст отчет в каждой копейке. Чтобы честно рассчитаться с оставшимися дома четырьмя товарищами, ему надо знать, что и с ним рассчитались честно. Никаких делений, умножений и вычитаний Серпиу не знает. Ты ему разложи на кучки, он проверит — тогда все в порядке.

Эта процедура длилась долго.

Уборщица подогрела второй раз самовар. Промышленники уселись вокруг стола, взялись за чашки, придвинули сушки, масло, сахар.

Мне хотелось во что бы то ни стало расспросить про эту охоту семерых.

Позвал Воду Тусиду.

— После чая тащи старика в амбулаторию. Скажи, надо полечить глаза — он что-то здорово слезит.

Я усадил старика в кресло. Он внимательно и любопытно оглядел маленькую мою амбулаторию. Остановился на лампе с зеленым стеклянным абажуром. Потрогал рукой, похвалил: — Саво, саво!

Глаза оказались здоровы. Слезались от морозного переезда в 200 километров, от пурги, резавший лицо двое суток к ряду. А вот правая рука, действительно, болит. В ней он держал длинный гибкий хорей, без которого нельзя управлять оленями. Переутомились мышцы кисти и предплечья.

Покончив с лечением, я налил у шкафа мензурку спирта, одобрил полынной настойкой и поднес.

Старик не спеша посмотрел лекарство на свет и потихоньку выпил.

Ненцы душат телку.

Лицо старого промышленника расцветилось широчайшей улыбкой, глаза заискрились.

— Саво! Саво!

Разговориться стало нетрудно.

— Пусть расскажет, как им удалось убить медведя, — сказал я переводчику.

Промышленник крикнул, посерьезнел и стал рассказывать. Дело долго не ладилось. Воду Тусида многого не умел передать. Бились с этим часа два. Все же, в конце-концов, картина этой охоты развернулась и налилась красками.

У Байдарацкой губы, километрах в 20 от радиостанции, их стояло 5 чумов. У Серпиу Ячики есть взрослый парень пле-

мянник, а у Окатеты Ладу взрослый сын — в общем семь человек зверобоев-промышленников.

Стояли больше недели и все без толку: никакого зверя нет и море у берега чисто. А без льдов откуда возьмешь добычу?

Хотели каслаться в тундру — возле берега плохое пастбище. Но Ячики Серпиу уговорил подождать: переменился ветер, подул с запада — обязательно прибьет льды, а с ними и добычу.

Всю ночь гудел порядочный вест, к утру Серпиу отчетливо различал шум движущихся льдин. Когда рассвело, промышленники увидели большое поле льда — ветер прижал его к берегу и стих.

День выдался для охоты отличный. Показалось солнце, потеплело настолько, что в малице стало жарко.

Серпиу первый увидел добычу: на отдаленном крае, у торосов чернели два пятна.

Обходя с двух сторон, стараясь не производить ни малейшего шума, промышленники пошли в облаву.

Это были моржи. Они, ленивые и неповоротливые на суше, спали, пригретые солнцем. Нужно было отрезать им путь отступления к воде — и охотники двигались, затаив дыхание.

Когда дошли до торосов, загроздивших край льда на добрую сажень вверх, Серпиу и другие зверобои внезапно увидели медведя. Он сидел, прижавшись к навороченным и смерзшимся кучам льда. Увидев людей, поднялся и спокойно пошел к воде.

Нужно было без промедления решить — нападать на медведя или дать ему возможность уйти в воду. Если нырнет, то охотникам не видать его больше, как своих ушей.

Серпиу решился, не задумываясь. Кликнув племянника, он кинулся наперерез мишкиного пути. Ружье его заряжено мелкой дробью, но ему это именно и надо.

У туземцев-зверобоев свой метод охоты.

Шагах в пятнацати медведь, видя перед собой преградившего путь человека, приостановился, затем взревел и глухо ворча пошел чуть-чуть сторонкой к краю льда.

Серпиу прицелился в морду и выстрелил. У мишки вся голова вдруг потемнела от крови — заряд впился по назначенью. Но он все же не кинулся на людей, а с страшным воем побежал к воде.

Старый промышленник выхватил из рук племянника ружье и вторично выпустил заряд дробин в морду медведя, теперь уже почти в упор — в каких-нибудь 6—7 шагах. Зверь остановился и поднялся на дыбы. Рост его оказался колоссальный — выше торосов.

Серпиу сделал именно то, что хотел и что было нужно для удачной охоты: выбил зверю оба глаза. Медведь ревел, царапал морду лапами, но ничего не видел и от залившей нос и рот крови потерял чутье. Добить его было уж пустым делом. Подкравшись сбоку, ему два раза всадили нож под левую переднюю лапу, и мишка рухнул.

Тогда кинулись к моржам. Их было два. Один — огромный, как темная гранитная глыба, — не проснулся даже от шума выстрелов, другой, — поменьше — старательно работал лапами, бил лед клыками, подвигаясь к воде.

Однако моржи, которых удалось застать на суше, сравнительно не опасная „дичь“, он с трудом передвигается и почти совершенно не может защищаться. Другое дело в воде. Там моржи, со своими страшными бивнями, со всей громадной силой, очень опасный противник. Он в состоянии разломать, перевернуть и утопить не только обыкновенную шлюпку, но и большой рыбачий баркас.

Моржу убежать не дали. На него надели с боков и со спины. В несколько топоров ему разрубили голову, затем прикончили второго спящего.

Эта охота — вторая в сезоне. Месяц назад Серпиу посчастливилось вдвоем с племянником напасть на небольшое лежбище морских зайцев. Их было 11 штук, и все стали добычей Серпиу. Их жир и ремень, нарезанный из их шкур, старый промышленник свез в факторию Нового порта.

Мне трудно было понимать охотника — мой переводчик из рук вон слабо справлялся с русской речью.

Потом Ячики стал зевать.

— Скажи старику, что он может заснуть здесь — у лавки, — сказал я толмачу.

Серпиу заулыбался и поднялся.

На оленьих шкурах возле лавки уже похрапывал один молодой товарищ старика.

— Где же второй? — спросил я переводчика.

— У оленей на нарте — караулит.

Ячики Серпиу уложил на полу три шкуры, наладил постель и перед сном пошел на двор. Я вышел вместе. Прямо в лицо нам грохнул снежный вихрь и ожог. Старик нырнул в этот снежно-ледяной хаос и исчез. Только мелкие стекляннo-острые льдинки кружились и метались вокруг — больше ничего и никого.

Я побродил несколько минут, стараясь разыскать те нарты, которые караулил второй из товарищей Серпиу. Мне хотелось посмотреть, как же он устроился и как укрылись олени в этом движущемся страшном хаосе, состоящем из мелкого острого льда, от которого нет спасения.

Как можно устроиться, когда нет места, где бы злой, леденящий мороз не пронизывал бы до костей.

На мне крепкий овчинный полушубок, а под ним стеганая ватой телогрейка — и все же через пять минут я чувствовал, что холод гуляет по телу. Гуляет так, словно бы это не мех и не вата, а тонкий ситец. Нет защиты!

Не сыскав нарт, я вернулся в хату. В спину меня последний раз пнул вихрь, пнул и дверь, захлопнувшуюся, точно в нее ударили бревном.

По середине туземной комнаты пылала раскаленная углем чугунная печка. Раскидавшись на шкурах, храпел молодой

хотник, а старый зверобой еще ворочался, кряхтя и укладываясь.

Пекарь Дорофеева разбалтывала муку в квашне, творя завтрашнюю выпечку.

В трубе гудит и подвывает. Я долго в этот вечер не мог уснуть. Все так и этак рисовался старый промышленник с глубокими проветренными и промороженными морщинами лица.

Он целился из жалкого дробовика в медведя. Весом в целую тонну. Тому достаточно махнуть лапой, и от охотника останется мокрое место. Но он целится, выбивает оба глаза... Оба! Хорошо — оба. А если бы один?

И стелется ледяное поле, спит мирно глупый морж, прыгает в дикой пляске ослепленный, обезумевший медведь, спокойно, с мертвой лаской светит солнце. Да, хорошо, что оба, а если бы один!

Снаружи ревет и воет. Где-то там под нартой, должно быть, вплотную прижавшись к оленям, спит герой-охотник. Спит ли? Я еще не испытал, как спится в такую ночь в снегу под нартой, да если правду говорить, не хочу и испытывать. С меня достаточно: впечатления по первозданной дикости не повторимы.

Утром я уже не увидел ни Ячики Серпиу, ни двух его молодых соратников. Они до рассвета уехали на свою Байдарацкую губу.

А буран все так же выл, и в белесой полутьме полярного ноябрьского утра мчались бесконечные вихри острого остекленевшего снега.

ШАМАНСКИЕ ВЕЩАНИЯ НАРИЧА. ПРИЕЗД НОВОГО ЗАВА

22 ноября, в буранный день, на факторию приехал старик Илья Нарич в сопровождении трех богатых туземцев. Их малицы покрыты добротными суконными рубашками, обшитыми по подолу красным и зеленым сукном. У одного — молодая красотка — жена, чистая, нарядная, холеная туземка увешенная ожерельями. Ее ягушка отделана дорогими песцами, на пальцах перстни. За все пребывание на фактории она не произнесла ни слова, сидела, как живая икона, за столом, а на нее все любовались.

Мартим Яптик также приехавший в этот день на факторию, показал на нее глазами и уронил не без значительности.

— Саво! Саво,

Бедняк и бобыль, он по малооленности не мог обзавестись женой. Живет один в чуме с матерью и сестрой. На выкуп невесты — калым — нет средств.

А парень ладный, всегда опрятно одетый, даже причесанный прямым пробором, очень его украшавшим. В общении с людьми Мартим наивен и застенчив, часто краснеет. Краснея же, поглядывает на красивую жену богатого туземца.

Те привезли хоть и не так много пушнины, но первосортной, самого высокого качества. Их семь песцов можно бы

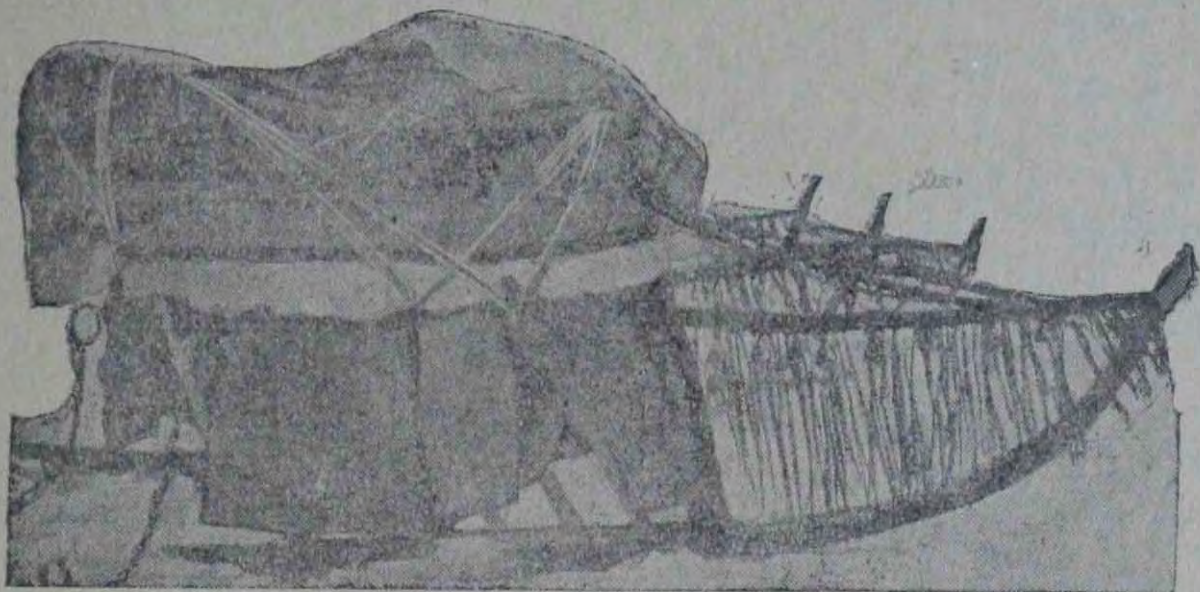
было обменять на 15—20 шкурок рядового, неотборного зверя.

Нарич с пышной шкурой в руках обращался то к тому, то к другому из нас и восклицал, нахваливая:

— Гляди какой товар! Видал такой ногу? Такой ногу заграничный купец с руками забирал, большие деньги платил! Гляди сюда,— и он мастерски встряхивал шкуру перед глазами зрителей.

Ногу рассыпается пышными прядями белоснежного шелка, заманчиво блестит, пушится.

Это были, действительно, отменные песцы, которые попадают в капканы один на сотню. В кулацких чумах и нар-

Женские нарты.

тах они хранятся десятками лет. Это заповедное, фамильное добро каждого чума. Чем богаче туземная семья, тем больше у нее такой изумительной пушнины. Многооленные отдают иногда по десятку быков и важенок за одну шкуру такого драгоценного „ного“ — песца.

Малооленные бедняки не в состоянии хранить высокосортные шкуры. У них нет запасов, живут промыслом сегодняшнего дня. Кулаки без труда скупают у них добычу, и главным образом у кулаков надо искать тот сорт пушнины, который в последние годы все реже попадает на рынок.

— Видал такой песец? — поддразнивал Нарич. — Нету его теперь. Обыщи весь Ямал — одного не поймашь. Сколько даешь?

Пепеляев только развел руками. На песцовые шкурки — стандарт. Ему самому обидно, за первый сорт приходится принимать сплошь и рядом далеко не такие драгоценные меха.

Но ничего не поделаешь. Выше первого — разряда нет. Еще вчера принята пара шкурок тоже за первый сорт, хотя они не могут идти с этими ни в какое сравнение.

— Первый сорт. По стандарту, — говорит он твердо.

— Какой это первый сорт? Какой может быть стандарт?! — возмущенно кричит Нарич. — Ты посмотри — это без сорта, без стандарта!

Пепеляев отмахивается. Без стандарта товара нет.

Но потом начинаются переговоры более интимные. Пусть будет стандарт, но пушнину надо же понимать, ценить.

Теперь старик уже не кричит. Он увел Пепеляева в глубь лавки и чем-то тихо убеждает.

Пепеляев тертый калач. Однако, в результате сошлись. В руки кулаков переходят кирпичи чаю, сушки, масло, хлеб, табак и т. д.

Красотка жена отбирает себе ситцы, сатины, жемчужные бусы, медные бляшки, никелированный чайник.

Нарич потом пришел ко мне в амбулаторию и таинственно сказал:

— Худо дело, лекарь. Санька едет.

— Какой Санька? — не понял я.

— Санька — плохой человек. Едет в Ямальскую тундру забирать у промышленника оленей. Саньку здесь все знают — боятся.

— Куда же он едет?

— По тундре едет, скоро будет. У него и отец был такой, что мы от него долго страдали. Он застрелился.

— Кто?

— Отец Саньки. Взял ружье, лег и ногой застрелил себя в рот. А Санька сладко говорит, мягко стелет — жестко спать. Здесь ему не отдадут оленей — ни за что. Без оленя туземец куда пойдет? Что сможет? Чем будет жить? Что кушать?

— Да кто тебе сказал, что будут брать оленей?

— Сам знаю. Нарич все знает — ему тундра говорит. А туземец не хочет дать оленя. С Ямала уйдет, на острова убежит — оленя не даст. Ты про князя Ваули слышал?

— Нет. Расскажи.

— Я еще малый был — лет 12, а князь Вауль уже всем Ямалом, Гыдоямой, Тазом — до самого Обдорска владел. В одно время там и здесь был. На Дровяном мысу, на Тамбее, в Обдорске — его в один час видели. Очень сильный был князь. Пять раз его забирали русские солдаты, в цепи ковали, а он опять свободный. Ничего сделать с ним не могли. А когда купцы и начальство стали на нас очень наседать, князь Вауль собрал со всех тундр нарты и пошел на Обдорск. Туча нарт! Обдорска от оленей было не видно. Мы — бо-ольшой народ. Обдорск очень боялся, жители в погреб, в ямы полезли. Князь Вауль русским бумагу написал, и четыре дня держал Обдорск в руках. После войско раз'ехалось, а князя заманили обманом и увезли в Тобольск. Пропал наш князь Вауль.

— Сколько же тому лет?

— Кто знает сколько лет? Шестьдесят, семьдесят? Я малый был, 12 годов. А помню князя Вауля. Сильный был богатырь. Чумы его слушали. Он прогнал бы вашего Саньку

и не позволил бы забрать оленей. Но это ничего — мы найдем еще нового Вауля. Пока жив наш народ — ничего Санька не сделает. На Обдорск пойдем, ружья возьмем!..

Нарич размахивал руками, старые глаза оживились, горели огнем.

— Какую же ерунду ты, Нарич, говоришь, — сказал я ему. — Восстание туземное, что ли?

— А что ж, у нас есть еще сила! Саньке не дадимся.

Нарич ушел и я еще долго слышал, как он с тремя кулаками-туземцами оживленно толковал, видимо, все о том же Саньке, так как это имя произносилось то-и-дело.

Где-то в тундре едет неведомый нам Санька, и вместе с ним бежит по Ямалу тревога. Что это за Санька? Кто такой Санька? — я понять не мог. Но, надо думать, это имя реальное — иначе чем объяснить волнение старого Ильи Нарича?..

Что касается рассказа о князе Вауле, то эту легенду я уже слышал раньше. Нарич попробовал в своем рассказе зафиксировать дату событий и исказить их в интересах кулацко-шаманских.

Исторически же установлено, что в 1841 г. народный герой Вауль поднял восстание против владычества русских купцов и туземцев — крупных оленеводов и, действительно, осаждал Обдорск.

Однако, эта историческая справка тонет в массе придуманных сказок, вообще связанных с именем Вауля.

Это имя фигурирует и в событиях очень отдаленных — за сотни, даже тысячу лет. Но и ближайшая история ненецкого племени нередко выдвигает это имя. Все героическое с ним

Шахов А. И. — уполномоченный Комсеверпути по Ямальскому округу.

связано: князь Вауль — народный герой Ямала. Он замечательный охотник, чудесный стрелок, непобедимый богатырь, предводитель в войнах, обладатель бесметных богатств.

Легенда о многоликом князе Вауле ясно показывает, что даже сверхмирному ямальскому народу не чужда фантастика воинственной героичности и их народный эпос столь же цветист и красочен, как эпос любого народа.

25 ноября ранним утром из здоровенной пурги вынырнуло несколько нарт и в сени ввалилась целая компания, сплошь в снегу.

— Принимайте гостей! Эй, кто есть в хате! — раздался окрик по-русски.

Оказалось, приехали из Нового порта уполномоченный по Обдорску А. И. Шахов и с ним новый заведующий факторией С. Д. Удегов с женой.

Ехали 700 километров больше полмесяца, дорога буранная, суровая. Однако прибыли благополучно.

С Аксеновым раз'ехали в пути, но уже в Новом порту слышали, что на нашей Тамбейской фактории не все благополучно, что Аксенов пьянствует и туземцы являлись туда с жалобами.

Дошли слухи также о скупке Аксеновым крестоватиков. Оказывается, это строго воспрещено. И за охоту, и за продажу, и за покупку летнего песка наш закон довольно строго карает.

У каждого из сотрудников собралось уже не меньше полсотни шкурок. Приходилось с ними расстаться. Хотя мы не очень тужили, но было досадно, что руководители предприятия не знали даже таких обязательных постановлений.

Новый заведующий — партиец и человек весьма опытный в деле факторий. Он четыре года уже управлял госторговскими факториями в Тазовском районе. Последней была фактория Ямбург, где он пробыл два года. Все операции ему отлично известны. На туземском языке говорит хорошо, даже свободно.

Наконец-то наша фактория в надежном управлении!

Этот приезд Удегова всех работников фактории необычайно обрадовал. Судьба операций с пушниной, взаимоотношения с туземцами, все наше существование в затерянной снеговой пустыне за последние дни стало рисоваться в очень шатком положении. Забрались люди на край света, живут, торгуют, словно командуют каким-то клочком жизни, а фундамента у них нет.

Языка не знают, обычаев тоже.

Ежедневно приезжает много народа и все чужой, с которым даже при желании не можешь ни освоиться, ни ознакомиться, ни хотя бы объяснить.

Точно какая-то стена между нами и этими закаленными промышленниками, этими охотниками, оленеводами.

Они здесь аборигены, они все знают, они до нас имели дело с другими факториями и им известны мельчайшие дета-

ли взаимоотношений. А мы работаем будто с повязкой на глазах и нам некому раз'яснить дело, рассеять темноту.

Недоразумения неизбежны. Туземцы, в конце-концов, поймут нашу слепоту и от всего этого получится только скандал.

Так, по крайней мере, думал я, и приезд Удегова меня весьма обрадовал.

Наконец-то! и как-раз во-время — в самый разгар торговой зимы и зимних промыслов.

В этот же вечер мы провели коллективное собрание, на котором обсудили все насущнейшие вопросы. Удегов с большим знанием дела обрисовал и наметил план ближайшей работы. В его объяснениях чувствовался спец, его предложения казались точными, как будто он их уже выверил цифрами.

Не понравился мне лишь конец его речи. Говоря об инструктаже повседневной факторийной работы, Удегов закончил свое выступление такой концовкой:

— По инструкции, каждый обязан знать свою работу. Это уж никуда не годится, если служащему и рабочему надо напоминать, повторять, или ходить за ним. У меня такое правило: сказал раз — и конец! А если сотрудник не выполнил, то лучше я сам за него сделаю работу, чем стану повторять по двадцать раз...

Вот этот финал мне не понравился. Как это сам сделаю? А где же руководство? Как же так — без нажима и настойчивости.

Однако, я не стал над этим думать. Ошибка? Увидим.

НОВЫЕ ГОСТИ. ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЗНАЧЕНИЕ ФАКТОРИЙ. ПРОЕКТЫ ТУЗСОВЕТА И КОНТРАКТАЦИИ

Дня через два прикатили еще гости из Нового порта: уполномоченный ОГПУ И. К. Ларионов и секретарь будущего Ямальского тузсовета И. П. Кабанов. С ними в качестве подследственного — Аксенов. Этот в Новом порту окончательного „засыпался“. Вел себя так подозрительно, что у него сделали обыск, нашли много вещей, а главное — песцовые меха, которые Аксенов захватил с фактории, видимо, для валютности.

Как я предполагал, Аксенов решил на факторию не возвращаться. Он набрал из лавки массу товаров, пару хороших костюмов и т. д. Вообще самоснабдился.

Выяснилось, что его прошлое весьма запутанное, тесно связанное с домзаками Севера. Только полным отсутствием подготовленных кадров можно объяснить такие промахи, как принятие на службу заведующим фактории, и хотя бы даже инструктором, человека, прошлого которого нет возможности проверить.

Его обвиняют в пьянке, бесхозяйственности, самоснабжении и контрабандной провозке песцов. Ларионов здесь на месте будет производить расследование.

Они приехали утром, и уже через 2 часа после прибытия, еще не обогревшись, Ларионов отобрал у всех сотрудников крестоватиков. Не скажу, чтобы не было жалко — отличный

мех. На досуге я уж видел роскошную теплую шубу, как память о полярном годе.

Особенно хороши 14 шкурок, видимо, осенние. Крест на спине чуть-чуть намечен. Окраска серебристо-пепельная. Шерсть пушистая и нежная, как у зимнего зверя. Из них вышли бы великолепные воротники, обшлага, дамские палантины. По оригинальности естественной окраски и пышности — они несравнимы.

Туземцы знают, конечно, о запрещении охоты на крестоватика, но они руководствуются собственным промысловым взглядом на этот вопрос с точки зрения: стоит или не стоит этим заниматься.

Конечно, гораздо выгодней поймать зимой одного зверя, хотя бы третьесортного, чем ловить крестоватиков летом и продавать за бесценнок. Здесь спору быть не может.

Но есть другие стороны. Летом промысла, кроме рыбного, замирают — много свободного времени. Летом тепло и охотиться хотя бы на песца во сто раз легче и приятнее, чем зимой, когда это становится трудным и опасным делом. Наконец, летом песец ютится гнездами, выводками. Иной раз охотнику удастся захватить логово зверя сразу с 15—18 щенками. Энергичный промышленник за лето набивает до 200—300 штук крестоватиков.

С соображениями, что такой способ ведет к полному истреблению драгоценного зверька — туземец не считается. По его понятиям, пустыня полярных снегов необъятна и даст промышленнику все, что от нее требуется. Всегда давала всегда даст. Об организованном охранении пушного зверя они не имеют понятия и втолковать это им крайне трудно.

Я много раз беседовал по этому вопросу с туземцами и через Илью Нарича разъяснял вопрос. Они слабо возражали, но, насколько я понял, в результате бесед неизменно оставались при своем убеждении: пустыня владеет всем, ее запасы неограничены, она все даст промышленнику. Охрана песца требует настойчивой пропаганды.

Что касается сбыта шкурок, то в этом отношении туземец затруднений не знает.

В Тазу, Новом порту, Обдорске — везде, где есть поселки и частные жители — найдутся желающие купить крестоватика. Меха слишком заманчивы и цена слишком низкая, чтобы такой товар залежался.

На коллективном собрании Кабанов сделал доклад об организации тузсовета и контрактации оленей. Решено немедленно повести агитацию и к двадцатым числам декабря подготовить съезд туземцев на выборы в тузсовет.

В контрактации в прошлом году наезжие из округа агенты наделали ряд безобразий. Сделки проходили сплошь и рядом под угрозами. За взятых оленей не платили. До сих пор туземцы не получили до 20 тысяч.

Все это взволновало тундру, конечно, не бедняцкую, которой контрактация не касается. Вообще ожидать гладкого и

благоприятного хода контрактации наивно. Наоборот, ей, надо думать, окажут всевозможное сопротивление.

Хотя „дельцы“, которые наделали перегибы, „изъяты из обращения“ и давно отсиживают различные сроки — тем не менее нынешняя кампания встретит большие затруднения.

Между прочим, от Шахова я узнал, что старый Илья Нарич — шаман.

Многое из поведения старика, казавшееся раньше странным и несуразным, теперь объяснилось.

Понятна стала его злоба против Саньки, который должен был проводить контрактацию. Понятна его поддержка истории о народном герое Вауле, его мечты использовать темные туземные массы, натравить их против советской власти, вплоть до вовлечения их хотя бы в вооруженное сопротивление. Если возможно, Нарич не остановится перед вооруженным восстанием.

Итак, понемногу обрисовывается государственная советская роль наших факторий на Ямале: они становятся базой для экспедиций, наездов и вообще основой для проведения советизации края. Прошло лишь четыре месяца со дня возникновения фактории, а вот уже и тузсовет, и агентура контрактации, и представитель административно-политической власти округа — здесь. Имеется в виду к выборам тузсовета произвести первую расслойку туземного кочевого населения: выделить и по возможности организовать бедняцко-батрацкую часть и устранить заведомых кулаков, шаманов, эксплуататоров.

Без существования нашей фактории такая работа на Ямале, пожалуй, не удалась бы. Не было базы ни снабженческой, ни территориальной. Расстояния в тысячи километров в здешние зимы и для кочевого туземца вещь затруднительная. О русских и говорить нечего. Если бы на Ямале, как было раньше, от Нового порта до пролива Малыгина не существовало бы никакого жилья — Ямал так и остался бы пустыней.

Фактории явились этапами. На них сосредоточивается жизнь туземцев, получающих здесь продукты и держащих постоянную связь с работниками факторий. Здесь можно получить приют, питание и уже отсюда распространить дальнейшую деятельность агентам советской власти из округа.

Роль определена. Особенно нашей центральной фактории: от нее, видимо, протянутся административные и культурные нити советизации туземцев и самой тундры. Здесь намечается центр в будущем, вероятно, не только административный, но и промышленный, и торговый, и, главное, политический центр — проводник идеи социализма.

Эти первые гости из Нового порта — только первые ласточки. За ними потянутся следующие — культурные, промысловые, научно-исследовательские.

Край непочатый, нетронутый. Хотя его природа бедна, но кто знает, что таят в себе недра? Что могут дать воды?

Край заслуживает изучения и освоения и будет изучен и освоен.

А полярная ночь уже совершенно вступила в свои права. Солнца давно нет. Дня тоже почти не стало. Случается за сутки нет хотя бы одного часа, когда можно бы было почитать без лампы.

В погожие дни сумеречный полусвет маячит с часу до трех пополудни. Но и тут, если на небе полная луна — она властвует, будто и впрямь ночь.

Ближние от фактории озерки, где мы брали воду, промерзли до дна. Пришлось, при помощи туземцев найти отдаленное большое и глубокое озеро и к нему ездить. Впервые

Зав. факторией Удегов и рабочий Вася Соболев везут на собаках воду.

запрягли собак. У нас бочка небольшая — 10 ведер. Везут три собаки, четыре легко.

До проруби считанных 1323 шага. Трудно лишь взбираться на подъем бугра — здесь приходится помогать собакам.

В мороз не меньше 50° я отправился по воду. Порожняком — отлично и быстро. Собаки несутся вскачь, я стою сзади бочки на полозьях нарт. Никаких вожжей или управления упряжкой не придумано — „сами знают, где сударушка живет“.

Назад хуже. Ехать нельзя — собакам и с одной бочкой еле справиться. И поспеть за ними трудно. Ноги в катанных пи-

мах проваливаются в иных местах по колено. Я далеко отстал.

Когда упряжка достигла бугра и стала, я побежал, чтобы помочь на под'еме. Псы лежат, высунув языки, и тяжело дышат.

Добежав, я ухватился за бочку, подпер плечом и крикнул. Собаки вскочили, дернули, но сам я вдруг сдал. Никогда раньше со мной этого не было. Грудь вдруг перехватило, дыхание сперлось, как-то тоскливо кольнуло и сжало сердце.

Я полетел на снег и замер. Казалось, сердце вот-вот станет — и конец!

Собаки на середине под'ема снова остановились и легли.

Я отдышался и уже не бегом, а потихоньку пошел к бочке: — Но, милые, поехали!

Псы неохотно поднялись. Особенно маленький серый — молодой и слабосильный.

Я приналег, нарты тронулись, и через 10 минут вода была дома.

Но этот „вояж“ обошелся мне дорого. Весь день я провалялся на кровати. Чувствовал себя разбитым, усталым, точно три дня к ряду таскал кули. И сердце с этого дня стало давать о себе знать: вдруг зажмет его, точно в сильном кулаке — и нет дыхания ни туда, ни назад.

Собакам тоже с водой туго. Как только подходит час ехать к проруби, они прячутся под кровати, за мешки, прилавки. Их вытаскивают, они визжат, иные кусаются. Которой удалось сбросить шлею и удрать в тундру, та уже к сегодняшней езде не вернется.

Дни — один светлый и тихий на десять ненастных. Сугробы намечает все выше. Наша хата видна издали уже только крышей и трубами. Да вот еще в годовщину Октября поставили на крыше красный флаг. Он служит и маяком и флюгером.

Пустынная тундра уныла и однообразна. На ней трудно распознать летний рельеф. Ни оврагов, ни протоков, ни бугров. Все ровно и однообразно бело. Только когда ступаешь подошвой пима, то в иных местах под ногой слышится глухой и зловещий гул. Значит проходишь глубокий овраг. Снег засыпал его неплотно и между пластами отдельных буранов залегли большие пустоты. Но наст смерзся, тверд и надежен.

НЕУДАЧНЫЙ С'ЕЗД

До прихода советской власти ненцы Ямальской тундры находились в полной материальной зависимости у кулаков, зырянских и русских купцов и ростовщиков.

Кулацкие хозяйства имеют до 2000 и более оленей каждый.

Разумеется, обслуживать такое стадо собственными силами кулак не в состоянии. К тому же богачи и не хотят сами работать. Пасут и охраняют оленей наемные батраки. Каждый кулак имеет по 3—4 батрака. Рассказывают, будто известный

кулак — оленевод Малого Ямала Войтало держит 27 батраков. У него стадо свыше 6000 голов.

Батракам редко удается вырваться из кабалы паука-хозяина. Заработная плата крайне низкая. В большинстве она исчисляется не деньгами, а одеждой, обувью, товарами. За год работы пастух получает малицу, пару кисов с чулками из меха пешки, оленьи тобуры (верхние теплые меховые сапоги), 8 фунтов табаку, пару кирпичей чаю. К этому добавляется небольшая сумма денег.

Иногда батрак за 3—4 года тяжелого труда выговаривает 10—15 оленей.

Но к концу срока выходит так, что не хозяин должен батраку, а, наоборот, — батрак хозяину. Табак выкурил не 8, а 10—12 фунтов, чаю выпил, вместо двух, три кирпича, денег перебрал больше, чем заработал — больше стоимости тех оленей, которые выслужил.

Как ни бьется батрак, как ни сокращает свои и без того ничтожные расходы, к концу срока результаты получаются плачевные. Все забрано, весь заработок истрачен. В лучшем случае — причитается дополучить гроши. А если батрак пьющий, если хитрый кулак-хозяин время от времени соблазнял его выпивкой, то дело совсем плохо. Не только нечего получать, но еще остается задолженность и волей-неволей надо батрачить дальше — отрабатывать.

Так и тянет несчастный батрак лямку всю свою жизнь. Кулак жиреет, стада его увеличиваются.

Чумы богатых ненцев убраны лучшими „постелями“ — шкурами зимнего оленя — мягкими, длинношерстными, теплыми. У него хлеб, мясо, рыба и чай не сходят со стола. Всегда есть запас спирта, пудами лежат табак, сахар, соль, мука, тюлений жир. Ежедневно он режет оленя, пьет кровь, ест лучшие куски: печень, почки, язык.

Только крепкие, зажиточные средняки, владеющие стадом в 500—600 голов, существуют более или менее независимо от кулака. Таких сравнительно немного. Главным образом это хорошие охотники и промышленники. Заработок от промыслов дает возможность им не одалживаться у богатеев-кулаков.

Большая часть середняков и вся бедняцкая масса ненцев опутана кулацкой паутиной долгов и платит им постоянно дань в виде процентов.

У бедняка, как известно, нет запасов, все в обрез, во всем нехватка. За долгие 8 месяцев зимы бедняк не раз вынужден обращаться к кулаку. То рыбки при займет, то мяса полтушки, то жиру, то песцовую шкуру до счастливой охоты.

Кулак дает — „выручает из беды“.

Эта „выручка“ бедняку обходится дорого.

За третьесортную шкуру песца — недопеска он обязан вернуть первосортный мех, стоящий вдвое, втрое дороже. За полтора — два пуда мяса платит целым взрослым оленем. Вместо завалявшейся гнилой рыбы отдает свежую, прямо из сети, да еще с „надбавочкой“ в весе.

Кулак снабдит бедного и порохом, и дробью, даст ему летом невода на две—три недельки, одолжит в зимнюю стужу топлива, керосина, табачку, чаю.

У кулака все есть, а у бедного сплошная нужда.

Бесчисленными путами оплетает кулак бедноту.

Рыбачит ли бедняк — значительная часть улова достается кулаку в оплату за невод, за снасти, за старые долги. Выпадет удачная охота — лучшая пушнина идет кулаку „в погашение“. В период отела пять—шесть пешек надо отдать — такое было условие.

Сколько беднота ни работает, как ни бьется, из долгов не может вылезть.

Так было до советской власти.

Многочисленные фактории, подобные нашей, совместно с кооперацией разрешили проблему товарообмена между промышленником-ненцем и госторговлей. Кулак потерял бывшее значение чуть не единственного снабжения ненцев.

На пушнину, рыбу, сырье были установлены точные твердые стандарты. Они однородны во всех факторийных точках Малой и Большой Ямальских тундр.

Помимо этой политико-экономической роли факториям дана задача широко развернуть агитмассовую разъяснительную работу среди батраков и бедняцко-середняцкой части населения. Что именно представляет собою кулак и как с ним надо бороться. Кто такие шаманы, в чем их вред и почему их интересы тесно связаны с кулаческими.

Следующим этапом политико-организационной работы явилось создание ненецких тузсоветов. Для этой цели были выделены специальные кадры из районов.

К нам на Тамбей организовать тузсовет приехали Шахов и Кабанов.

Шахов хорошо говорит по-ненецки и ему знакома вся Ямальская тундра. Редкий промышленник не встречался с ним раньше, у редкого он не бывал в чуме. Его зовут попросту Санька. Так, Аксенова звали Шуркой, зава второй фактории Уваровского — Кешкой.

Это, впрочем, не отзывается на отношении: Кешка и Санька отнюдь не означает пренебрежительности.

За столом во время чаепития Шахов и Кабанов присаживаются к ненцам. Начинается оживленная беседа. Шахова слушают с большим интересом, прерывают возгласами, спрашивают.

Кабанов языка совершенно не знает. Он следит за выражением лиц, мучительно старается проникнуть в смысл разговора, ему хочется вставить и свое веское слово: — „Вы скажите им, Александр Иванович, что все трудящиеся ненцы должны сплотиться против кулака и шамана. В тузсовет будут избираться только батраки, бедняки и середняки. Кулачье мы вот где зажмем! — и он показывает беспалый кулак.

Шахов переводит, видимо, снабжая прямолинейную речь Кабанова дипломатическими поправками.

Создание тузсовета на Тамбейской фактории—дело отнюдь не легкое.

С необозримых пространств Малой и Большой Ямальских тундр к нам на северную оконечность полуострова с'ехалось все кулачье, все шаманство. Им, конечно, сочувствует и некоторое число подкулачников, тех, чьи материальные интересы чересчур крепко переплелись с интересами кулака.

На юге организовался уже ряд тузсоветов. Батраки, бедняки и середнячество там дали подобающий отпор кулачеству и шаманам. Лишенные избирательных прав потянулись на Край Земли (перевод слова Ямал) в надежде, что здесь их стада и богатства в безопасности.

У пролива Малыгина, как говорят, в настоящее время сошлось свыше двадцати кулачьих становищ с многочисленными стадами.

Дальше отступать некуда!

Конечно, здесь на последних позициях пустынного Ямала кулаки должны оказать упорное сопротивление советской власти. Они не зря отдавали свои лучшие меха за спирт, необходимый им для агитации. Не зря совместно с шаманами об'езжали становища промышленников, заглядывая к самым последним беднякам.

На 20 декабря Шахов и Кабанов назначили предварительное бедняцко-батрацкое совещание. На нем предполагено детально обсудить вопросы выборов в тузсовет и наметить кандидатуры. На 25 декабря назначен с'езд всех избирателей Ямала и самые выборы.

В смысле выполнения формальностей все шло гладко, обычным порядком. Избирателям вручались приглашительные именные повестки, кулакам и шаманам—извещения о лишении права голоса. Делалось это под расписку, как полагается.

20 декабря выдалась бурная погода. Снежные вихри носились и трепались с дикой яростью. Ни на одну минуту не просветлело и дня даже не наметилось.

Мы напрасно прождали. Никто не приехал.

— Этот проклятый буран сорвет, пожалуй, и с'езд,—с тревогой говорил Кабанов.—Какой же дурак сунется в такую пургу.

Но уже накануне с'езда буря прекратилась. Ночь прекрасна. Светит полная луна. Необ'ятным мерцающим покрывалом раскинулось северное сияние, охватило полнеба и тихо, с мертвым спокойствием светит на снег, зажигает его алмазными огоньками искр.

25 декабря погода отличная: тихо, ясно. С часу и до трех пополудни настолько просветлело, что совсем похоже стало на настоящий день.

Нарты густо поехали с утра. По 5—6, даже по десятку вместе. Иные прибыли с Байдарацкой губы, с пролива Малыгина,—путь в 150—200 километров. У фактории расположился целый лагерь саней, густой лес оленьих рогов.

Ненцы входили молча, молча же усаживались за стол, пили чай. Население фактории мобилизовало все самовары, всю

посуду и всех до последнего сотрудников для обслуживания гостей.

В 6 часов открыли собрание.

Удегов доложил о создании на Ямале северо-ямальского тузсовета.

Никто не переводил его речи на русский язык, но нам был понятен ее смысл.

Удегов говорил долго и должно быть хорошо. Речь то мягко и бархатно просилась в сознание, то перемежалась резкими, решительными возгласами, в которых звучала сила и убежденность. Собрание слушало внимательно.

Я, стоя на кровати, смотрел через перегородку, следил за отдельными лицами.

Вот два бедняка: один работает батраком у богатого оленевода, другой имеет собственный чум, но у него нет и сотни оленей, что на Ямале считается крайней бедностью.

Они и раньше бывали на фактории и с ними велись раз'яснительные беседы.

Речь Удегова захватила их. Они сосредоточенно слушают, глаза загорелись, губы что-то шепчут, вероятно, повторяя сильные места оратора.

А вот старый крижистый оленевод. Холодное лицо, враждебный взгляд и то, как он перешептывается с соседом, ясно говорит, что этот сродни кулаку.

Едва Удегов кончил, как поднялся оглушительный гул голосов. Чьи-то протестующие возгласы смешались с выкриками „саво“! „саво“!

— Никакого не надо нам тузсовета! — крикнул замеченный мною оленевод, стараясь покрыть шум.

— Ишь, кулаки заговорили! — раздался в ответ голос бедняка с прилавка.

Наши такого откровенного саботажа не ждали. Выступил Шахов с длинной речью.

Как и удеговская она вызвала бурю. Ненцы кричали, спорили, даже перебранивались.

Две десятилинейные лампы скупое освещали комнату. Трудно было разобрать что-либо во всей этой кутерьме. Отдельные фигуры и лица тонули в плотной массе, волновавшейся и шумящей.

Было ясно одно: кулаки здорово организовались и крепко подготовились к с'езду. Настойчивой и длительной агитацией в чумах они на вербовали не один десяток подкулачников. Орудовали при помощи подкупа, обещаний, спаивания спиртом.

И, наоборот, присланные районом Шахов и Кабанов совершенно не учили возможности и ответственности работы. Не об'ехали тундры, не провели раз'яснительной работы, не выявили актива, не сбили основного ядра из батрачества, бедноты и середняка.

Они упустили из виду, что здесь на Ямале в данный момент собраны главные силы шаманства и кулачества. Что называется, недооценили остроты политического момента.

Шахов хотя и владеет в совершенстве ненецким языком, но показал себя человеком, не имеющим организаторских способностей, без твердой боевой закалки.

Кабанов, конечно, энергичней. У него есть напористость и желание работать, однако, не будучи знакомым с языком, он оказался беспомощным.

Есть тут отчасти и вина Удегова. Он все свое внимание в эти дни отдал хозяйству фактории, нуждавшемуся в упорядочении и подсчете. На работу среди ненцев не приналег, не принял в ней деятельного участия. Как человек, свободно говорящий с ненцами, он, разумеется, мог принести огромную пользу.

На наших промахах кулачье построило свой успех. Многолюдный с'езд оказался сорванным.

Часы показывали двенадцать. Ненцы стали раз'езжаться.

Я заглянул в окно. На освещенном луной дворе ненцы оправляют оленей, вытаскивают нарты. Снялись три упряжки и с места вскачь пошли в прозрачную даль. За ними еще две, потом еще и еще.

— Товарищи, не расходитесь. Выслушайте и проголосуйте резолюцию, составленную президиумом,— говорил в полупустую комнату Кабанов.

У стен по углам еще сидело десятка два—три выборщиков, но и они один за другим исчезали.

— Вот это ловко! — с досадой сказал Кабанов. — Ну, что же, придется начинать сначала!

На этом собрании все было организовано примитивнейшим образом. Кулаки и шаманы с изумительной прямолинейностью, показали, что весь этот саботаж—дело их рук. Не хотелось даже обсуждать этого вопроса. Картина для всех была ясна.

— Давайте чай пить и спать. Потолкуем завтра,— сказал Удегов. — Кулаки, как видите, подготовились лучше нас.

Так закончился этот с'езд, еще раз показавший, что самотек в борьбе с кулачем никуда не годится.

ХОЗЯЙСТВО ФАКТОРИИ. ТОВАРЫ. УЧЕТ. ПЕРЕМЕНЫ В БЫТУ.
НЕХВАТКА ДРОВ

До странности изменилась жизнь на фактории. Насколько раньше она была однообразна, ограничивалась одними лишь торговыми операциями, совершенно не носила общественного характера, настолько теперь усложнилась и разделилась на ряд разнообразнейших отраслей.

Гости из районного центра, проученные итогами с'езда, широко развернули политическую работу, в которой принимаем активное участие и мы.

В товарном хозяйстве фактории происходит проверка, учет, точное выявление остатков и переоценка товара с координацией цен по госторговскому прейс-куранту.

Перестраивается понемногу и наш внутренний уклад — быт нашего маленького коллектива.

Вся эта работа бежит, кипит, не хочет ждать ни минуты. Комиссия подсчитывает, сортирует, составляет новые каталоги, подытоживает.

Я просиживаю ночи над писанием актов и ведомостей. Со второй фактории прибыл счетовод Кувалдов, тоже в помощь учету.

Работа движется.

А на ряду с этим идет по-старому выпечка хлеба, не прекращается торговля.

Благодаря присутствию таких переводчиков, как Шахов и Удегов, значительно оживилась моя амбулаторная деятельность. Есть возможность расспросить больного, растолковать ему, от чего произошла болезнь и как устранить причины.

Во всех отношениях наша работа и жизнь стали полновесней, приобрели осмысленность, ценность.

Имеется возможность провести беседу с заезжими туземцами, поговорить о быте, рассказать как, и что именно надо усвоить из санитарии или гигиены.

Они слушают внимательно, но методы внедрения гигиены в быт чума — им недоступны. Они, например, категорически отказываются от бани, хотя бы она и была на фактории.

— Сегодня я пойду в твою баню, а завтра пропаду в своем чуме. При наших морозах, баня — смерть.

Равным образом им нельзя мыться теплой водой. Они лишь изредка умывают руки и лицо на холоде, водой ледяной температуры.

Встряску на фактории почувствовали все обитатели.

Жестковато отразилась она на животных. Из 10 собак — четыре самых мелких и слабосильных внезапно околели — в один час. 10 декабря вечером они одна за другой стремительно влетели со двора в сени и забились в судорогах на полу. Из рта шла пена, тело сгибалось, ноги прямо палками.

Не было сомнений, псы отравлены стрихнином. Резвый, игривый Кариш, два беленьких — большой и маленький — по характеру полные противоположности друг другу — сдохли на наших глазах.

Несчастный и забитый черный полущенок не добежал до сеней, свалился у порога.

Лично для меня было ясно, что хозяйственно-бесполезные, слабые животные уничтожены с заранее обдуманном намерением. Они поедали массу хлеба и не приносили никакой пользы.

Однако выполнено это нехорошо. Уполномоченный Комсеверпути, Шахов и заведующий факторией Удегов, отравив собак, не нашли достаточно гражданского мужества, чтобы открыто сказать:

— Это сделано нами. Это продиктовано хозяйственными соображениями.

Скажи они это открыто — не было бы ни паники, ни напрасных подозрений, ни обвинений друг друга.

Женщины фактории прежде всего кинулись ко мне.

В моем распоряжении аптека, у меня хранятся яды, — естественно, они почли виновником меня.

С криками, бранью и слезами меня окружили, что называется, приперли к стене.

Уполномоченный ОГПУ Ларионов, осведомленный в этом деле, видимо, лучше других, сказал резко:

— Не разводите, товарищи, паники. Ничего особенного не случилось и ни кто в этом не виноват.

Меня оставили в покое, но маленькое население фактории волновалось, настроение царило приподнятое и тревожное. А ни Шахсв, ни Удегов не отваживались откровенно признаться и внести успокоение.

12 декабря, видимо, от стрихнина же сдох Пегашка. Его отпустили погулять, он отошел в тундру шагов на сто и пал.

Лошадь была сильная, здоровая, веселая. Не дальше сегодняшнего утра рысью везла воду, затем отпряженная прыгала и брыкалась на дворе.

У нас осталось шесть собак. Три из них — “Роберт”, Барбос и Серый — настоящие полярные тяжеловозы. Здоровые псы, в силе мало чем уступающие волку. Несколько слабее маленький Серый — молодой выхолощенный песик. Пятая “Сонька”, — гладкошерстая сука, для работы и полярной зимы мало пригодная. Она уцелела лишь потому, что несколько дней назад принесла 7 штук щенков.

А шестой — “Петька”, — малосильный, больной кобелек, совершенно бесполезный в езде, но недурно натасканный на охоте — вылавливает уток из озера, поднимает их с воды. “Петрушка”, живет под кроватью у пекаря Поли Дорофеевой, пользуется постоянным ее покровительством на правах больного — и это спасло его.

Собственно ездовых — 4 собаки. Лично у Удеговых имеется еще великолепный огромный сеттер-гордон Аякс или, как переименовали его для понятности — Маяк. Он тоже иногда возит воду, но это собака частная. Казенных осталось шесть. Этого количества совершенно достаточно. Десятиведерную бочку везут три собаки, четыре — легко. А кроме воды — у нас нет другой работы.

Заготовленное для Пегашки сено уходит на подстилку свиньям в хлеву.

Таким образом от происшедших перемен никто не пострадал, а свиньи выиграли. Им обеспечена подстилка до весны.

Кое-какие перемены произошли и в быту нашего маленького коллектива фактории.

До приезда Удеговых мы все столовались из общего котла. По инструкции, Дорофеева является не только пекарем фактории, но и поваром. Она готовила на всю артель. Блюда были неприхотливы, но сытны и питательны. Хлеб выпекался из белой муки для всех же в общей большой печи.

Удегова все это переиначила. Она привезла с собой много таких продуктов и припасов, каких у нас нет. Картофель,

лук, морковь, свежую рыбу, бруснику, и т. п., и заявила, что варить и питаться будет самостоятельно.

В связи с этим, заведующий факторией Удегов об'явил, что Дорофеева вообще не обязана готовить на всех.

И вот затопилась ежедневно вторая русская печь, которая до приезда Удеговых не действовала.

Артельный котел расстроился. Все женщины потянулись со своими отдельными кастрюльками. У Удеговых ежедневно пошли шаньги, пирожки, ватрушки, оладьи. Надо отдать справедливость, жена Удегова опытная хозяйка, отличная стряпуха. У ней во-время и первый завтрак, и второй, и обед, и ужин. Чай почти не сходит со стола, ватрушки с вареньем и прочие деликатесы дразнят и пленяют.

На мне лично эти перемены в быту отразились в том смысле, что я стал недоедать. Готовить для меня было некому. Сам я иногда варил себе суп или жарил мясо на примусе, но по большей части питался всухомятку — чай и хлеб с маслом и сыром. Изредка баловала Удегова булочкой или ватрушкой своего стола, но это, как гостинец.

Главным же образом перемена в быту отразилась на производстве товарного хлеба. У нас все время в хлебе и так ощущался недостаток. Требования туземцев едва-едва удовлетворялись. Острый недостаток в дровах не позволял увеличить выпечку. Теперь же с работой второй печи встал даже вопрос о полном прекращении производства товарного хлеба.

Это уже пахло скандалом. Нельзя же оставить промышленников и оленеводов Ямала без хлеба! Это было бы полным срывом снабжения туземцев.

В это время на фактории находился еще уполномоченный Комсеверпути Шахов. Пред ним и заведующим факторией я поставил вопрос об экономии дров. Мои соображения были таковы: дров мало — отгружено осенью всего 40 кубометров. К началу декабря осталось 30 кубометров в трех поленищах. Надо немедленно учесть все доски, бревна, балки и жерди, разбросанные по двору и ими увеличить запас дров. Распилив, их нужно сложить в сених. Перед употреблением сушить, чтобы извлечь наибольшую калорийность. Для полной просушки можно пользоваться как русской товарной печью, так и чугунными и унтермарковскими печами, отапливающимися углем.

Топку второй русской печи прекратить. Коллектив должен перейти на котловое питание, при котором вторая печь не нужна.

Всяческие шанежки и пирожки пусть ловчатся готовить на двух чугунах и в товарной печи, которая топится 2 раза в день.

Удегов моего проекта не стал обсуждать. Шахов отнесся к нему холодно, не желая идти против заведующего факторией.

До 10 февраля выпекался товарный хлеб. С этого дня говарную печь погасили, и наша служебная половина дома перестала отапливаться.

В цифрах это можно формулировать таким образом: декабрь, январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль и август равны 274 дням. Нередко случалось, что ватрушечная печь топилась в день 2 раза и я не преувеличу, если общее число топок определю цифрой 300.

Триста зарядок дров истрачено на установившийся у нас быт. Эти 300 зарядок дали бы минимум 120 выпечек хлеба в большой товарной печи. Она не работала по 16 апреля — перерыв 2 месяца и шесть дней. Если бы мой проект был принят, перерыва не оказалось бы, товарная выпечка была бы увеличена на 120 центнеров, считая по центнеру на каждую печь.

На с.-х. отделе Комсеверпути, разумеется, лежит вина не малая:— 40 кубометров дров на год — цифра близкая к вредительству.

Но и хозяйственность нашей Тамбейской фактории оказалась из рук вон скверной. Мы ни в какой мере не проявили склонности к учету дров, не повысили их калорийность, не выказали твердого руководства, не попытались даже стать на правильный рабоче-производственный путь, который диктовался простым рабочим чутьем.

Стань мы на этот путь — дровяной кризис разом наполовину потерял бы свою остроту. И что самое главное — производственный план нашей фактории, выполненный на 107,75 проц., был бы выполнен на 115 проц. Прекращение котлового питания, сухомятка, частые недоедания сделали к весне свое дело — заболел цынгой, я слег.

ТОПЛИВНЫЙ ВОПРОС НА ЯМАЛЕ

Вопрос об отоплении у кочевых северян обыкновенно решается самым простейшим образом: летом чумы каслаются к северу, уходят на промысел рыбы к далеким полярным озерам, уводят оленей на северные пастбища, где даже в разгар лета нет ни оводов, ни паука, ни комара, ни иного мелкого гнуса.

Кочуют в далекой северной тундре и пользуются для топлива либо мохом, либо лесом-плавником, который собирают на морском побережье.

С наступлением зимы туземные стада с чумами начинают каслаться в обратном порядке: на юг, ближе к тайге, к лесу. Живут по принципу перелетных птиц.

Однако надо сказать, что такой простейший распорядок жизни доступен отнюдь не всем поголовно туземцам. Его крепко держатся, главным образом, оленеводы, для которых зимние промыслы не имеют значения.

Иное дело охотники и промышленники. Им приходится оставаться со своими стадами на зиму в глухой тундре и для них топливный вопрос становится очень острым.

Нашим факториям, взявшим на себя функции снабжения ямальских туземцев, волей-неволей приходится снабжать их топливом, помимо всего прочего.

Вопрос этот здесь крайне заострен, организовавшийся тузсовет его выдвигает на первый план.

В сущности, не такая уж сложная операция обеспечить тундровое население дровами, когда вся наша тайга — полоса, граничащая с тундрой — состоит из сплошных лесов.

Требуется лишь инициативность и организационная настойчивость. Однако вот здесь-то мы и хромаем.

В прошлом году дровосеки всю зиму работали в 50 километрах выше Обдорска, нарубили 4000 сажень, сложили в поленницы. По климатическим условиям — это очень тяжелый труд. И как рассказывают тамошние рыбаки, он на три четверти пошел прахом.

Около тысячи сажень вывезли весной на баржах и рыбаках, развезли по заимкам, промыслам, факториям. Остальные 3000 сажень развалились, рассыпались, потонули в летней болотной ростепели. Теперь их, конечно, не собрать.

Чтобы снабдить фактории достаточным количеством дров, необходимо забросить сюда специальную баржу.

Нечего говорить, дрова должны окупать себя.

Однако такое разрешение вопроса, мне кажется, вряд ли устроит промышленных туземцев. Промышленник отнюдь не богат, не так много зарабатывает, чтобы оплачивать топливо, один провоз которого обходится втридорога.

Топливное дело необходимо организовать на месте — на Ямале. Здесь имеются огромные залежи торфа. Местами слежавшиеся пласты его достигают 2—3 сажень толщины.

Торф отличный. Мы пробовали его жечь, не прессуя. Горит, будто облитый керосином.

Здесь отдельные гнезда старого мшанника достигают порой 40—50 метров в окружности. На нем я прыгал, как на трамплине; он пружинист и слегка шипит под ногами от насыщающей его влаги. Лопата легко режет такой мшанник, глубиной он бывает в 2—3 метра. Это будущий торф. Он весь состоит из нитевидных сплетений мха и корней.

Добыча торфа здесь не потребует больших затрат. Нужны лишь прессы и рабочие руки.

Для туземного населения необходимо прежде всего забросить чугунные печи с колошниками и ручные прессы.

Я видел в Финляндии такие прессы трех образцов. Там мох скупой, в кочках и мелких гнездах. Часто, чтобы сделать один брикет, финну приходится раскапывать две-три кочки.

Здесь пласты. Здесь есть возможность работать многобрикетными прессами не вручную, а при помощи двигателя. И двигательную силу можно получить по крайней дешевке — нужно лишь использовать постоянные ветры большого напряжения. Эоловые приспособления окончательно просушат отжатые брикеты.

Если Комсеверпуть забросит сюда техника-торфяника с соответствующим оборудованием — это обойдется не дороже баржи дров. А подсчитайте, какие даст итоги. Не только туземный топливный вопрос будет разрешен, но и вся фак-

тория перейдет на торф — с пекарней, кухней, отоплением любых двигателей.

На месте, без какого бы то ни было подвоза, разрешается основной вопрос полярного существования. И разрешается наилучшим образом.

Я даже думаю, что ни с юга на север, а наоборот, с Ямала на юг надо везти топливо — такое драгоценное, как торф. На Ямале можно снабдить весь морской и речной транспорт Комсеверпути горючим.

Для этого требуется опять-таки организационная настойчивость, рабочий почин и плановость.

СЕВЕРО-ЯМАЛЬСКИЙ ТУЗСОВЕТ

Когда при высадке на Ямале мы по 15 — 20 часов в день грузили и разгружали товары, наш заведующий Вахмистров утешал: — Товарищи, это краткая переработка. Наступит зима — никакой работы не будет. В трехмесячную ночь будем только спать.

До чего же он не знал условий полярной работы!

Стоит так называемая полярная ночь. Вот уже больше месяца мы не видим солнца. Круглые сутки горят лампы. А работа идет интенсивнейшим ходом, как никогда раньше. Работа многообразная, не ждущая, ее надо тотчас выполнить.

И туземцы не пропускают ни одного дня. У них разгар пушного промысла. Везут песка, волка, росомаху.

Ежедневно у нас бывает 10—15 нарт. Одни приезжают, другие уезжают.

В этом году на Ямал с'ехалось очень много чумов. Они уходят от контрактации оленей. Наиболее крупные оленеводы каслаются как можно дальше на север, к самому проливу, думая, что там их трудней достать.

На севере полуострова теперь сконцентрировалось все кулачье. Они снабжаются преимущественно на фактории Дровяного мыса, но иногда бывают и у нас — вероятно с целью разведки.

31 декабря, накануне нового года, Шахов с Кабановым выехали наюг, к реке Се-Яга для организации выборов в тузсовет.

Это решено после всесторонних обсуждений. На юге сгруппировалась почти вся беднота. Она откаслалась к той черте тундры, где начинает расти кустарник и карликовый лес.

Кроме того, по берегу Се-Яга разбивать кочевья выгодно, потому что промысел рыбы идет всю зиму.

Топливо и пища! Они диктуют бедняку свои условия. Богачи и многооленные середняки могут ежедневно бить оленей, иметь всегда свежую кровь и мясо.

У бедняка каждый бык, каждая важенька на счету. Какую-либо сотню-другую животных долго ли истребить! А к тому же бедняки имеют другую особенность — они в большинстве многосемейны, многодетны. Начни они резать оленя, от стада в одну зиму ничего не останется.

Вот к ним-то и направились Шахов и Кабанов.

В отсутствии были 5 дней. 5 января вернулись веселые удовлетворенные.

Без агитации кулака, без внушений шамана, бедняки быстро освоились с принципами соввласти. Собрание прошло активно и оживленно. Тузсовет избран.

Вскоре мы увидели состав Се-Ягского тузсовета.

Председатель Серпиу Войтало, промышленник лет за 50, небольшого роста, ширококостный, с медленными движениями, видимо, знающий и чувствующий себе цену.

Он больше молчит, не выпуская из рта трубки. Его голос всегда последний. Однако туземцы к нему чутко прислушиваются и относятся с подчеркнутым почтением.

Именно такого председателя требовалось новому тузсовету.

Заместитель председателя — Майма Тусида — брат Ваньки.

Майма — характерная фигура! Во-первых, он выше прочих туземцев на целую голову. Всегда добродушен, любопытен, любознателен, в хате все обнюхивает, всем интересуется, со всеми приветлив — и всегда всему и всем улыбается.

У Маймы Тусиды склад мышления оригинальный. Он не знает советских законов, но как только ему рас-

толкуют принцип какого-либо закона — он на короткий срок задумается, а затем лицо светлеет и Майма в восторге.

Борьба за освобождение трудящихся ему понятна и близка.

Сам бедняк, всю жизнь работавший на кулака, он ненавидит кулачество.

— Мы перестроим нашу жизнь! — говорит он убежденно. — Кулачество уничтожим до последнего корня.

Майма Тусида.

Александр Иванович охотно беседует с Маймой и переводит нам его суждения.

Работе заместителя председателя тузсовета Майма Тусида отдается с большой серьезностью и увлечением. Советскую законность он усваивает быстро и легко. Ему нехватает лишь грамотности и практической подготовки, чтобы стать ценным способным работником.

Членом тузсовета избран батрак Вануйто Сэроко. Он тоже типичен.

Ладный, среднего роста, мускулистый и ловкий. Лицо чистое, живое, подвижное. Глаза зоркие, умные, не без хитринки. Как говорят, он отличный рыбак и охотник на песца.

Кроме этих лиц, составляющих ядро совета, имеется еще кандидат в члены — Ермини Яунгат. Это тот самый, что спас экспедицию Чибрикова.

КОНЕЦ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

Наша жизнь фактории улеглась в естественные рамки и течет без сюрпризов и неожиданностей.

Днем все заняты своей работой. Ларионов снимает допросы с Аксенова, свидетелей, которыми вызваны все сотрудники.

Вася копается во дворе с дровами, водой, углем. Раскапывает тоннели в ночных заносах.

Пепеляев больше в складе. У него теперь на руках все товары.

Я пишу ведомости приемки и сдачи, осматриваю больных.

Удегов торгует. Туземцы приезжают ежедневно, торговля идет своим чередом, но хлеба нет и это вызывает ропот и недовольство.

Женщины стряпают.

В хате тесно. Теперь в одну половину дома переселилось все население фактории: 10 человек коллектива и 4 гостя из Нового порта.

Кроме того, в хате же держим собак: Роберт, Серый, Барбос, Маяк и Сонька с 7-ю щенками.

Воздух — хоть топор вешай.

Вечера длинные, скучные. Я как-то вызвался почитать вслух, но попытка не имела успеха. Внимательных слушателей я не нашел. Достиг лишь того, что в этот вечер все заснули раньше обыкновенного.

Тогда мы, мужчины, перешли на преферанс.

Когда нет преферанса, я сижу ночью над очерками. Хочется сделать их прежде всего фактически точными. Факты, факты, об'ективные беспристрастные факты и их пояснение — вот что составит ценность такой книжки, как моя. Дать жизнь оторванной фактории, как она есть, без прикрас.

Приблизительно те же условия и на других факториях и на заимках, на оторванных рыбных промыслах. Местами даже суровее.

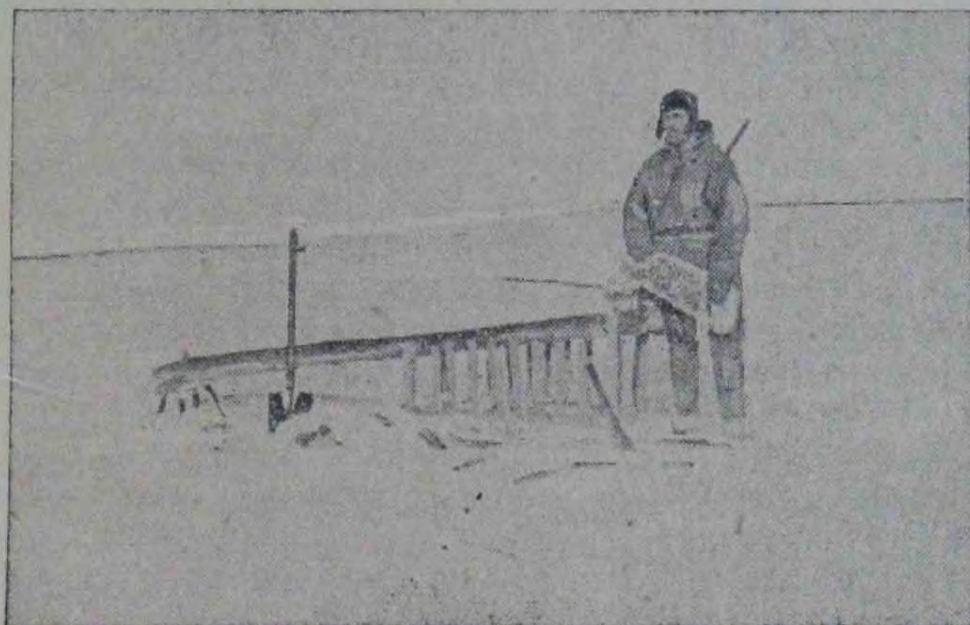
Важно, кто составляет коллектив, какие люди составляют семью. В зависимости от характера, уживчивости и сознательности членов такого случайно и без всякой системы собранного коллектива, складывается его быт.

Время идет.

Повседневная работа делает дни незаметными.

Туземцы приезжают на факторию ежедневно.

Песцовая западня.

Вот уже наступает конец полярной ночи. Вчера, 25 января, впервые после двухмесячного перерыва мы увидели солнце. Не солнце, собственно, а его лучи из-за края горизонта на умбе SW. Значит, пережили еще один этап — темную зиму.

Дальше пойдет легче и разнообразнее. Теперь дни начнут сказочно увеличиваться. Удегов уверяет, что в апреле уже наступит непрерывный день и солнце ни днем ни ночью не сойдет с неба.

У туземцев идет оживленный лов песка. Бывают дни, когда они привозят по 20—30 штук, однажды доставили за день 63 штуки!

Однако сорт не высок. Все больше недопески — молодые полущенки, с неважной остью, мало пушистые. Они совершенно не похожи на те великолепные экземпляры, которые привозили кулаки из своих неприкосновенных запасов. Старый, пышный и дорогой зверь осторожен и в капкан зря не лезет. Его трудно добыть. Он попадает один из сотни и реже.

Изредка привозят росомаху. Я не видел этого зверя живого. Разве, может быть, в зверинце, но теперь уж не помню. Шкура же дает неприятное, жуткое впечатление. Толстое мощное туловище на коротких сильных лапах с здоровенными когтями. Зубы могучие. Видно зверь сильный и опасный, бурой окраски с черной остью на спине и боках. Он следит за песцовыми капканами, и если охотник прозевает, то находит в капкане лишь следы добычи — росомаха поедает попавшихся песцов. У нас были случаи, что туземцы привозили лишь половину песцового трупа — другую съела росомаха.

Из их меха должны выходить отличные воротники, в роде медвежьих, только мягче, нежнее и пушистей.

Привозят, хоть и редко, волков. Один попал в капкан лапой и замерз, не сумев вырваться. Его привезли не ободраным. Огромный зверь, с ошетилившейся от предсмертного ужаса шерстью, с яростно оскаленными зубами.

Мы его в целом виде, будто живого, поставили на крыше хаты. Он стоит, оскалясь в снежную даль. Ночью производит жуткое впечатление. Кажется, что вот соскочит и кинется, вцепится в горло мертвой хваткой.

Собаки ходят мимо, щетиня шерсть. Ночью лают на зверя, даже воют протяжно и жутко, оборотя тоскующие морды в сторону тундры, в бесконечную снеговую пустыню, где, может быть, чуют таких же, как наш на крыше, матерых волков.

Живых мы их не видели. Один раз в светлую лунную ночь, украшенную феерией северного сияния, я отошел километра за три от фактории по направлению озер. И там за ближними буграми увидел несколько темных движущихся силуэтов зверя. Одни сидели на белом снегу без движения, другие перебегали с места на место. У меня в руках была лишь палка — я не охотник и ружья никогда не ношу. И, разумеется, я поспешил вернуться к дому.

Были ли это волки, или силуэты мне померещились в неверном освещении призрачной ночи — не знаю. Думаю, что они — эти хищники и отщепенцы бесконечных снеговых пустынь.

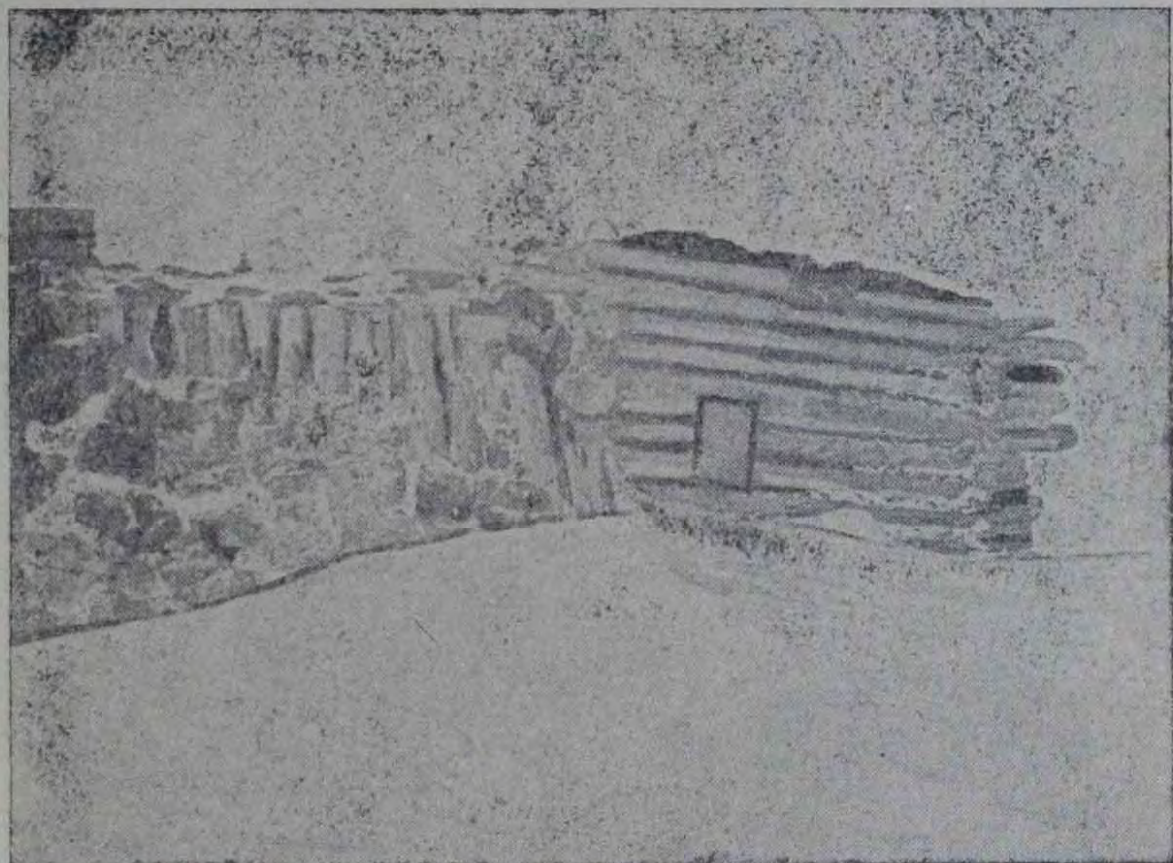
Мы их, в сущности, не видели, но голос их иногда доносился в ночной тиши. На него откликались наши псы, задрав головы вверх и выводя высокие ноты, с тоскливым собачьим надрывом.

Вообще наше полярное существование отнюдь не пестрит приключениями и опасностями, какими полны джеклондонские рассказы. Наша жизнь идет мирно, монотонно и однообразно.

Преферанс — единственное развлечение.

Мы отсчитываем дни и помечаем каждый прожитый крестиком.

Может быть, в будущие годы, когда на фактории установят радио, когда наше одинокое жилье обрастет поселком промышленников, рыбаков и еще чем-либо, жизнь станет разнообразней, приобретет общественный характер. Но это не

„Зимовка“ — хижина для охотника.

для нас. Это будут иметь те, кто получит от нас наше робинзонское жилье.

У нас товарная печь не работает, пекарь Дорофеева сидит без дела.

Со второй фактории дали знать, что там есть дрова — плавник и имеется возможность выпекать в две смены, если бы были рабочие руки. Решено Дорофееву отправить на Дровяной мыс.

Раз у нас нет хлеба, то мы должны обеспечить туземца хотя бы снабжением на второй фактории. За хлебом мы направляем их туда.

Это значительно понизило торговый оборот нашей лавки. Не находя главного продукта, туземцы к нам не едут, предпочитая сделать лишнюю сотню верст, но быть с хлебом. Удегов опасается за выполнение производственного плана.

VI. БЕСПРЕРЫВНОЕ СОЛНЦЕ.

Неудавшиеся оленезаготовки. Прогулка. Приближение весны. Контрактация. Итог кулацкого сопротивления. Поступь весны. Красный чум. Бич Севера.

НЕУДАВШИЕСЯ ОЛЕНЕЗАГОТОВКИ

План оленезаготовок разработан окружным оленетрестом и, разумеется, основан на процентных выкладках. На Ямале предположено законтрактовать 6900 голов оленя. Если считать, что ямальские оленеводы насчитывают в общем до 70.000 в своих стадах, то, следовательно, план рассчитан на 10 проц. из общего оленепада.

Тов. Шахов и Нуми Тусида отправляются на оленезаготовки.

По существу это весьма скромная цифра. Но богатые туземцы-оленеводы уходят все дальше на север. Они не хотят дать и 10 проц.

Шахов и Кабанов, ответственные за исход дела, в тревоге. Они не уверены в успехе работы.

16 февраля они выехали на север для объезда кочующих чумов.

У Шахова большие козыри: его популярность, его мастерство говорить и ладить с туземцами. Поддержанный серьез-

ной внешностью и угрюмым молчанием присутствующего Кабанова, он, возможно, добьется результатов.

Эта поездка отнюдь не легкая. Сделать сотни верст на оленях, колесить по тундре, разыскивая чумы, ночевать сплошь и рядом под открытым небом на морозе в 50°—вот условия, в которых пройдет эта работа.

Мы на фактории ждем известий. От успеха контрактации зависит отъезд новопортовских работников обратно домой, в район.

Ларионов неоднократно пробовал договориться с туземцами о найме легких нарт для 700-километрового путешествия до Нового порта. Переговоры успеха не имели. Туземцы считают такой пробег на легких нартах невозможным. По их словам в это путешествие можно пуститься лишь с чумом, т. е. передвигаться медленно по 25—30 километров в день с длительными остановками для пастьбы оленей. Так они каслаются, перегоняя стадо с одного пастбища на другое.

Если удастся контрактация, то явится возможность ехать на своих трестовских оленях и путь в 700 километров сделать в неделю на легких нартах. Исхода контрактации все ждут с нетерпением.

24 февраля от Шахова получено извещение, что оленезаготовки надо считать сорванными. Кулаки твердо стали единым фронтом и не дают ни одного оленя. Судя по записке Шахова, ему едва-едва удалось законтрактовать 150 ездовых быков, необходимых для путешествия в Новый порт. И эти-то 150 пришлось собирать по 10—20 штук в разных оленьих стадах.

Как всегда вошли в соглашение с наиболее энергичным из знакомых туземцев — с Гришкой Тусида, или как его стали теперь звать, Нуми Тусида. Он согласился подыскать ямщиков, собрать из разбросанных по тундре чумов 150 законтрактованных оленей, наладить легкий чум, в котором вся экспедиция будет иметь передвижную базу.

Кроме четырех путников — Шахова, Кабанова, Ларионова и Аксенова — повезут полторы тысячи кило пушнины и еще какой-то груз. Налаживается свыше десяти упряжек.

На нарты с упряжкой в 4 быка-оленя можно положить до 150 кило — не больше. Если груз, то уж без седока, так как олени — животные слабосильные и больших тяжестей возить не в состоянии. Но зато с десятью пудами они мчатся вихрем, делают по 100 километров в день и без кормежки, с одним лишь ночным роздыхом, способны в последующие 2—3 дня делать такие же пробеги. Так ездят туземцы Ямальской тундры.

Для тундры это незаменимые животные. Оставленные на ночь у нарт, они копытами разбивают толстый и плотный наст снега, докапываются до земли и едят мох. Только оленем жив туземец: он служит и для касланья и для пищи. Кроткое, беззлобное животное. Оно пугливо и робости необычайной. Наш конь Пегашка производил бывало целые переполохи. Когда этот страшный зверь, выпущенный из хлева, появлялся на дворе, все упряжки приезжих туземцев путались и сби-

вались в кучу. Он был любопытен и потихоньку шел к рога-
тым товарищам. При его приближении олени срывались с ме-
ста и во весь дух уходили в тундру.

Впрочем Пегашка наводил страх не только на глупых оле-
ней, но и на самих туземцев. Они далеко стороной обходили
конька, а когда он, заигрывая, бежал рысью к ним, то тузем-
цы в панике спасались, кто куда может.

Нам немалых усилий стоило показом приучить их к по-
нятию, что Пегашка обыкновенное, безопасное, домашнее жи-
вотное.

19 марта транспорт, наконец, организовался. Главным
вожатым — Нуми Тусида.

Остановка в пути.

С двух факторий Шахов увозит песцовые шкурки, тюки
оленьей пешки, медвежьи, волчьи, росомашьи шкуры. Пушни-
на высокосортная, валютная.

Часа в 4 дня при ярком солнце, по бело-яркому снегу
наши гости тронулись.

Мы снова остались одни.

ПРОГУЛКА

Уже с конца марта стало чаще и ярче светить солнце. Дни
до уродливости удлинились. В 4 часа утра восход, в 10 вечера
солнце все еще светит. От зеркального белого снега лучи от-
ражаются с таким блеском, что на тундру больно смотреть.
Вообще наступил сезон, когда глаза надо прятать по защит-
ные очки.

У нас в лавке продаются прекрасные очки с дымчатыми
стеклами. Ими глаза так хорошо защищены, что раздражения
сетчатки абсолютно не чувствуется.

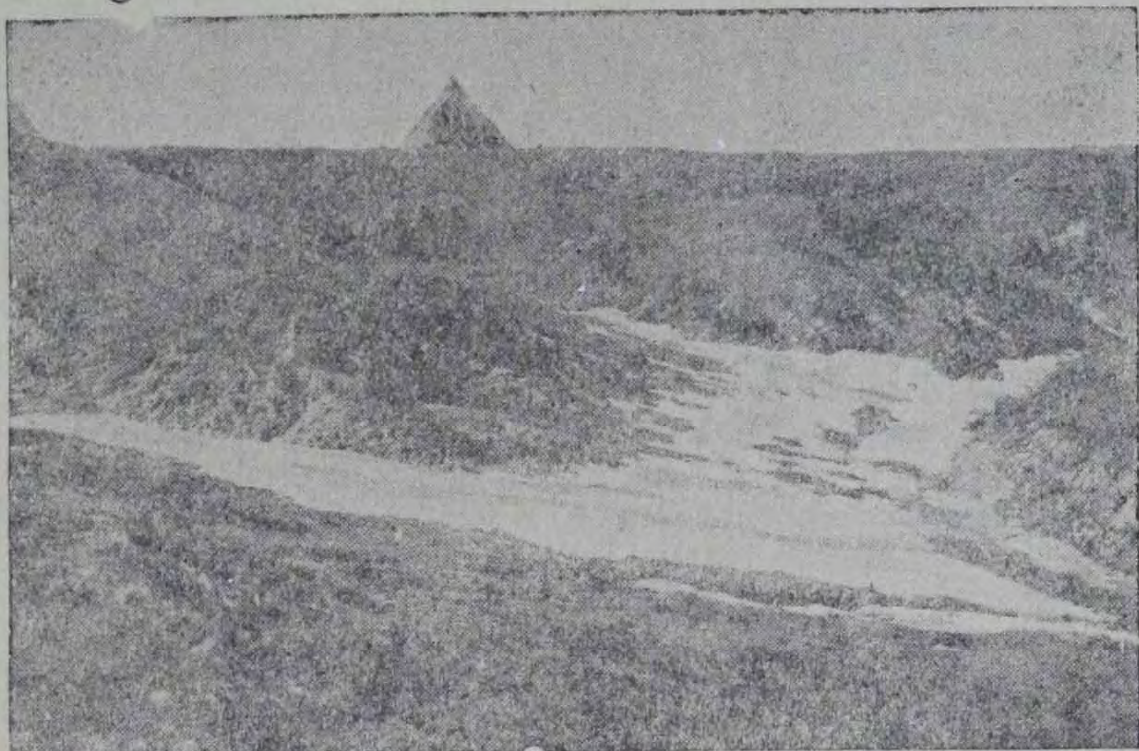
Я целыми днями хожу по окрестностям, и никакое солнце
мне не страшно.

До южной сигнальной мачты 3237 шагов, считанных и про-
веренных. До северного мыса, где мачта свалилась, 5670 ша-
гов. Все точно измерено.

Сквозь дымчатые стекла я без напряжения оглядываю белоснежную даль, даже рассматриваю солнце. Этой возможности лишены туземцы. Они ежедневно обращаются ко мне с жалобами на глаза. У некоторых настоящий „весенний“ конъюнктивит — очень неприятная, беспокойная болезнь. Но это не часто. В большинстве страдание ограничивается острой гиперемией. Моему совету приобрести очки следуют неохотно даже кулаки. Цена в 3 рубля кажется им непомерно высокой.

Было бы со стороны здравоохранения очень кстати закупить такие очки в большом количестве и снабжать ими туземца-промышленника бесплатно.

Это избавило бы десятки людей от страданий и произвело бы наилучшее впечатление.

Становище на Ямале.

А раздача капель, примочек и т. п. не приносит существенной пользы, раз не устранена причина, вызывающая болезнь.

Позавчера я взял палку, позвал Маяка и Роберта и направился к южному мысу.

3237 шагов еще раз проверены.

С высоты мыса открывается далекий горизонт. Во все стороны он одинаково бел и ослепителен. Губа открыта до противоположного берега и лишь плохая приспособленность нашего зрительного аппарата мешает видеть гыдыймский берег Оби.

В сторону тундры рельеф более разнообразен. Идут холмы, видны глубокие пади, где летом красуются тихие озера.

Сейчас все до некоторой степени нивелировано снегом, но все же есть на что посмотреть.

Глубоко внизу, по берегу замерзшей речки, бежит какая-то зверушка. Я направил бинокль — песец. Белый на белом фоне, он плохо уследим.

Пальцем я указал Маяку. Он втянул воздух, взгляделся. Но Роберт уже опередил его, стремглав кинувшись вниз. Маяк бросился вслед с громким лаем. Этот лай испортил дело. Песец оглянулся, увидел двух здоровенных псов и ходко пошел на утек. Я следил за ними в бинокль. Рывкины, сугробы, овражки песец перескакивал с изумительной легкостью и проворством. На белом снегу трудно уследить за его движениями. Сам белый, он порой на несколько минут скрывается из поля зрения, сливаясь воедино с белизной пустыни.

Собаки распластались в воздухе и казалось летели над снегом. Черные огромные — их было отлично видно. А песец неся, как белая куропатка. Расстояние между ними было не меньше километра и пока они не скрылись из глаз, оно нимало не уменьшилось.

Я видел их еще раз или два, далеко за буграми, еле различая в бинокль. Маяк сильно опередил Роберта, а песец чуть мелькал, проходя по обнаженным черным проталинам. Расстояние между ними оставалось все то же.

Я сел ждать.

Через час собаки вернулись. Языки высунуты, бока и брюхо мокрые, они с усилием дышат. Песец ушел. Возможно у него где-либо поблизости гнездо и он нарочно увел собак, чтобы не выдать насиженного убежища.

Умные псы тянут воздух в ноздри, но не чуя зверя, лишь изредка взвизгивают, видимо, оплакивая неудачу.

— Эх, вы, простофили, — сказал я вслух и поднялся, чтобы идти домой.

Но в этот момент неподалеку взлетело три пары белых куропаток. Маяк, будто ошпаренный, сорвался с места. Роберт тоже кинулся было, однако благоразумие одержало верх и он пошел у моих ног.

— За всякой ерундовой пичугой не угоняешься, — степенно говорил его спокойный вид.

Впрочем, это не надолго. Когда спустились к бухте и где-то на торосе закричала халея, он ринулся следом за ней. Она, словно бы дразня пса, низко поплыла над ровной гладью бухты. Он неся, не отставая, и казалось вот-вот готов схватить ее снизу.

Я пришел домой уставший. Собаки сделали за это время не меньше 25—30 километров и все еще носились по тундре, то появляясь, то исчезая за гребнями холмов.

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВЕСНЫ. КОНТРАКТАЦИЯ

Весна заметно идет. Солнце светит отнюдь не жарко, но настойчиво. Уже с первых чисел апреля оно почти не сходит с неба. Днем его видишь на юге, западе. В середине ночи оно глядит с севера. Нет ни начала, ни конца этому круговращению.

Снег начинает таять — обнажаются вершины холмов. А там где появились черные проталины земли — там солнечный луч тонет и впитывается целиком. Земля теплеет, проталины ширятся.

Однако до полной победы весны еще далеко. Солнце сменяется морозным бураном, снежный покров вновь восстанавливается и вновь требуется непрерывная работа солнца.

7 апреля ранним утром я вышел на двор. От берега бухты показались легкие нарты с упряжкой в 4 оленя. Туземцы отлично знают, где у нас полагается останавливаться, поэтому я уже хотел идти, как с нарт меня остановил возглас по-русски:

— Укажи-ка, товарищ, где здесь можно стать и оставить оленей?

— Выходите, вы приехали, — сказал я и подождал, пока приезжий облаживал оленей.

Мы вместе вошли в хату.

Оказалось старик среднего роста с бородкой. В очертании лица чуялось что-то не русское — словно монгольское, но говор правильный — наш.

— Откуда? — спросил я, предлагая раздеваться и сесть. Он снял через голову малицу и, присев на лавку, пояснил:

— Прямым рейсом из Нового порта. Вслед едет еще заведующий Новопортовской факторией — сейчас должен быть.

— А вы кто же?

— Заместитель председателя райисполкома.

— Позвольте записать? — деловито осведомился я и взял карандаш.

— Пишите: Николай Иванович Пугорчин — зампредседателя.

— А ваш товарищ?

— Конон Степанович Ануфриев.

— Вы насчет чего же? От нас только недели две, как уехали новопортовские гости.

— Да, я знаю. Мы с ними раз'ехались. Их так долго не было — думали погибли. Мы по тому же делу — насчет контракции, — сказал Пугорчин.

Он остяк, Ануфриев — зырянин. Их направил райком, опасаясь срыва оленезаготовок.

Вошел Ануфриев в плохоньком гусе, с обмерзшими усами.

Поднялся Удегов, встала уборщица, наладился чай.

Ануфриев человек молчаливый и сосредоточенный. Узнав, что Шахову контракция не удалась, он пожевал губами и проговорил значительно:

— Ну, это как кому. Мне, авось, посчастливится.

Не спеша с делами, он напился чаю и лег спать.

Когда перед обедом я вышел в общую комнату, Ануфриев сидел за столом и разбирался в портфеле с бумагами.

— Каким образом вы рассчитываете провести контракцию оленей? — спросил я.

— А вот соберу собрание, поговорю — будет видней.

— Шахов с Кабановым уже проделали большую работу предварительной подготовки. Вам будет легче.

— Увидим, — серьезно сказал он.

Уже 16 апреля состоялось собрание туземцев по поводу оленезаготовок. Ануфриев человек короткого слова и крутого дела.

В противоположность Шахову, он не ведет длинных бесед, но его слова не пропадают даром.

И кроме того, его преимущество в том, что он сам туземец — зырянин.

Ему ясней и понятней психология оленевода. Он 15 лет работает за полярным кругом. Он знаком со всеми деталями жизни туземцев.

Его разговоры с собравшимися проходили на глазах всей фактории, при чем он вел их так ясно, что понимали и мы, и туземцы.

Я долго вслушивался и, наконец, оценил мастерство Ануфриева. Да нужно самому родиться в зырянском чуме, чтобы до такой степени тонко изучить психику оленевода — кочевника

ИТОГ КУЛАЦКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Ануфриеву удалось законтрактовать свыше 1000 голов оленей.

Это уже был крупный успех.

Каждый туземец подписывал соглашение, составленное на печатном бланке. Подпись изображалась либо условным числом крестиков, либо рисунком оленя и т. п.

В размере 10% причитающейся суммы выдается задаток. Остальные деньги выплачивают в день сдачи оленей. Сдача с 15 по 30 октября, осенью. Точно определяется, сколько будет быков, сколько важенков, взрослых, телят и т. д. На все категории имеются стандарты, установленные и утвержденные округом. Недоразумений словно не предвидится.

18 апреля Пугорчин с Ануфриевым выехали для доклада в Новый порт. Однако Ануфриев на другой день вернулся с дороги, решив закончить контрактацию.

Задание округа 6900 оленей с Северного Ямала.

В смысле погоды турне Ануфриева по Северному Ямалу пройдет, конечно, в лучших условиях, чем зимняя поездка Шахова.

21 апреля после недельных заморозков, доходивших до 20°, наступила оттепель. Солнце, южный теплый ветер, с крыш капает, снега тают, вершины холмов обнажаются.

25 апреля Ануфриев уехал в обезд чумов, взяв направление на Дровяной мыс.

Удивительно до чего не сходятся статистические сведения различных официальных исследователей относительно численности кочевого туземного населения на Ямале.

Евладов определяет количество хозяйств в 693 единицы. Шахов исчислял количество чумов, кочующих на полуострове в 150. Большинство на севере — 100 чумов, и лишь 50 на юге. Он уверял, что и это число значительно больше обычного, составляющего 70—80 чумов. Объяснял такое увеличение

сравнительно с прошлыми годами, тем, что туземцы — кулаки с Малого Ямала и из других тундр — двинулись сюда, спасаясь от контрактации. А цифры Ануфриева больше чем в два раза превышают шаховские. По его исчислениям на Ямале в настоящий момент 320 чумов. Они распределяются по своему социальному положению на три группы: бедняков, середняков и кулаков.

Бедных малооленных хозяйств — 150, середняцких 135 и кулацких 35. Впрочем, он считает, что цифры Евладова приблизительно совпадают с его данными, так как в одном чуме сплошь и рядом два хозяйства.

Бедняком здесь считается тот, у которого не свыше 300 голов оленей.

Малооленные бедняки иногда имеют не больше 100 голов. С меньшим стадом на Ямале нет.

В здешних условиях меньшее число не дает возможности касаться с чумом — кочевать.

Середняк имеет от 300 до 600—700 голов. Выше идут кулаки.

У нас на Большом Ямале чересчур богатых хозяйств нет. Лишь 2—3 чума имеют до 2000 оленей. Большинство кулачества располагает стадами в 700—1200 голов.

На Малом Ямале есть оленеводы-туземцы, насчитывающие до 5—6 тысяч. Они известны поименно, о них далеко идет слава.

Бедняки контрактации не подлежат.

При определении мощности зажиточных хозяйств принимается во внимание не только оленность, но и иные запасы — пушнина, рыба, жир, оленье сырье, запасы одежды и т. п.

Если исчислять середняков в числе 135 чумов, а за среднее взять нижесреднюю цифру 400 оленей — это даст общий итог середняцкого стада на Ямале в 54.000 голов.

Кулацкие чумы в количестве 35, считая в среднем по 900 голов на чум, имеют в общем 31.500 оленей.

Таковы контрольные цифры, согласно данным Ануфриева.

Хотя мне точно неизвестна статистика, из которой исходил округ, давая задание на контрактацию в общем плане по Ямалу в количестве 6.900 голов, но надо считать эту цифру отнюдь не вздутой. Это меньше 10% общего числа ямальских оленей, исчисляющихся в 85.500 голов.

10% для туземца совершенно приемлемая норма. Для кулака даже 20%.

3 мая вернулся из поездки Ануфриев. Сообщенные им результаты контрактации несколько не вяжутся с приведенными мною контрольными цифрами. Ему удалось подписать на 2500 голов, что составляет около 35% задания.

Это бы еще ничего, но то обстоятельство, что по его словам у большинства хозяев законтрактовано значительно больше 10% — окончательно путает цифры.

Такой несуразный процент контрактации способен окончательно запутать всякую математику.

Ясно, что огромное число чумов сумело ускользнуть от оленезаготовителя.

Он говорит о двух чумах, ушедших от него, заметших свои следы в тундре. Но дело не в двух чумах. Не попало в контрактацию минимум 70—75% ямальского стада. Где они обитают, где кочуют и куда скрылись?

Или же абсолютно неверны его сведения о числе чумов и о количестве оленеводов середняков и кулаков.

5 мая на рассвете Ануфриев выехал в район — в Новый порт с докладом о результатах оленезаготовок. Как-то его там встретят? Ему, конечно, удалось сделать многое, сравнительно с ничем не достигшим Шаховым и Кабановым. Но 36% плана — это даже меньше полдела. Если эти цифры точны, на чем он упрямо настаивает, то, конечно, дело не сделано.

ПОСТУПЬ ВЕСНЫ

А весна уже и здесь, близ Ледовитого океана, идет неуклонно и настойчиво. Солнце круглые сутки. На припеке тает.

К началу апреля прекратились северные сияния — слишком много солнца и почти нет темноты.

12 апреля прилетели снегири. Их писк на чердаке уже ясно говорит, что весна не за горами.

Их опередили только белые куропатки, прилетевшие 5 апреля.

Но так как снегири в роде воробьев держатся близ хаты, то они как-то больше чувствуются и сильнее напоминают о близости весны. 17 апреля прилетели полярные ястреба, по-ненецки „геер“ — большая хищная птица, исключительно полярная. 20 апреля — прилет чаек. А на следующий день 21 мы услышали в выси лет гусей — их крик.

Гуси летят косяками по 30—40 штук, держатся высоко-высоко и приветствуют ямальскую землю громким гоготом.

Вслед за гусями низко и тяжело летят утки. За ними разных пород гаги, гагары и прочая водяная дичь. Раз они прилетели — значит, близко вода.

Она пока капает с крыш, идет в туманах и дождях. Бураны с морозом уже редкость. Снег больше мокрый, попеременно с дождем. Наносы и горы вокруг хаты заметно тают и уменьшаются на глазах.

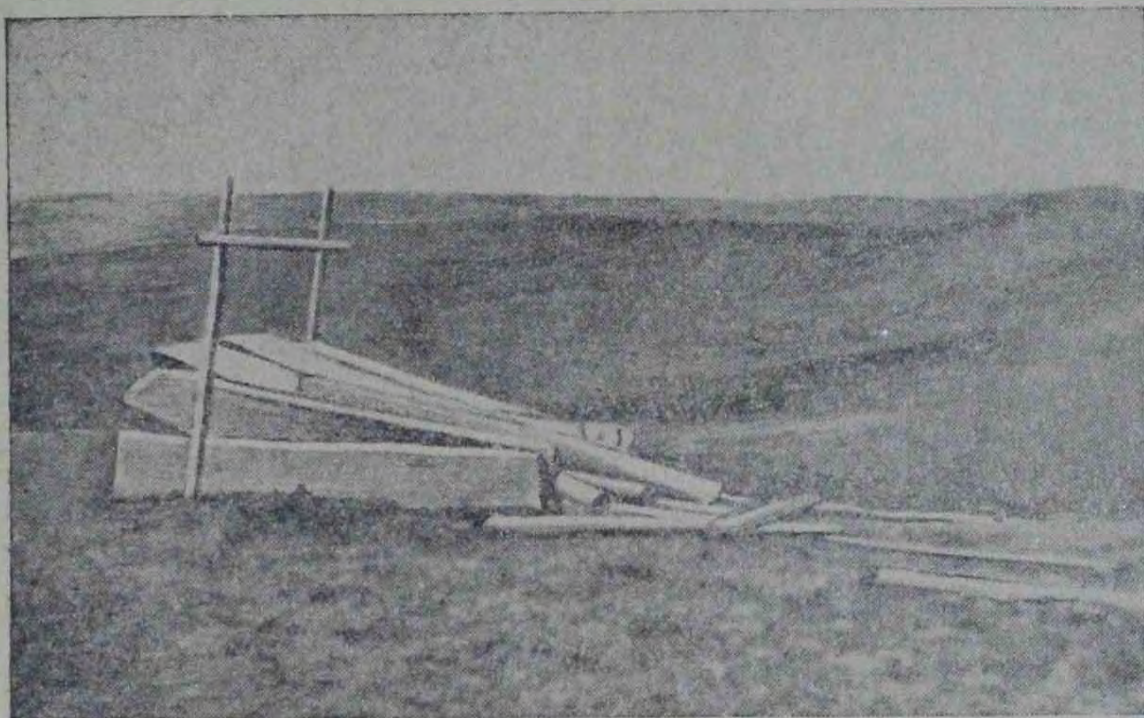
В быту нашем также события, иные заранее известны и рассчитаны, другие неожиданны.

Родила жена рабочего. Это, конечно, предвидено. Но родила человека в 2 фунта весом чуть живого — это сюрприз. Прожил 2 дня и положил начало русскому кладбищу на Ямале. Ему поставили памятник пока из снега, украшенный и возглавленный прекрасной яркой звездой.

Весной вместо снега сложим мавзолей из мха и дерна, все с той же звездой.

С 16 апреля вновь затопили товарную хлебную печь. Дорофеева вернулась со второй фактории и выпекает 4 печи в сутки — в общей сложности свыше 25 пудов хлеба.

Для туземцев хлеб в настоящее время играет большую роль. Они запасаются по 20 — 30 — 40 пудов на каждый чум, так как уходят от фактории далеко на летние промысла. Летом передвижение по тундре на нартах тяжело.

Могила ненца.

Пилка дров в буранный день 21 июня 1932 г.

Если бы печь выпекла не 25, а 50 пудов, весь хлеб разошелся бы без остатка. Спрос огромный.

На топливо отрыли бревна, спилили концы маток на чердаке, посбирали доски, жерди, разбросанные по двору.

Разобрали два фундаментальных престенка, делавших в сенях кладовую.

Каждая найденная щепка идет в ход.

И все с большой настойчивостью мысль тянется к торфу. Вопрос о разработке торфяных пластов во что бы ни стало надо поставить на очередь.

Разрешение топливного кризиса в высокой степени упростит жизнь фактории, создаст совершенно новый товарный фонд, оборотное значение которого нам трудно пока-что даже учесть.

Разработка торфа и выделка товарных брикетов весьма крупное дело для Ямала.

Наш дом насквозь промок. С крыш капает, висят сосульки. С потолка в комнату ручьями течет. Я три дня к ряду проработал на чердаке, убирая снег. Хуже всего, что мох, смешанный с песком и устилающий чердак для тепла, смерзся и, оттаивая, также дает сырость и воду.

На дворе протянуты веревки. На них развешены оленье шкуры, лапы, лбы. Все сушится на солнце.

По временам вдруг налетает туман, дождь или мокрый снег. Развешенный мех нам некуда убирать. Он мокнет, а после мы его опять и опять сушим.

Обсушиваем помещение склада. Оно все в дырках и щелях. Снегу за зиму набилось полно. Теперь мы его выбрасываем, обметаем тюки, ящики, мешки с товарами.

Мука отсырела, тоже сахар, папиросы и т. п. Их трудно и негде просушить.

Приходится как-то комбинировать, чтобы дать доступ ветру к товарам.

Вообще при нашей тесноте и плохом оборудовании складского помещения крайне трудно уберечь товары. Здесь крупная наша забота.

А весна шагает через все препятствия. Солнце в массу отверстий сквозь крышу бьет лучами по самым тайным закоулкам склада. Мыши возятся под мешками. Они — подлинный бич кладовых. Нет мешка не прогрызенного ими. Нет продукта, в котором не было бы примеси мышиного помета. Даже такие вещи, как куртки, ватные брюки, полушубки — попорчены этими вреднейшими грызунами.

Хотя вещи подвешены на крючьях и балках к потолку, но это не спасает.

Мышь — замечательный акробат.

Так весна и близость сдачи фактории другому штату родит хлопоты и заботы. Надо чистить мукой песцовые шкурки. Замачивать в озерах и отмывать присохшую муку с порошковых мешков. Перебирать и сушить на чердаке птичье перо, которого собралось свыше 500 кило.

Сырье и пушнину мало купить — надо суметь еще сохранить их, привести в экспортно-товарный вид.

Каждая категория товара чистится, приводится в порядок и сохраняется по особому рецепту, который надо знать.

Эти способы хорошо известны заведующему Удегову, а мы учимся у него. Впрочем, наука несложная, дается легко. Я воображаю, сколько товара мы перепортили бы, будь вместо Уделова Вахмистров, абсолютно не знавший дела.

Вообще же весна принесла с собой много непредвиденной работы и хлопот. Все дни заняты.

Но это хорошо. Это здорово — поработать на солнце, подышать широкой грудью ямальским воздухом.

В весенней солнечной работе столько радости и бодрости, что, кажется, не ушел бы со двора.

Очень хорошо — особенно после зимы.

Как и следовало ожидать, результаты оленезаготовок, сделанных Ануфриевым, не удовлетворили хозяйственников района. Он вернулся из Нового порта с наказом во что бы ни стало довести контрактацию до планового конца, хотя задание плана несколько снизили: 5000 голов.

О Шахове и Кабанове Ануфриев привез известия, что угрожит суд за невыполнение плана оленезаготовок.

Видимо, райком с этим делом отнюдь не склонен шутить.

Уже к июню контрактация в основном была закончена, цифра дошла до 5000.

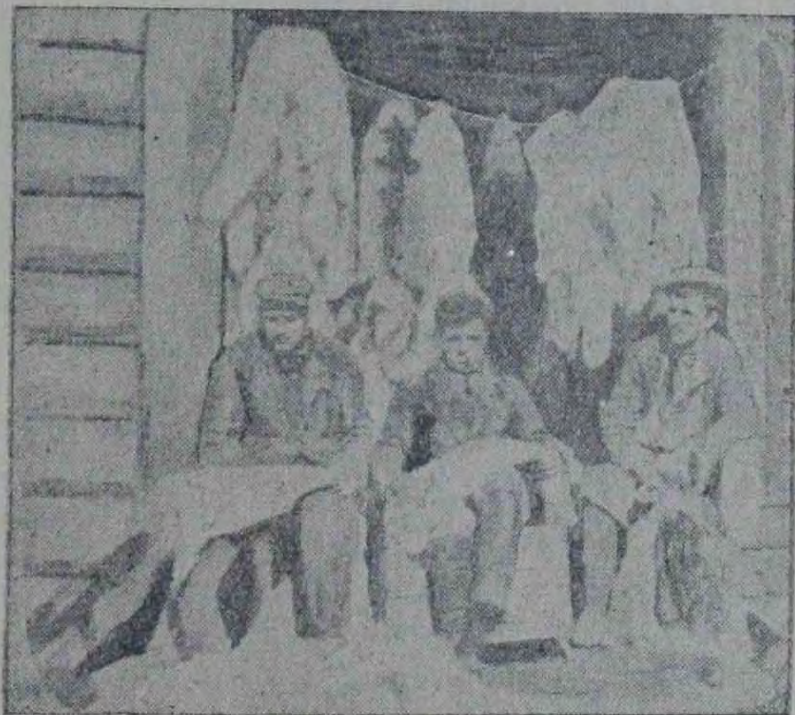
Остается лишь во-время собрать законтрактованные стада. К этому приняты меры.

Из Нового порта прибыл пастух Никола Лямду, хорошо говорящий по-русски — комсомолец.

У него трое помощников. Они уже собрали до 600 голов. В октябре стадо должно увеличиться до 5000.

Самым характерным в работе Ануфриева это, конечно, цифры. Из 170 чумов, подлежащих контрактации, по его сведениям дали оленей только 44 чума, 126 ускользнули.

Конец апреля и начало мая ознаменовались рядом беспрерывных буранов, бурь, морозов. По туземному поверью это так и должно быть: в этот период идет отел важенок,

Чистка и просушка песцовых шкур.

который обязательно должен сопровождаться плохими погодными.

На факторию стали поступать пешки — мех утробных и новорожденных оленей.

Торговые операции вообще оживились. Помогла усиленная выпечка хлеба.

Наш производственный торговый план выполнен на 107,75%. Перед Комсеверпутом фактория оправдала себя и может, не краснея, ждать смены.

А весна уже пришла.

В июне солнце греет настолько, что земля прогревается за день на $\frac{1}{4}$ аршина. Хотя все еще нередки мокрые бураны и ночные заморозки.

Странно наблюдать здешние ямальские погоды. Иными днями так тепло и радостно светит солнце, что как-то невольно веришь, будто Ямалу доступна такая же жизнь, как и по ту сторону полярного круга.

Но налетает циклон, бушует буря, свистит буран — и вновь все надежды на близкое лето улетучиваются.

Снег все же сходит, холмы и бугры обнажаются. Озера растаяли, вода ежедневно прибывает на губе — вдоль берегов образовались „заберега“ кристально чистой воды.

И наряду с этим в неделю обязательно 3—4 бурана и ненастья: идет снег попеременно с дождем, ревет шторм, холодеет воздух до того, что без полушубка нет возможности выйти на двор.

И еще странность казалось бы необъяснимая: мы окружены со всех сторон водой и не можем добыть рыбы хотя бы только на стол. Дичью полны озера и тундра, а мы сидим и ждем, когда туземцы привезут оленье мясо или убитых уток — иначе нам нечего есть.

Охота и рыбная ловля поставлены из рук вон скверно, нет инструмента.

Это особенно отзывается на мне — я болен цынгой и лежу пластом на койке, а между тем, от питания именно и зависит исход моей болезни.

Предложил рабочему Васе Соболеву по 3 рубля за утку, по 6 рублей за гуся. Цена по здешнему очень соблазнительная. Однако ничего не вышло. Он, правда, убил несколько штук дичи, но постоянно ходить на охоту не хочет.

КРАСНЫЙ ЧУМ

15 июня к нам прибыл из Нового порта заведующий красным чумом Степанов и милиционер, назначенный состоять при тузсовете, Ширяев. Они выехали из района в начале мая.

На красный чум ассигновали крупные суммы денег. Степанов по меньшей мере пару месяцев затратил на то, чтобы достать 200 оленей, необходимых для передвижения чума.

В результате 15 июня добрались до нашей фактории на легких нартах.

Самый чум еще в пути и прибудет дней через 14.

Работа красного чума пока не выразилась ничем. Вообще как организация, так и план работы очень слабо намечены. Нет пособий, нет ни одного толмача. Ни Степанов, ни фельдшер Евтухов не знают языка.

С такими ресурсами, разумеется, совершенно немыслима какая-либо пропаганда или агитация. У них есть переводчик Колька Окатета, но он сам тоже нуждается в переводчике. Имеется волшебный фонарь, однако подбор картин совершенно не подходящий для показа туземцу: аборт, гинекологические операции и тому подобные сюжеты, пропаганда которых среди туземцев и туземок абсолютно нежелательна. Они оставили кварцевую лампу в Новом порту.

По поводу неудачной организации дорогостоящего и малообещающего красного чума Степанов делал доклад. Были выявлены все его слабые стороны и вынесено пожелание, чтобы в будущем подобные организации планировались в высшем руководящем центре, располагали возможностью систематизировать план культурной работы чума, который обязан дать кадры культработников и систему, по какой должна двигаться культработа.

Так просто на „ура“ создавать красные чумы и посылать их в тундру без языка и без плановой „головы“ — напрасная трата денег и притом довольно крупных, в десятках тысяч.

В прошлом году красный чум не дал никакой работы, потерял за сезон 137 оленей — часть с'ели, часть сдохла. Обошелся округу в круглую сумму и не оставил никакого опыта, и в этом году повторили попытку и послали такой же ненужный тундре, совершенно бесполезный чум.

Впрочем, секретарь тузсовета Ануфриев, кончивший работу и поездки по контракции, обещает принять в деятельности чума участие и наладить беседы, собрания и т. п. Возможно, ему это удастся — он знает язык.

Чумы должны строиться на совершенно другой основе. Тогда они понесут в тундру просвещение, культуру и советизацию.

Мне хотелось бы этим очерком прийти на помощь организациям, на обязанности которых лежит проработка деталей типового красного чума для ямальской тундры. Как он должен выглядеть, чем его снабдить, как оборудовать? Само собой понятно, что идея красного чума в его показательности. Этот принцип наглядной оценки для темного туземца в высшей степени актуален. Культурному человеку ярко бросаются в глаза недостатки грязного кочевого чума.

Отсутствием этих недостатков, их устранением, главным образом, и должен отличаться показательный чум от обыкновенного кочевого.

В первую голову требуется упорядочить отопление. У туземца оно чересчур примитивно. Разводится огонь под треножником или под висящим котелком. Горящий мох дает мало тепла и много дыма — он не успевает выходить в отверстие, сделанное в вершине конуса чума. От дыма буквально нет спасения — он ест глаза, покрывает слоем копоти все предме-

ты, не дает дышать. Это огромное неудобство легко устранить. Вместо первобытного треножника надо поставить чугунную печь, с вытяжными железными трубами наружу. Печь отапливается торфяными брикетами, устроена на колосниках. Очень хорошо такие печи делать с духовыми ящиками — подобный тип уже выработан и испытан в городах. Правда, он рассчитан для дров, но, разумеется, не представит затруднений перевести топку его на торф.

Печь с духовым ящиком, разрешив вопрос об отоплении чума, коренным образом изменит способы изготовления пищи. Явится возможность делать мелкие выпечки в духовом ящике, облегчится варка мяса, упростится кипячение воды. Перед хозяйкой разом предстанут все выгоды и удобства чугунной усовершенствованной печи сравнительно с примитивным треножником.

Весь вопрос в том, чтобы одновременно с демонстрарованием такого усовершенствования в красном чуме, дать туземцу возможность завести печь в собственном чуме. Это уже дело ближайшей фактории Госторга или Комсеверпути. Она обязана иметь в лавке такие печи, а вместе и брикеты торфа для продажи. Залежи торфа на Ямале так велики, что при самом незначительном инструктаже пропагандистов красных чумов туземцы могут своими средствами добывать это топливо.

Однако опять-таки красный чум должен иметь образцы прессов для торфа. Научив обращаться с прессом, работник красного чума на 100 проц. разрешит ему вековую топливную проблему.

И уж дело факторий снабдить тундру печками и прессами в том количестве, которое потребуется. Без хвастовства можно предсказать, что это будет настоящий переворот в жизни кочевого туземца.

Топливый кризис, нехватка дров, необходимость пользоваться мхом — уродуют жизнь кочевого чума. Печь и изобилие торфа создадут совершенно иную обстановку жизни.

Запасы торфяных брикетов туземцы могут делать в любом месте Ямала. Перевозить потребуется только пресс. Залежи торфа имеются по всему Ямалу. Поэтому каждый чум может заранее, летом заготовить для себя нужное количество брикетов в нужном месте, как в тайге заготавливаются заранее дрова.

Задача красного чума провести эту первую реформу с таким расчетом, чтобы фактории не отстали. Они пока еще не освоили торфяных разработок. Не разработаны ни пресса для брикетов, ни печи, приспособленные под торф. Впрочем, не заброшен и показательный чум с такими печами. Это надо координировать. И как только в лавках факторий появятся в продаже орудия для разработки торфа — тотчас же они должны получить свою агитацию в красном чуме.

Второй вопрос — освещение чума. Его, конечно, придется разрешать с помощью керосиновых ламп. Их — эти лампы — фактории завозят в избытке, как в достаточном количестве

имеется в продаже и керосин. Здесь важна опять-таки агитация и показательность.

Когда туземец воочию увидит насколько освещенный чум привлекательнее темного и мрачного, он сам пойдет навстречу лампе.

У меня на столе горит светлая лампа с зеленым абажуром, это небольшая роскошь. Однако очень многие гости—туземцы, сидя у меня, с интересом рассматривали лампу, щупали ее, расспрашивали, сколько стоит и можно ли такую купить в лавке.

Дальше туземцу надо показать обращение с рукомойником. Если в чуме будет топиться чугунная печь—это даст возможность иметь всегда воду комнатной температуры. Употребление рукомойника большинству ямальцев знакомо. По крайней мере, приезжая на факторию, многие из них охотно пользуются нашим умывальником, висящим в туземной комнате. Равным образом туземцы, особенно женщины, очень равнодушны к туалетному душистому мылу. Нюхают, даже пробуют на вкус. Им легко объяснить, что к чему, и они принимаются старательно полоскаться в мыльной пене.

Чистота красного чума, конечно, должна быть на показ. Чистота и нарядность.

В распоряжении красного чума будет не мало плакатов, диаграмм, фотоснимков—это позволит украсить стены и создаст впечатление той приукрашенной нарядности, которой туземцы больше всего любят подражать.

Из обстановки чума сравнительно легко прививаются столы и скамьи, легкие табуреты.

Это, конечно, неплохо, но факториям и здесь надо не отставать и в свои лавки завозить мебель.

Гораздо большее показательное значение имеют многие хозяйственные вещи, употребление которых туземцам отчасти известно. Самовар, кастрюли, сковородки—все это они уже видели на факториях. Даже употребление вилок, чайных ложек тарелок—ими уже наполовину усвоено. Введение в быт таких мелочей имеет особое значение в тех случаях, когда требуется одного из членов семьи изолировать по причине заразности болезни. Тогда отдельная вилка и ложка играют большую роль.

На ряду с этим, красному чуму обязательно придется показом пропагандировать употребление различных инструментов, для охотника и промышленника очень полезных и пока мало распространенных. Например, примус весьма нужен туземцу в его кочевом обиходе. Но обращаться с ним он может лишь после подробного и весьма тщательного инструктажа. Полезны и заслуживают распространения в туземном быту такие приборы и инструменты, как переносное горно, вертящиеся точила и т. п.

Все это красному чуму надо иметь.

Только живым показом полезные новшества привьются в тундре.

Например, хозяйки-туземки абсолютно не имеют понятия о дрожжах и о выпечке кислого хлеба. Они покупают такой хлеб в лавке, очень его любят, к нему привыкли, но сами умеют печь лишь пресные лепешки.

Красному чуму не лишне было бы создать подобие подготовительных курсов по обучению пекарей. Если в кочевых чумах привьются печи с духовыми ящиками, у хозяек будет полная возможность выпекать дрожжевое тесто в небольших количествах. Опять-таки, это был бы настоящий переворот в питании туземца. Теперь он избегает покупать муку, так как кроме невкусных пресных лепешек ничего не умеет из нее сделать.

Тогда же мука пошла бы в ход, и кочевой промышленник, владея в достаточном количестве топливом, пользуясь духовой печью, как хлебной, не имел бы нужды за каждым пудом печеного хлеба ездить на факторию.

Все перечисленное мною для красного чума, безусловно, требуется усвоить. При этом я отнюдь не хочу сказать, что даю исчерпывающий перечень полезных предметов. Только располагая известным подбором предметов, только показав туземцу применение вещи к делу, разъяснив подробности, растолковав, что и к чему, можно ждать результатов. При этом надо помнить, что туземец очень практичен, что вещь, полезность которой сомнительна, он не заинтересуется. Ему подай только такое, которое в его быту составит событие, что даст ему ощутительную пользу, в чем он ясно увидит практическое усовершенствование.

И красному чуму надо отбирать все то, что имеется у кочевого чума в первобыте, а в нашем культурном быту усовершенствовано. Именно это ему будет наиболее понятно и приемлемо. Лампа сравнительно с коптящей жировушкой. Торфяной брикет рядом с полусырым мхом. Усовершенствованная печь по сравнению с треножником и т. д.

Между прочим, я совершенно не коснулся тех специальных пособий и приборов, на которых зиждется всякая пропаганда и агитация. Я ни слова не сказал о кино, о волшебном фонаре, о подборе плакатов, афиш, карт, фототипий и т. п.

А, между тем, и в этой области для красного чума следовало бы кое-чем специализироваться.

Прежде всего, конечно, надо позаботиться о подборе тем и сюжетов, а главное, остановить внимание на статике показательности.

Подвижное кино, забавляя туземца самым процессом движения, не оставляет возможности уследить и осмыслить содержания картины. Все внимание его малоразвитого мозга внезапно поглощается каким-либо одним выдающимся, красочным кадром или эпизодом киноленты — остальное заслонено. Общий смысл не усвоился, из связного сюжета туземец ничего не понял.

Гораздо доступней для него картины статические, как, например, обыкновенная панорама. Прильнув к увеличительному

стеклу окошечка, он неотрывно смотрит на огромное полотно увеличенной картины — смотрит до тех пор, пока каждая деталь не врежется в память, пока ум не освоит как отдельных подробностей, так и общего смысла полотна. Это красному чуму надо помнить при выборе приборов и методов показа.

БИЧ СЕВЕРА

К профессиональному своему конфузу должен сознаться, что о самой страшной болезни полярного севера — цынге — мои познания крайне скудны.

Еще в Омске, пред отправкой на факторию, я обегал все книжные магазины в поисках каких-либо руководств по этой болезни. В двух больших магазинах „Книгоцентра“ я дал заказ отобрать всю литературу по скорбуту в трех экземплярах, имея в виду снабдить медпункты всех новых факторий Комсеверпути. Продавцы потребовали трехдневный срок, а через три дня смущенно развели руками:

— Ничего нет. Даже в многотомных сборниках курсовых лекций по патологии не нашли никаких следов цынки

Признаться, я не поверил в добросовестность прилавка, решил порыться самолично и кропотливо. Отдел медлитературы обширный — два дня, с открытия и до закрытия торговли, я лазил по полкам от пола до потолка, перечитал добрую пару тысяч книжных заголовков, пересмотрел, перелистал сотни больших и малых томов — и ничего! Слово цынки вовсе не существует в природе.

Лишь в „венском“ терапевтическом справочнике на 313 странице скорбуту отведено ровным счетом 9 строчек. В них лаконично и с недомолвками изложено то самое, что я знал без справочника — почти ничего.

А, между тем, в том же справочнике насморку отведено полностью две страницы, обыкновеннейшим угрям на лице — три страницы.

В те дни такая неудача меня здорово разволновала и разозлила.

В магазине я даже ругнулся на счет оригинальности омского подбора литературы.

Однако оказалось, омичи здесь не мало не виноваты. Цынга, действительно, слабо исследована наукой и литература о ней крайне бедна. Вот что пишет, например, по этому поводу доктор Кытманов, руководивший специальной медэкспедицией на Туруханском севере в 1926 г.

„Цынга на Севере — большое зло, приносящее ущерб краю. Надо сказать, что цынготные заболевания на Севере еще не изучены и медицинского материала о них крайне мало. Имеются данные, указывающие, что туземное население цынгой не болеет, между тем оно живет иногда в худших условиях, чем русское население. Вопрос этот чрезвычайно интересен и, безусловно, нуждается в научной проработке. Иммунитет же туземцев к цынге остается загадкой“ (журнал „Северная Азия“, 1922 г., № 2).

Как видите, для борьбы с „бичом Севера“ теоретически я вооружен не важно.

С медикаментами тоже хромало. Я, положим, запасаюсь порядочным количеством тинктур для смазывания десен, кислотами и препаратами железа, но и—только. Снабжение факторий какими бы то ни было витаминными продуктами находилось абсолютно вне моей компетенции.

Вообще, как я уже говорил в начале очерков, снабжение полярных факторий шло в условиях обостренного товарного голода. Сплошь и рядом невозможно было достать самых насущнейших продуктов, необходимейших предметов обихода.

С инструментальным и медикаментозным оборудованием амбулаторий дело обстояло невыясненным чуть ли не до последних дней отъезда. Мы знали, что из Красноярскa нам отгружены аптеки, собранные по одному типу, но каталога никто не имел и не видел. Его вообще не оказалось. Лишь на месте работы нам пришлось ознакомиться с содержимым ящиков и составить списки.

Про оборудование факторийных аптек наш главковер по части снабжения Ф. В. Забелин рассказал мне так:

— Подкачала Москва. Еще осенью 1930 года мы серьезно и компетентно проработали всесторонне оборудование полярных амбулаторий — участвовали и врач и фармацевт. На противоцынготные средства обратили сугубое внимание. Все соображения проходили под знаком, что фактории предстоит работать в полном отрыве. Предусмотрено и учтено решительно все до ничтожных мелочей. Затем по выработанному плану амбулаторное оборудование было заказано в центральном управлении Медснабторга в Москве. Мы имеем гарантийные документы, что заказ должен быть выполнен и выслан в Красноярск к маю. И как это стало обычным, центр обязательство не исполнил. Писали, телеграфировали, даже грозили — с гуся вода. Поняв, что медснабжение факторий находится под угрозой срыва, я принял меры, снабдить согласился красноярский Сибмедторг. Но это, разумеется, совсем не то, что обещала дать Москва.

— Неужели не добились из центра никакого ответа?

— Добились. Имеется краткая телеграмма, что заказ придет сюда к ноябрю. Вы понимаете, мы получим оборудование, когда фактории будут отделены от нас тысячами верст льда и снега! Умники, чорт бы их побрал!.. Красноярский Сибмедторг дал только медикаменты. О полноте каталога говорить, конечно, не приходится. Но вот хуже всего — ни единого инструментика! Это нужно достать здесь, в Омске. Я поручаю это дело вам.

Не стану рассказывать, сколько мне пришлось побегать и испортить крови, доставая инструментарий для трех факторий. Да и достал-то, конечно, не все, а лишь кое-что из числа самого необходимого.

На сколько кладовые омских складов были опустошены можно судить хотя бы из того факта, что обыкновеннейших

кружек Эсмарха я так и не добыл, хотя потратил массу времени и энергии. Посчастливилось получить только в Тобольске, да и то при содействии РКИ, куда я, в конце-концов, обратился за помощью.

В Омске толкнуться прежде всего пришлось в аптекоуправление. Там заведующим Коробченко. Его знает весь медсантруд и им горды — такой энергии, такого хозяйского глаза не имеет больше ни одно учреждение Омска. К нему предстояло идти с просьбой.

Помимо устного доклада, у меня в руках была краткая записка, сжато излагающая суть вопроса.

Коробченко встретил меня вопросительным взглядом. Стараясь не сказать ни единого лишнего или ненужного слова, я изложил критическое положение полярных факторий. Он вскочил, широко открыл на меня черные блестящие глаза и загремел на все здание:

— А вы, что же, головотяпы, сидите в своих кабинетах и ждете, когда Москва к вам пожалует? Все на Москву расчет! Нет-с, в Москве надо ходить ногами! Разрешило правление — скорей на склад, лично отобрать, укупорить и на вокзал — по адресу. А то сидят и ждут — Москва-де выручит! Вот и остались ваши фактории на бобах.

Затем он позвонил завед. складом, оговорился и сообщил:

— Наше аптекоуправление снабдит Комсеверпуть, чем сможет, но передайте, что на цены пусть не сетуют — у нас клинки без инструментов, сами точим по 20 раз скальпели, а вам даем новые — только из-за полярного вашего круга. Пусть учатся, как работать с Москвой, тогда не будут переплачивать.

Он уже не кричал, говорил спокойно. Эта выучка Комсеверпути, видимо, доставила ему удовольствие.

Проучить! Чтобы хоть чуточку поумнели! Он, старый чекист и ответработник, не может спокойно смотреть на головотяпство. Проучить рублем!..

Таким-то родом мы были снабжены и оборудованы.

В тундре, уже зимой, я впервые услышал о прошлогодних подвигах цыгги на госторговских факториях Тазовского района и поселках Рыбтреста.

Я часто задумывался, что есть у нас, на что может рассчитывать наш цынготный больной, если бы таковой об'явился на фактории.

Ни на что!

Как это ни странно, но Комсеверпуть об опасности цыгги абсолютно не подумал. У нас нет решительно ничего витаминного. Ни свежего картофеля, ни томата, ни луку, никаких ягод, ни молока, ни фруктов, ни лимонов, ни апельсинов. Ничего!

Оленина!

Нет рыбы, свежей капусты, солений, сушений, нет даже экстракта для киселей, нет чесноку — одна капуста, да и та просоленная и промоченная — вероятно из нея вымокли и высолились все антискорбутные соки.

Но я утешался.

— Кому у нас болеть? Народ все сибиряки, почти полярники — им ли бояться скорбута? Закалены в сибирских буранах, и несколько градусов к северу для них — вряд ли ощутимая разница. Единственный южанин — я. Но за себя я не беспокоился. У меня слишком разнообразное прошлое и большая закалка жизни. Я подвижен, энергичен, люблю работу — таких цынга не трогает.

Однако все же не уберегся.

В начале мая я почувствовал цыngu. Она пришла, когда весна начала входить в свои права. Таяло. Масса света, от которого слепило глаза. Снег, умирая, блистал миллиардом отражений.

А у меня появились отеки ног и зашалило сердце — перикардит.

Я усиленно потянулся к работе на воздух. Возил воду, очищал от снега чердак, сени, двор. Я целыми днями без устали ходил, возил, копал лопатой, носил ведра и т. п.

А ноги все отекали. Сантиметровка ежедневно показывала на 1—2 сантиметра утолщения — где-то под кожей и между мышц изливалась кровь, инфильтраты.

К июню ноги совсем отказались служить.

Сердце так расшалилось, что двадцати шагов достаточно для адской отдышки — лежу на снегу и глотаю с жадностью воздух. Ночью одной рукой беру другую, считаю пульс — он чуть приметен, нитевидный, без четкого удара.

Да, я слег. А если бы хоть немного было заботы о нашем быте и здоровье, то этого бы не случилось.

Видавшая массу скорбутных больных Удегова откровенно говорит мне:

— Знаешь, Козлов, до парохода ты не дотянешь.

И я согласен.

Я даже написал через силу два прощальных письма детям. Конец?

Так тянулось весь июнь — от меня осталась тень, призрак.

И все же предсказания не сбылись.

Прошел июнь, потянулись июльские числа. Мои ноги окончательно свело контрактурой. Я лежал пластом, ел по ложке супу и четверти котлетки в день, но тянул. Завтра первое августа, парохода все нет как нет, а я уже ем полторы котлеты, дышу в окошко свежим воздухом и для меня нет сомнений, что как бы не запоздал пароход — я его дождусь, не взирая ни на какие предсказания.

Цыngu я изучил за это двухмесячное лежанье со всех сторон.

Я изучил, откуда подкрадывается эта болезнь, как хватает, чем валит с ног, сколько у нее коварства и своих особенных приемов борьбы — смертельных в девяноста случаях из ста.

Я цыngu знаю!

Она выпустила меня из цепких своих лап — но это бывает редко.

Что надо иметь каждой полярной фактории для успешной борьбы с „бичом Севера“?

Расскажу подробно, и тем кто засылает людей на край света, нелишнее внимательно прочесть эту страницу.

Во-первых, нужен спирт, еще лучше крепкое вино — коньяк, ром — хотя бы в количествах только лекарственных.

Д-р Кытманов совершенно правильно рассказывает в своих очерках, что только благодаря „большим приемам спирта, настоящего на черемше“, удалось спасти больного заведующего факторией, у которого была контрактура ног и серьезнейший ерикардит.

Мне удалось спастись и дотянуть до лучших для меня июльских дней лишь по той счастливой случайности, что в моем распоряжении имелось 1/2 литра спирта. Не будь его — я остался бы на Ямале. 10—15 граммов в день помогали мне в нужные минуты поддержать сердце, подправить аппетит. Это было единственное мое оружие борьбы с злобно атакующим врагом.

Ну, а во-вторых, — это уже целый список.

Во-вторых, нужен свежий картофель. Если забросить на каждую факторию по 20—30 мешков, то для 10 человек персонала с семьями хватит на весь год. У нас картофель доставили консервированный, огневой сушки — такая дрянь и притом настолько дорогая, что его избегали есть. Дальше идет томат — помидоры. Я не мечтаю о помидорах в свежем виде, но хотя бы в банках, консервированные для супов и приправ.

Затем идут такие овощи, как капуста, морковь, лук, чеснок, репа, брюква. Забросить их по мешку, по два — стоит гроши. Уже дело самих работников фактории все это сохранить на зиму.

Все необходимо не в соленьях, а свежее, в вилках, связках и головках. Тогда они наиболее витаминны, тогда они составят большую ценность.

Затем следуют фрукты.

У нас имеется лишь одна куряга — фрукт хороший, но приторный, очень быстро приедающийся.

Мы, как о чем-то недостижимом мечтали о яблоках, черносмиве, о вишнях. Почему бы не направить на Ямал пару мешков смешанного компотного сушеного продукта.

Чтобы было разнообразие, чтобы не одной приторной курягой ограничивался стол полярника.

Почему не привезти кизиль и виноград, даже апельсины и лимоны по несколько ящиков? Ведь есть же все это в любом городе Советского союза?

Оленина, масло, куряга!

Сегодня и завтра, через неделю, через месяц — все те же оленина, масло и куряга!

Нет даже никакого экстракта для киселя. Варили все ту же курягу. Варенье, компот, кисель из куряги. Да еще есть молодая черемуха, специально длякрепления желудка.

Завести пару бочек клюквы, брусники — какое это было бы благодеяние. Сахару много — вари, разнообразь.

Ну, конечно, в этом перечне нельзя обойти соленья — капуста, огурцы помидоры, даже арбузы — неужели это так трудно для отдела снабжения — дать соленья? Дать сушеные грибы?

Ведь все это не даром. За все служащий и рабочий платит наличными, не пропадает ни один грош.

О человеке никакой заботы.

На какой же шут в правлении сидят целые штаты заготовителей и снабжателей?

А ведь Забелин уверял:

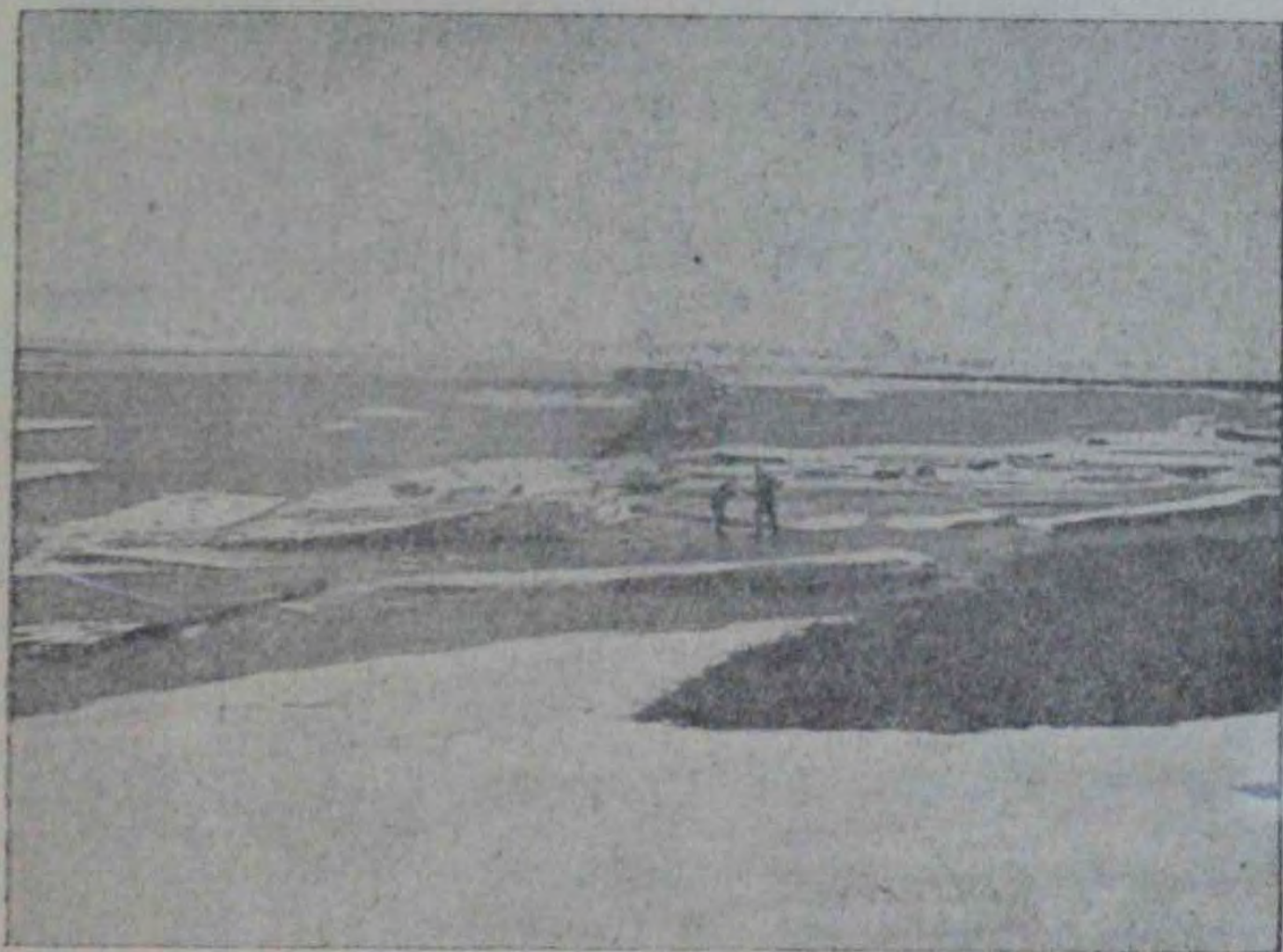
— В смысле цынки — вы гарантированы. Все, что возможно — предусмотрено. Даже фруктов у вас будет сколько угодно. Никаких лишений и никаких полярных опасностей вам не предвидится.

VII. ПЕРИОД НАВИГАЦИИ И ЛЕТНИЕ РАБОТЫ

Исследовательский труд и туризм. Трагический конец Аксенова Приход „Микояна“. — Наша смена. Работа и рвачество. — „Управлять — предвидеть“. Оленьё мясо, птица и рыба. Дефекты снабжения. Почтовый вопрос. Сборы в дорогу. Нарождающиеся промыслы

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ТРУД И ТУРИЗМ

Уже с середины июня на Ямал стали стягиваться различные экспедиции, снаряженные с исследовательскими, научными и организационными целями.

Ледоход 17 июля 1932 г.

Наиболее деловая и, я бы сказал, показательно трудовая, конечно, экспедиция Рыбтреста под начальством И. Ф. Филиппова.

Она прибыла к берегам полуострова на семи рыбацких — парусных судах небольшого водоизмещения, тонн в 100.

С основным ядром т. Филиппов работает на юге Ямальского побережья, ближе к Новому порту и Тазовской губе. Несколько же рыбниц выделено в особый отряд под начальством т. Лопарева и направлены к нашим берегам.

На Тамбей одна из рыбниц пришла в первых числах августа в сопровождении моторного катера „Ленинец“.

Если ветер не попутен — „Ленинец“ ведет рыбницу на буксире. В большинстве же эти суда плавают сами. Они оснащены двумя парусами — прямым шлюпочным и кливером. Этого им совершенно достаточно для плавания по губе. Роль „Ленинца“ вспомогательная.

Удачный лов максуна.

Одна из рыбниц Лопаревского отряда оперирует в устье реки Се-Яга, южнее Тамбея километров на 125. Там исследователи нашли рыбу в довольно большом количестве. Рыбный лов там устойчив — рыба имеется весной и летом. Это объясняется тем, что Се-Яга в своем течении связана с большими рыбными озерами южной части Ямальского полуострова. Благодаря озерам, рыбность реки Се-Яга не иссякает, мало зависит от приливо-отливов и связанной с ними солености воды.

Другое дело река Тамбей. Здесь рыбных озер нет. Промысел оживляется лишь к осени, в зависимости от повышения солености воды. Здесь труднее установить показатели добычи рыбы и нужны более кропотливые ихтиологические исследования.

С отрядом т. Лопарева прибыл ихтиолог И. Г. Юданов. Это бывалый полярный исследователь, неутомимый научный работник Рыбтреста. Он в каждый прилив тщательно определяет соленость воды, точно учитывает все наличные показатели ежедневных уловов, на основании систематического изучения данного промыслового участка устанавливает ту или иную степень рыбности.

По его выкладкам, устье Тамбея пока, до осени, не обещает богатой добычи. Хотя промышленники рыбницы и теперь вылавливают около центнера в каждой тоне, однако рыба мелкая, преимущественно селедка. Осенью ожидается приход более крупной рыбы, и т. Юданов предсказывает более щедрые уловы.

Начальник этого отряда т. Лопарев очень энергичный и напористый руководитель исследовательских работ. Его рыбаки в количестве 21 человека ежедневно производят лов. Работа идет тяжелая, в суровых условиях почти непрерывных полярных бурь.

В этом году август выдался на редкость циклонистый. Один затишный день чередуется с двумя-тремя днями штормовыми. И тем не менее изыскания не прерываются.

Бывший партизан, имя которого при колчаковщине пользовалось широкой популярностью, Лопарев не знает усталости и не признает опасности.

Сплошь и рядом работа исследовательского лова проходит с риском потерять не только снасти, но и самих ловцов. Лопарев не такого сорта человек, чтобы терпеливо пережидать штормы и работать лишь в затишье.

Он и отряд свой, набранный почти исключительно из новичков, из неопытной безусой молодежи, воспитывает в духе неустрашимости. В суровой трудовой школе из них выравниваются на подбор ловцы к ловцу.

Это по истине трудовая экспедиция, проводящая свою настойчивую исследовательскую работу в чрезвычайно суровых условиях. Полярные бури нынешнего лета словно задались специальной целью испытать стойкость и силу отряда, руководимого бывшим партизаном. И пока что молодежь Лопарева выходит из испытания победителем.

Исследовав Тамбей, рыбница пошла на север, к мысу Дровяному, где также предстоят работы.

Лишь глубокой осенью исследования нашего побережья закончатся. До заморозков и ледяных буранов утлый рыбачий баркас будет носиться по беспокойным водам Обской губы — в туманах, дождях, насквозь пронизанный жутко-холодными вихрями.

Вот где бессменно живет тоска по теплу, по сухой одежде, по сухому уголку, какого не сыщешь на рыбнице! Мокрота и холод — два врага, от которых ловцам на парусном суденышке нет укрытия!

Надо видеть, с каким наслаждением отдыхают эти закаленные люди у нашей печки в редкие случаи приезда на

факторию. Их одежда и обувь сушатся. По запаху терпкому, крепкому, вроде нашатырного спирта — можно судить сколько раз белье и портянки с броднями обсушивались на теле ловцов возможно без содействия чугунной печи — просто теплом собственного тела.

Это не туризм — здесь действительно героически-трудовая исследовательская экспедиция — настоящая полярная!

Несколько позже лопаревсокого отряда на Тамбей пришел пароход „Хронометр“. Это тоже исследовательская экспедиция, пришедшая с целью организовать новую радиостанцию на острове Белом. Работа весьма нелегкая. Судно вышло в плавание в самом начале навигации, когда льды Обской губы только уходили в море. „Хронометр“ следовал за льдами.

Побывав в проливе Малыгина, лоцмейстерское судно обошло остров Белый, проникло по Карскому морю до 73° северной широты, произвело наблюдение за полярными льдами.

Вояж был удачным.

На острове Белом сделали изыскания: определено место сооружения радиостанции, проделаны предварительные промеры и работы.

Предстоит еще один, а возможно и два рейса в нынешнюю навигацию для заброски необходимых радиостанции грузов.

Между прочим, командир „Хронометра“ и он же начальник экспедиции, Георгий Борисович Кацнельсон, попутно исследовал побережье пролива Малыгина. Эти гидрографические работы имели целью найти подходящее место для сооружения удобного морского порта.

Вся Обская губа мелководна и обладает низкими, песчаными, мелевыми, берегами с массой салм и перекатов. На всем побережье Ямала нет удобной для порта бухты. Ни одного укрытого залива, ни одной гавани, годной для захода кораблей. Наилучшим местом считается Новый порт, но и там разгрузка судов происходит на открытом рейде, с борта на борт.

Это удорожает работу, крайне замедляет ее и создает множество неудобств, особенно в полярных климатических условиях, при постоянных бурях.

На Енисее есть хороший глубокий порт в Игарке. Но Игарка не в состоянии обслужить Обского экспорта, имеющего самостоятельные задачи и цели.

Командиру Кацнельсону, как мне передавали, удалось в проливе Малыгина найти подходящую бухту для глубокого морского порта. Упорными гидрографическими изысканиями, многодневными промерами исследовано место, пригодное для причала больших океанских грузовых тяжеловозов. Они будут подходить непосредственно к пристаньской стенке, как это делается во всех торговых портах.

Пролив Малыгина отграничивает самую северную оконечность Ямальского полуострова, а потому облюбованное место гавани будет несколько удалено от главного речного фарватера и от торговых центров Оби. Но лучше иметь порт, хотя бы и удаленный, нежели совсем его не иметь.

Это большая заслуга командира Кацнельсона. Экспедиционное время и труд им не потрачены зря.

На Тамбейскую факторию „Хронометр“ зашел по пути в Новый порт. Здесь он оставляет специалиста метеоролога для организации на фактории постоянной наблюдательной станции.

Систематические записи будут вестись по барометру, гигрометру или психометру, по предельным максимальным и ми-

Метеорологическая станция на Гыдоямской фактории.

нимальным термометрам. Проектируется постройка будки типа „жалюзи“. Это немудреная штука, но ее придется устраивать собственными средствами фактории.

Будут установлены флюгера для определения направления и силы ветра, дождемеры и т. п. приборы.

Вообще метеорологическая наблюдательная станция сорганизуется по современному типу.

Я не уверен лишь в том, будет ли установлена на нашей фактории радиопередача. Метеорологические наблюдения почти полностью теряют свою ценность, если нет возможности передать их обсервационному центру. Только центральная

наблюдательная лаборатория, систематизируя исследования, полученные с мест, дает полезную осведомленность о погоде.

При наличии радиопередачи, метеорологическая станция на Тамбее составит очень ценный вклад в обсервацию севера. В связи с другими станциями Ямала и ближних островов, она дополнит картину атмосферических комбинаций, нуждающихся здесь в тщательном освещении.

Равным образом, сооружаемая на острове Белом радиостанция явится крупным вкладом в систему работы, гарантирующей мореплавание по Северному морскому пути.

В совокупности с функционирующей такой же станцией на острове Диксон и второй такой же в Байдарацкой губе, это даст довольно густую цепь перекликающихся маяков, которые ярко осветят дорогу мореходам по опасному Карскому морю и даже на значительные расстояния в стороны.

На северо-западе эта цепь имеет своими звеньями радиостанции Карских ворот, обсерваторию Маточкина шара, Ольгинское становище.

Станция на острове Белом будет нести ответственность за отрезок пути через пролив Малыгина. Если он, как рассказывают, действительно большую часть навигационного периода свободен от льдов, то это радикально изменит курсы океанских пароходов. Сократив и упростив плавание по Карскому морю, станция принесет огромную пользу судоходству.

В этот приход узбекосибирицев на Тамбей, военморы провели в коллективе фактории кампанию по распространению займа „4-й завершающий год пятилетки“.

Доклад украинца моряка Конопля был до чрезвычайности полно и красочно иллюстрирован выпадами и подвохами европейской плутократии.

Вся речь была расцвечена украинским тонким, непередаваемым юмором.

И казалось странно, когда успел военмор Конопля прочесть все нам рассказанное? Это целая литература о пятилетке. Многотомные английские, французские, американские источники сплетен, фантазии и злобных измышлений.

Было удивительно, как он сумел скомпановать из отдельных штрихов, эпизодов и сведений огромное политико-экономическое полотно, дающее с панорамной показательностью точный абрис наших взаимоотношений с капиталистическими соседями.

Я слушал военмора Коноплю, служащего беспрерывно много лет в Новом порту — у чорта на куличках — и думал, что подобный доклад сделал бы честь любому столичному собранию и любой аудитории. Для нас, заброшенных ямальцев, это большая роскошь, редкое лакомство.

В общем заход „Хронометра“ на Тамбей оставил по себе памятку.

Метеорология в соединении с военмором Коноплей долго не забудется работниками факторий. Недостает только радиопередачи и для того и для другого.

Ну, а наряду с такими рабочими экспедициями к нам приезжают и фланирующие исследователи — гастролеры. Для нас, работников фактории, они в большинстве приятные гости, для снабжения — дорого стоящие приживальщики.

Я не обмолвился бы о них ни словом, но уж слишком резок контраст между подвигом отряда Лопарева и фланирующим туризмом иных полярных исследователей.

25 июня к ним прибыл вместе с красным чумом научный работник В. С. Андрианов.

Его миссия „найти некое китообразное, следы которого замечены в туземных песцовых слопцах“ — так сам научный сотрудник разъяснил мне цель своего прибытия.

Дело в том, что известный нам туземец Еремини Яунгат случайно открыл на берегу Оби тушу кита. Выброшен ли он губою в наши дни, или его происхождение связано с отдаленной эрой — точно не установлено.

Ермини Яунгат периодически наезжал к киту, отрубал по нескольку пудов жира и мяса и увозил на нартах в чум. Там он сбывал свою добычу окружающим туземцам — промышленникам. Китовое мясо оказывается очень любят песцы и оно служит отличной приманкой в капканах и западнях.

Что Яунгат нашел кита, знали на Ямале многие. Об этом ходили слухи, сам он не делал из своей находки секрета. На фактории, например, о существовании кита были осведомлены значительно раньше приезда Андрианова.

Он прибыл для исследований и определения археологической ценности китообразного. В течение первых недель изыскания не продвинулись за черту территории факторий.

Полярных развлечений у нас сколько угодно. Охота на уток с ружьем, ловля уток при помощи рыболовной сети, купание в светлых озерах тундры, прогулки за бугры и озера, гулянье по гладкому, как паркет, берегу губы.

Для туриста и праздного человека у нас, как видите, не мало способов убить время на лоне ямальской природы. Побродить с ружьем и собакой по тундре, где копошится масса завидной пернатой дичи, — это уже громадное удовольствие.

Вместе с научным сотрудником Академии в том же красном чуме прибыл его неученый товарищ — высококвалифицированный рыбак из Астрахани Грибов. У него тоже исследовательские задания и цели. Рыбтрест послал его разведать, каковы рыбные промыслы на Тамбее.

Оба они — Грибов и Андрианов — ростом богатыри. И оба в едином направлении вели исследовательские работы. Грибов, олицетворяя собою „экспедицию“, затащил 80-саженный легкий неводок на озеро. Оно оказалось нерыбным. 2 недели этот неводок провалялся на берегу озера. У Грибова не нашлось средства переправить его на берег бухты, хотя весу в нем всего 50 кило.

Андрианов тоже „экспедиция“, но за месяц пребывания на фактории он не ударил пальцем о палец, чтобы разыскать Яунгатова кита.

Лишь в конце июля, когда прогулки по тундре и охота приелись, они вдвоем на лодке отправились вдоль берега губы на юг — в поисках рыбы и китообразного.

Андреанову больше повезло, чем Грибову. Он нашел-таки кита и увез в Академию несколько пудов жира и костей. Грибову же так и не удалось поймать в наших водах ни единой рыбы.

Экспедиционный туризм этих дорогооплачиваемых гастролеров Полярного круга не мало забавлял работников фактории. Особенно вначале. После к ним пригляделись.

Собственно, если рассуждать практически, никакого сотрудника Академии было не нужно, чтобы доставить в Академию несколько пудов хорошо законсервированного китового мяса. До Нового порта это легко и дешево выполнил бы сам Ермини Яунгат. Дальше довезла бы почта или транспортная контора. Полугодовые гастроли научного сотрудника отразились, пожалуй, только на бюджете Академии.

Почти то же можно сказать и о высококвалифицированном рыбаке.

Лишь по приезде к нам Лопарева, взявшего рыбака в крутой оборот — „Экспедиция Грибова“ стала давать показательные результаты в виде нескольких ведерок с мелкой селедкой. Мы это от души приветствовали.

ТРАГИЧЕСКИЙ КОНЕЦ АКСЕНОВА

Наш малечький людской муравейник на реке Тамбее взволнован вестями из Обдорска: бывший инструктор и позже заведующий факторией Аксенов ударом ножа в грудь заколол свою жену Валентину и, приняв большую дозу стрихнина, через несколько минут умер сам.

Прошное Аксеновой, судя по ее рассказам, темное, авантюристическое. Так что ее трагический конец представляется как бы естественным.

Как уже известно, из Нового порта Аксенова привезли для следствия обратно на нашу факторию, и снова попал он в Новый порт лишь в апреле. Валя же оставалась в Новом порту. Там она познакомилась с каким-то полярником и уехала с ним на оленях в Обдорск.

Когда Аксенов вернулся в Новый порт, он жену уже не застал, не нашел и вещей, большие запасы которых были сделаны супругами на нашей фактории — она их увезла с собой.

Догнал он жену в Обдорске, где и произошла трагедия.

ПРИХОД „МИКОЯНА“. НАША СМЕНА

Наконец-то 26 августа на Тамбейскую факторию пришел теплоход „Анастас Микоян“. Сразу все сроки укоротились и приобрели четкость. Определилось, например, что выгрузка промтоваров и хозяйственных грузов продлится 3 дня. Это значит, что „Микоян“ уйдет дальше на север, на другие фактории, приблизительно 28 августа вечером. Уполномоченный Комсеверпути т. М. П. Петухов твердо сказал, что 12 сен-

тября „Микоян“ должен прийти в Новый порт обратным рейсом из Гыдоямского залива. Но это мне не кажется ни четким, ни определенным. Петухов вообще увлекается чрезмерной краткостью сроков. Он, с одной стороны, странно учитывает морские мили, а с другой — забывает, что частые бури и циклоны не увеличивают скорость передвижения, а, наоборот, замедляют. Как я скупно ни обращаюсь с цифрами, но выкроить 12 сентября мне никак не удастся.

До мыса Дровяного полсуток пути, там выгрузка не меньше, чем у нас. Затем сутки до Гыдоямы. И там тоже простой в несколько дней.

На обратном рейсе предстоит встреча у мыса Дровяного с иностранными кораблями, с которых надо с борта на борт перегрузить товары. А затем уже к нам на Тамбей и от нас до Нового порта минимум 4 дня, как это можно уложить до 12 сентября, признаюсь, мне не ясно.

Но все же, как видите, сроки определились. С некоторым вероятием их можно учесть и фиксировать.

Не точно, конечно. Какая же может быть точность, когда 30 августа приходится вычеркнуть — случилась буря, и лихтер с грузами простоял без разгрузки. Такая же буря возможна и завтра в ходу на море — придется отстаиваться. Еще больше нашего славится штормами Карское море.

Не только наши полярные широты, а сравнительно смирный Иртыш подчас таит неожиданности. У села Чернолучья „Микояну“ в нынешний рейс пришлось задержаться на 10 дней из-за внезапного обмеления реки. Раньше этого не бывало.

В силу всех этих соображений я считаю срок 20 сентября более близким и вероятным для возвращения „Микояна“ на Тамбей. И уж исходя из этой даты можно предположительно наметить даты дальнейших наших этапов по пути следования по домам. Через 3—4 дня Новый порт. Дальше, на 4-е сутки Обдорск. Затем 10 дней пути до Тобольска. И, наконец, к середине октября, т. е. к концу сибирской навигации — в Омске.

Если по пути в Новый порт попадутся баржи, нуждающиеся в буксировке, то „Микоян“ будет сообразоваться лишь с конечными навигационными сроками и ни с какими другими. Он рискнет преодолеть в конечном итоге зимнюю шугу, но как буксир выполнит свой долг.

На фактории сталолюдно, хата наша сделалась тесной. Собственно смена штата немногочисленна. Приехал новый заведующий факторией, новый счетовод, кладовщик. Затем вместо Дорофеевой прибыл пекарь-мужчина. Васю Соболева сменил рабочий, и еще, кроме того, заброшены на факторию два охотника. Их обязанность организовать лов песца, охоту на волка и вообще на пушного зверя, даже на птицу.

Мне заместитель не приехал. Я сдам амбулаторию кому-либо из служащих, не имеющих отношения к медицине. Предполагается, что зимой из Нового порта приедет врач, который объездами будет обслуживать и Дровяной мыс и даже Гыдояму.

Я лично не представляю, насколько удачны будут такие об'езды. Мне они рисуются весьма затруднительными, сопряженными с большим риском. Чересчур велики расстояния, чересчур суров путь и убийственны этапные условия. С Гыдоямского залива уполномоченный З. Громацкий не сумел приехать к нам за весь год ни разу. А Громацкий — старый полярник, с многолетним стажем. Следовательно, думаю я, существуют значительные препятствия к такому путешествию, если Громацкий не выполнил обещания.

Впрочем, возможно в будущем все это переиначится.

Как бы ни было, а не дальше 20-х чисел сентября мы покидаем Тамбей.

Остаются вскормленные нами 19 собак, 6 свиней, милейший и добродушнейший кот васька.

Новый штат во многих отношениях будет поставлен в лучшие условия зимовки, нежели прожили мы. Им доставлено, например, 500 кубометров дров. Это не наши жалкие 4 поленицы по 10 кубометров каждая.

Тепло в хате — это первое условие полярного благополучия обеспечено.

Они не только сами вполне гарантированы, но могут снабжать дровами туземцев.

У них лучше будет поставлен промысел. Два охотника организуют лов зверя. Ведутся переговоры с промышленником-рыбаком, которому будет поручен зимний промысел рыбы. Это уже разнообразит времяпрепровождение работников фактории, даст интересную работу сотрудникам.

Улучшаются и жилищные условия. Зброшена деревянная изба-банька. Кроме того, привезли небольшой старый домишко, который расширит жилплощадь.

Вот в смысле промтоваров и продуктов питания, особенно так называемых экспортных, кажется дело обстоит хуже прошлогоднего. Мало галантереи, мало масла, и оно вдвое дороже.

Вообще товарных грузов прибыло на факторию значительно меньше, чем в прошлом году.

Вместе с дровами и с 10 тоннами угля лихтер выгрузил 5 паузков — небольшие барженки. Это очень немного, мы привезли грузов вдвое больше; факторию, конечно, не оставят без товаров, однако не исключена возможность зимней заброски на оленях.

Что особенно досадно — нет увязки в подборе и пополнении товарного ассортимента. Много кой-чего привезено нового, чего в прошлом году не было.

А, например, для ремонта прошлогодних чугунных печей не заброшено колосников. Старые колосники перегорели, их надо заменить — и нечем. Без колосников печи негодны к работе. Равным образом не привезли частей к имеющимся неисправным примусам. Как стояла в пыли без работы ножная швейная машина, так и будет дальше стоять — нехватящих частей не привезли. И так во многом. Нет согласованности в подборе необходимых хозяйственных предметов и товаров.

Все попорченное, неисправное, валяющееся грозит превратиться в хлам, в обыкновенное утиль-сырье.

Тогда как при некоторой хозяйственной внимательности, при своевременном ремонте все это было бы исправлено и получило бы полную ценность.

РАБОТА И РВАЧЕСТВО. „УПРАВЛЯТЬ — ПРЕДВИДЕТЬ“

31 августа в нашей бухте собралась целая флотилия. Пришел из Нового порта „Хронометр“. Он вновь направляется на остров Белый. Организуемая радиостанция требует крупных грузоотправок, и „Хронометру“, как говорят, придется еще в третий раз проделать в нынешнюю навигацию рейс к острову Белому.

Кроме „Хронометра“, на якорях стоят лихгер „Северопуть № 7“, „Микоян“, два паузка и целая серия больших и малых лодок.

Один паузок в прилив подошел слишком близко к берегу. Теперь в полном ходу отлив, и барженка плотно улеглась днищем на песке обнажившегося переката.

Грузчики, покончив с дровами, отдыхают в нашей пекарне, греются у чугунного камелька. Их много — человек 30. Как и в прошлом году, все это публика тертая. Их интересы сосредоточились на зарплате. Все разговоры вертятся вокруг расценок, количества причитающихся продуктов и промтоваров.

— А-ну, товарищи, кто отдохнул, давайте погрузим шкуры, — говорит заведующий факторией. — Плата отдельная, не касающаяся ваших выгрузок. А-ну, шевелись, ребята! Выходи, желающие!

Грузчики без торопливости поднимаются, надевают фуражки, перекидываются замечаниями:

— Погрузить — отчего не так. Надо договориться.

— У вас товара — эвона, сколько! Целая гора.

— Да, штука не малая — тут нужно разобраться.

— Так ведь все это легкое, — убеждает Удегов. — Вот здесь перо. Ты не гляди, что его бугор навален — в нем от силы 1000 килограммов весу. И шерсть, шкуры — пустяковый груз. Гляди, полгоры разом на плечи взвалишь!

— Ну, что ж, за триста рублей сгрузим на паузок.

— Ты с ума сошел, паренек. За что же здесь триста?

— Ого, эту гору только копни!

— Вот вам сто двадцать — и валяйте живо. Работы часа на два, а то и меньше. 120 даю!

— Какой дешевый выискался!

К спорящим подошел заведующий красным чумом Степанов. Он давно присматривался и прислушивался к разговорам грузчиков. Было видно, что ему, сознательному рабочему, тошно слушать рваческие рассуждения этой разношерстной компании.

— Давай-ка, т. Удегов, попробуем обойтись без этих рвачей, — сказал он заведующему. — Предложи-ка коллективу

гостям. За сто двадцать своими силами сносим груз на баржу. А эту шваль к чортовой матери.

Тотчас же и гости и сотрудники фактории мобилизовались.

Перо, пух, шерсть, шкуры — действительно оказались только на вид страшными и громоздкими. По тяжести это груз бутафорский, наподобие деревянных гирь циркового клоуна.

В час времени 12 человек, среди которых 3 женщины, переносили на паузок весь груз. Правда, промочили ноги, немного остудились в холодной воде.

Но это был хороший урок рвачам. Они толпились в хате у камелька, и по смущенным их разговорам ясно было видно: им стыдно, домашняя артель заставила этих хватов покраснеть и сбавить рваческий тон.

А полярная наша сторонка все продолжает диктовать собственные свои условия плохо обоснованным арифметическим выкладкам руководителя каравана т. Петухова.

„Управлять — значит предвидеть“. Утверждают, что это наполеоновский афоризм. Он замечательно верен. Уполномоченный Комсеверпути Петухов плохо предвидит, а в силу этого его управление хромает на обе ноги.

Весной мы получили через Новый порт телеграмму из Свердловска, подписанную Петуховым. Сообщалось, что пароход доставит нам грузы и смену штата в середине июля. Тов. Петухов организовал лично отправку этого каравана и в его распоряжении было широкое поле „предвидения“. На деле он опоздал чуть ли не на полтора месяца: вместо середины июля смена и товары прибыли на Тамбей в конце августа — 26 числа.

Также Петухов уверял, что выгрузка на Тамбее отнимет максимум 3 дня и что 28 вечером „Микоян“ уйдет дальше. Но сегодня 31-е число, а „Микоян“ продолжает стоять на якоре в нашей бухте.

„Предвидеть“, конечно, — талант, но далеко не всякому он дан.

И как-то не верится в предвидение т. Петухова, будто 12 сентября „Микоян“ будет уже в Новом порту.

Раньше 22-го теплоход, по-моему, никак не сумеет прийти в Новый порт, да и то в том лишь случае, если не произойдет продолжительных бурь или аварий.

Не взирая на то, что в этом году снабжение всех наших факторий менее сложно, чем прошлогоднее, грузов почти вдвое меньше, а опыт должен возрасти, так как это уже второй год работы — отсутствие дара „предвидеть“ тормозит дело.

В прошлом году к 1 сентября „Микоян“ уже обслужил все три фактории, всех высадил, все выгрузил и, возвращаясь в Омск, в этот день остановился у нашей фактории, чтобы забрать работавших у нас плотников. В 4 часа утра он ушел с Тамбея на юг.

Нынче в этот же самый день в 4 часа утра „Микоян“ также покинул наш рейд, но направился не к югу, а к северу. Снабжение факторий только началось.

Управлять делом да еще за Полярным кругом — штука не столь простая, как кажется.

Требуется уметь „предвидеть“.

Впереди у „Микояна“ фактория на мысу Дровяном. Туда должны прибыть иностранные суда, с которых будут перегружаться товары на наш лихтер.

Как увязано и в какой степени согласовано прибытие иностранных судов? Ведь это вопрос весьма деликатного свойства. Простой океанского парохода очень дорого стоит и притом в валюте. Здесь „предвидеть“ обстоятельства — вопрос шкурный, расценивающийся на фунты и доллары.

ОЛЕНЬЕ МЯСО, ПТИЦА И РЫБА

Начиная с весны, стал ощущаться недостаток в мясе. Главная причина этого, конечно, отсутствие хранилища. Зимой сохранить мясо просто: туши оленей лежали в складе. Весной мясо растаяло, потекло, стало портиться. Солонину есть не хотели — она способствует возникновению цынги.

Кроме того, весной трудно делать запасы свежей оленины, так как у оленей появляются свищи, глубоко проникающие в толщу мышц. Они делают мясо негодным для употребления. Запасы обыкновенно делаются зимой, когда свищей еще нет. Равным образом, зимой набивают и ледники для хранения мяса и других продуктов, но у нас ледника нет. И работники факторий, волей-неволей, сидели весной на урезанном пайке. Приходилось добывать рыбу и дичь. Уток, гусей, куропаток в тундре неисчислимое множество. Казалось бы, не стоило большого труда набить столько дичи, сколько надо для нашей маленькой артели.

Однако эта дичь в высокой степени увертлива. На озерах утки плавают десятками. Они не поднимаются с воды, не взлетают даже при стрельбе. И все же их не добудешь. Плынут к противоположному берегу, ныряют. Раненых не отличишь от прочих, и собаки не могут их выловить. В эту пору лучше других удастся охота с сетью. После обстрела озера, забрасывается неводная сеть и озеро протравливается до дна. В сеть попадает не только раненая птица, но и здоровая — вся, спасающаяся ныряньем под воду, оказывается в неводе.

Гуси попадаются одиночно. Это серьезная и очень осторожная птица. Охота на нее не легкая. Надо выследить потайные места, излюбленные гусем. В этих местах устраивается засада. Укрытием служат кочки, ямы, мшанник. Если гусь не видит охотника, он смело садится в облюбованном месте, пасется в траве, подходит к западне на очень близкое расстояние. Из Тозовки, не производящей при выстреле шума, птицу бьют, не вызывая никаких подозрений у других гусей. Они по одиночке приближаются к западне и по очереди падают. Случается, охотник набивает таким образом свыше десятка птиц. Равным образом, здесь в ходу ловля птицы „на петлю“ и капканом.

В большинстве „петля“ и капкан ставятся на гагу, но попадается и гусь.

Петля устраивается опять-таки на выслеженных заранее местах, где гаги любят отдыхать, гулять, пастись. Делается петля из конского волоса или из жил оленя. Она прикреплена к веревочной основе и стоймя укрыта в траве. Расчет основан на том, что птица, шагая в траве, попадает лапой в петлю, запутается, и веревка не пустит ее улететь.

Также действует и капкан.

Специальных птичьих капканов у нас нет — употребляли обыкновенные песцовые. Гуляя на ограниченном излюбленном пространстве, гага или гусь всегда рискуют ступить лапой в капкан, который автоматически захлопывается и ущемляет лапу.

Куропатки в летнем оперении.

Птица, попавшая в петлю или капкан, достается охотнику живая. В петле она невредима, в капкане — со сломанной ногой.

Нам попадали гаги. Это очень красивая птица. Нос ее имеет жировой нарост яркооранжевого цвета, похожий на великолепный венчик и придающий гаге величественный и нарядный вид.

Иногда попадаются гуси, но реже, как птица более осторожная.

Гаги ценны очень мягким пухом и прекрасным пером, годным для самых дорогих перин. На эту птицу туземцы организуют настоящие походы. Целыми семьями они выслеживают ее в тундре и ставят петлевые силки. Им удается добывать пух килограммами, что возможно лишь при массовой ловле. Вычислено, что 60—70 штук гаги дают один килограмм пуху. Мясо гаги туземцы едят.

От гуся и утки впрок идет главным образом мясо и перо. При этом перьевого покрова делится на наружный с жестким, крепким и крупным оперением, и внутренний — нежный, мягкий, пуховой слой — очень ценный.

У куропаток перо плохое: хотя и мелкое, но жесткое, острое, легко проникающее сквозь ткань наволочек.

Всю весну мы питались почти исключительно дичью. Били сами, хотя я не помню ни одной выдающейся по удаче охоты. У нас нет охотничьего опыта, и наши охотничьи навыки не годятся для тундровых условий. Гораздо удачнее охотятся туземцы. У них свои способы сетного и петлевого лова. И они лучше управляют с ружьем. Случалось, охотники — ненцы привозили на факторию по полусотне и больше битой птицы. Цена на нее невелика: по 75 к. за утку, по полтора рубля гусь. Мы брали у них дичь партиями и она была основной пищей.

Что касается рыбы, то до осени туземцы не умеют ее добывать.

В дальних озерах она есть, но оттуда ненцы не везут.

Вблизи же нас летом и весной рыбы не ловят. Осенью она появляется в главном рукаве Тамбея. Начиная с середины сентября, производится значительный улов селедки, омуля, чира, корюшки. Тогда туземцы везут нам десятки пудов. Улов идет до больших морозов. Когда река сковывается толстым льдом, промысел рыбы прекращается. Если бы его продолжали подо льдом, то возможно это дало бы хорошие результаты. Но туземцы такого лова не практикуют, по крайней мере на Тамбее. В будущую зиму здесь имеют в виду организовать промысел зимнего лова, подобно тому, как он ведется в Новом порту.

На губе рыбу вообще никто не ловит. По признакам она должна быть, так как в нашу бухту нередко заходят белуги, что считается верной приметой присутствия рыбы. Однако исследовательский отряд Рыбтреста, производя несколько пробных опытов, рыбы не нашел.

Мне это кажется странным. Прошлым летом у нас в брошенной на берегу сети запутался солидный чир в $3\frac{1}{2}$ кило весом, значит, рыба есть. Нужно лишь научиться, когда и как ее промыслить. Во время ли приливов, на глубоких ли местах или в мелких салмах. Все эти мелочи требуют серьезного изучения на практике. Наша бухта и рейд до открытой губы представляет собой огромное пространство воды, с разнообразным дном, различной глубиной и с неодинаковой соленостью воды, неодинаковым течением. Здесь рыба обязательно должна быть — надо лишь изучить отдельные места.

Именно для этой цели крайне полезен будет спец-рыбак, забрасываемый на факторию с будущей зимы. В течение ряда месяцев он будет бить проруби и ставить самоловы на осетра, сети на другую рыбу. Это в результате даст более или менее полное освоение Тамбейского рыбного промысла. Без подобных систематических исследовательских работ изучение района невыполнимо.

В несколько иные условия ставится охотничий промысел.

На факторию законтрактованы два промышленника, причем ими подписаны договоры на основе сдельной оплаты

Стандарты установлены обычные для полярной охоты: чайка по 45 к. штука с пером, тоже куропатка. Утка по 90 к. килограммового веса. Также гусь. Гага по 90 к. штука. Песец, лисица, белый полярный заяц, волк и прочий зверь по стандарту Пуштреста. Охотничьи припасы на льготно-экономических условиях себестоимости.

Эти детали договора, конечно, были бы вполне удовлетворительны. Но они требуют обязательно, чтобы промышленник работал без прогулов. Тогда выработка даст необходимую норму средней зарплаты.

На фактории пока-что этого нет. Охотники промышляют без какого-либо контроля. Выходят на работу, когда хотят. Чуть погода плоха — сидят дома. Само собою, выработки нет.

Чумы туземцев у рыбного озера.

Глядя из окошка на губу, охотники время от времени делают открытия:

— Тюлень! Гляди, тюлень!

Хватают ружья, бегут на берег. Действительно, шагах в двадцати — тюлень. Он высунул из воды морду и любопытными маленькими глазками осматривает берег и собравшийся народ. На солнце блестит его золотистая шерсть, мелькают пятна пестрой расцветки шкуры. От воды она лоснится и блестит в лучах солнца.

Охотники вразброд стреляют. Тюлень подпрыгивает, скрывается под водой, показывается снова уже на дальнем расстоянии. Видимо, его ранили, но защищенный толстой жировой броней он малочувствителен к пулевым ранам.

— Разве его этой пулей бьют? — говорит старый охотник Боровиков. — На тюленя надо винтовочный патрон. Вот тот достанет, куда требуется. А эта пулька ему нипочем.

Я смотрю на эту забаву с тюленем и припоминаю, что из полусотни вот таких же, как эта, охот на тюленя ничего не вышло и раньше. Так же зверь, возможно раненый, уплывал от берега. И думается, что если бы не пугать его выстрелами,

не встречать на берегу многолюдной гурьбой, то, может быть, этот любопытный, ленивый и сонный зверь вышел бы на берег или на отмель отдохнуть. Дать ему спокойно полежать, уснуть, и тогда бери его голыми руками, без пуль, без полундры.

Это замечательно, но с тюленями у нас много раз повторяется одна и та же история. Туземцы с любопытством следят, как мы на него охотимся и посмеиваются. Они-то отлично изучили, что тюленя легко взять только на лежке, в воде он увертлив и ловок — не хуже рыбы. Там его не взять.

Правда, со дня высадки с „Микояна“ на Тамбейской фактории прошло только две недели, однако не надо забывать, что август и сентябрь для охоты на птицу лучшее время. Наши

Морской заяц весом около 160 килограммов.

два охотника могли бы за эти полмесяца дать высокие показатели сдельной системы. Но для этого нужно минимум 8—10 часов проводить в тундре за озерами, в затонных тайниках, в поисках дичи, а не у печки. Вообще, охота — труд, а не прогулка, не гастроли туризма.

Как-то из-за перегородки ко мне донесся разговор наших двух охотников. Видимо, они разочарованы Ямалом. Дичь не бьется и выработки нет. Хотят оба уезжать во-свояси с обратным рейсом „Микояна“. Оно понятно. На охотничью работу приняты не спецы-промышленники, а любители. Один из них раньше был, кажется, дьяконом или дьячком и жил в местах, богатых дичью. Он более опытен.

Я такой финал считаю для них наиболее выгодным. Если в летнее время они не могут ничего добыть, то суровые условия зимнего промысла им будут уж совсем не по плечу. Они лишь зря потратят время и дорого обойдутся Комсеверпути, так как не сумеют оправдать своего пайка.

Вот если бы к ним был применен рабочий контроль, требующий выполнения известной нормы выработки, — тогда другое

дело. Тогда восход солнца застал бы их на промысле, и промысел дал бы результаты.

А сентябрь уже близок к средним числам. Сегодня десятое.

И удивительно, до чего нынешний сентябрь не похож на прошлогодний. В прошлом году это было прекрасное „бабье лето“. Солнце, тепло, отлично и зелено в тундре. Как-то само собой тянуло к озерам за мхом или травой. Помню, мы работали всегда на дворе. Я столярничал и плотничал у верстака возле хаты. Работал без полушубка, без верхней одежды в одной толстовке. Теперь об этом нечего и думать. Все дни ненастные, холодные, ветреные, с дождем. Губа бушует. Не только снаружи, но и в хате холодно, тянет людей к огоньку.

Таким же был август. Он совершенно не похож на прошлогодний. Не выдалось ни одного яркого дня, ни одного солнечного утра, когда бухта с ее мелями ослепляла бы глаз яркостью бликов и огнем солнечных красок.

В прошлом августе это было, нынче ни разу.

Нынешнему штату Ямал должен показаться мрачным, угрюмым.

И растительность тундры нета. Нет сочно-ярких красок зелени. Какая-то желто-коричневая пустыня.

Впрочем, песок пылит редко. Чаще он мокр и тяжким ковром лежит под ногами, пропитывая подошву сыростью.

ДЕФЕКТЫ СНАБЖЕНИЯ

Характерно, что и в нынешнем году для фактории Ямала не завезено абсолютно ничего противоцынготного. Ни свежего картофеля, ни овощей, ни луку, ни чесноку, ни фруктов.

А между тем, правление Комсеевпути, вероятно, осведомлено, что на обеих факториях по цынге было неблагополучно. На Тамбейской более тяжелый случай заболевания, на Дровяном — два случая, но сравнительно легкой формы.

Однако дело не в исходе отдельных заболеваний — дело в принципе. Нужно или нет бороться с цынгой? Если нужно, то без заброски витаминных продуктов борьба немыслима. Это должен помнить отдел снабжения. С этим необходимо считаться. От борьбы с этим страшным бичом Полярного севера никак не удастся отмахнуться.

И мне кажется, чем круче и резче поставить этот вопрос, тем меньше будет жертв.

В самом деле, неужели засылка на Ямал свежих овощей так затруднительна? Давайте разберемся.

„Микоян“ вышел из Омска 25 июля. Это разгар сибирского овощного сезона. Не надо ходить далеко от Омска. В 8 километрах вверх по Иртышу имеется совхоз № 43. Я служил в этом совхозе летом 1930 года и знаю, что по первому требованию, по вполне доступным ценам, огород этого совхоза снабдит любым количеством капусты, репы, брюквы, помидор, картофеля, лука, чеснока, укропа, моркови и прочих овощей.

Еще проще обратиться на огород городского кооператива: не только снабдят, но и уложат, упакуют, доставят на пристань.

В смысле стоимости и затрат ничего сногшибательного.

Равным образом, ничего чрезвычайного не было бы в том, если бы отдел снабжения заранее снесся с каким-либо садоводством нашего юга. На Украине тысячи десятин земли под садами. Любой садовод возьмет на себя труд упаковать и выслать несколько ящиков или корзин с свежими фруктами — черносливом, вишнями, яблоками, грушами. Для сношений есть справочники, имеются специальные адреса. Фрукты могут быть доставлены в сухом виде, что уже совсем упрощает доставку. То же самое с лимонами или апельсинами. Надо лишь чуть-чуть раскататься отделу снабжения.

Ставить своих полярных сотрудников в беспомощное положение нельзя. Нужно обеспечить им безопасность работы.

ПОЧТОВЫЙ ВОПРОС

Оторванность и полное отсутствие регулярной связи с остальным миром делают ямальское зимовье каким-то абсолютным изолятором.

Нет возможности сообщить в центр о своих нуждах, нет способов снестись, списаться. Из-за этого нарушается примитивнейшая согласованность работы.

Мы, например, совершенно не сумели передать центру списки предметов, которые нам нужны. Не сообщили, чтобы нам выслали печника, тогда как печи в наших домах испорчены и требуют ремонта. Не оповестили о том, какие хозяйственные вещи, приборы или части к приборам нам требуются. У нас, например, имеется мясорубка, но крестик от нее утерян. Новой же мясорубки не прислали и крестика также.

Весь следующий год штат сотрудников должен обходиться без молотого мяса. Нет плиты и нам ее не прислали и в этом году.

Это лишь отдельные примеры. Их много. Может быть снабженческий отдел сумел бы большинство нужд удовлетворить, если бы была возможность во-время его уведомить.

Вопрос об организации почтового сообщения очень острый и актуальнейший вопрос Ямала.

При точной регистрации туземного населения, при осведомленности тузсовета о передвижке ненецких чумов, всегда есть возможность наладить пересылку почтовых отправок от чума к чуму. С Тамбея к становищам на реке Се-Яга, от реки Се-Яга к Новому порту. Дальше почта с позапрошлой зимы функционирует.

Пока не было таких баз, как Тамбейская фактория, и таких учреждений, как тузсовет — почту было наладить некому, да, пожалуй, и не для чего. Теперь другое дело. Теперь постоянная регулярная связь абсолютно необходима. И при настойчивости, при добром желании лиц, руководящих здешней административной властью — дело это выполнимо без каких-либо чрезвычайных затрат и мероприятий.

Тем более, что у самих туземцев связь в тундре налажена прекрасно. Они с этим делом давно и отлично знакомы.

СБОРЫ В ДОРОГУ

Итак, „Микоян“ не сегодня-завтра придет с Карского моря и мы действительно покидаем Ямал.

С факторией и ее маленькими отрешенными от остального мира интересами так сжились, что не верится в близкий отъезд.

Не верится и туземцам. Они тоже привыкли к нам, не считают новый штат за хозяев. Со всеми нуждами обращаются к старому заведующему Удегову, а не к новому — Сергееву. Тот уже сдал факторию и дела, но они этого не хотят знать.

Мартим Яптик, наш старый друг, приезжает и несет уток и новые, только-что сшитые кисы либо Удегову, либо ко мне в амбулаторию, либо пекарю Дорофеевой. Новых людей он стесняется, в их присутствии робеет, не решается попросить чаю.

К новому штату и к новым порядкам туземцам придется наново привыкать.

У меня уже забит ящик, уложены чемоданы. Я аккуратно зашил в рогожу оленью шкуру, выделанную, мягкую и теплую, называемую на товарном языке „постелью“. Это действительно прекрасная постель — мягкая, теплая и удобная. Плохо лишь, что она у меня чуть-чуть подопрела при выделке и теперь волос ползет — лезет.

Кроме „постели“, я везу из-за Полярного округа женскую ягушку. Ягушка — меховая одежда, род шубы. Она надевается через голову, к ней пришит капюшон из теплого пушистого меха. У меня не было средств заказать новую ягушку, и я купил ношенную за 40 рублей.

Она сделана из меха оленьих ног. Это очень прочный мех, именуемый по товарной номенклатуре „камус“.

На ягушке камус подобран в оригинально расцвеченном узоре.

Она красива — моя ягушка.

Я мечтаю сделать из нея пальто мехом наружу. Это будет нарядное полярное пальто, которому не страшен никакой европейский мороз.

Неудобство моей ягушки в том, что до сих пор мне не удастся вытравить духа бывшей владелицы туземки. Этот дух крепок и терпок, напоминает по букету нашатырный спирт в смеси с запахом хорошо выдержанного вареного рака.

Его нет возможности уничтожить.

Я мыл мездру и шерсть меха с мылом. Сначала с простым, затем с туалетным. Не помогло. Когда она просохла и проветрилась на 50° морозе, я терпеливо и тщательно вымыл с обеих сторон раствором формалина, затем крепким раствором сулемы. Опять не помогло. Дух бывлой владелицы благоухал с прежней крепостью и терпкостью. Вот если бы нашему „Тэжэ“ узнать подобный секрет прочности запахов — он сразу бы обогатился и прославился на все европы.

Затем я последовательно мыл мездру со скипидаром, с жженой магнезией, протирал перекисью водорода, раствором резорцина, денатуратом и формалиновым спиртом крепостью 96°.

Дух остался. Теперь он потерял несколько в крепости и терпкости, но с настойчивостью напоминает о первоначальной хозяйке. И невольно мысль бежит в чум, к дымному огоньку камелька.

Сколько пота должна была источить из своего трудового тела это неведомая мне мать, жена и хозяйка, чтобы так прочно пропитать неподатливый жесткий камус! До чего трудна жизнь хозяйки кочевого чума! Ея мышцы все время в состоянии напряжения. И притом напряжения крайнего, выжимающего тот сорт пота, от которого почти невозможно по запаху отличить пот уставшей лошади.

У кочевых ямальцев, как и вообще у народов первобытной культуры, взгляд на женщину определенный: она работница прежде всего. Вся черная работа по содержанию чума, по хозяйству, по уходу за детьми, а порой и за оленьим стадом — лежит на женщине. Тут не супружество, а тирания патриархата.

И вся она целиком — эта тирания патриархата — как в зеркале, отразилась в терпком запахе моей ягушки. Я везу с собой исторически отраженную жизнь туземки, ее горькую женскую долю, выжимающую пот того запаха и той крепости, который напоминает запах и терпкость пота восточных рикш — людей, выполняющих лошадиную работу: везущих легковую колясочку с седоками. Европейцы, сидя в колясочке рикши, затыкают нос платком. Этот пот так и называется „букет рикши“.

Но оказывается, не надо зноя тропиков. В полярных широтах, в стуже ямальского чума, под оленьей ягушкой туземки, потовые железы способны работать столь же интенсивно и дают аромат, неотличимый от „букета рикши“.

Я имею в виду искоренить дух моей неведомой туземки при помощи тайн скорняжного ремесла. А если и скорняк окажется беспомощным — я заранее примирился с пожизненным напоминанием о том, как трудно жить, рожать, хозяйничать и быть верной женой в далеком ямальском чуме.

С мыса Дровяного пришел моторный катер „Ленинец“ и привез сведения о „Микояне“. Теплоход стоит и принимает грузы с иностранных пароходов. Выгружают большие машины, каждое место по 15—20 тонн весу и это создает задержку, так как краны лихтера не обладают большой мощностью.

Расчет Петухова относительно скорого возвращения теплохода не оправдался. Он закончит погрузку по предположению Лопарева лишь к 20 сентября. Таким образом и сроки нашего возвращения отодвигаются к зиме. Особого неудобства в этом не предвидится, однако ямальский сентябрь уже дает себя знать. По утрам довольно ощутительные заморозки, тундра белеет от инея. Дни холодные даже в хорошую погоду. И она — хорошая нас не балует.

В большинстве — ветер, дождь, ненастье. Это так надоело, что Омск — суровый сибирский Омск — вспоминается, точно

Крым или южная Одесса. Там солнце, там сентябрь и даже часть октября еще тепло. Из Семипалатинска прибыли горы арбузов и дынь. Там свежий картофель, свежая капуста, молоко. Там все, по чем мы соскучились за эти 14 полярных месяцев.

Суровый и неприветный Ямал надоед работникам фактории.

Мысль и мечтанья опережают „микоянов“ ход — бегут к родному очагу с неудержимой силой, помимо воли.

У меня болезнь отняла ноги. Они плохо ходят и сердце еще хуже работает.

Какая это обида — вернуться домой инвалидом! И притом не по собственной вине и не по вине природы — она создала тело прочным и выносливым. Инвалидность пришла, благодаря неудачно сложившимся условиям жизни и по причине отвратительного отношения снабженцев к своим обязанностям. Так сказать, за грехи чужого дяди.

НАРОЖДАЮЩИЕСЯ ПРОМЫСЛЫ

На „Ленинцѣ“ прибыл ихтиолог Юданов, закончивший исследовательские работы на севере Обской губы. Результаты работы весьма интересны. Оказывается, устье губы довольно богато рыбой. Там могут быть организованы промыслы мokusуна, селедки, камбалы и некоторых других пород северной рыбы. Осетра Юданов не встретил.

По соображениям этого настойчивого и опытного полярного рыбоисследователя, для эксплуатации северо-обских промыслов необходимо сбить местных промышленников-ненцев в артели, снабдить их рыболовными снастями. Забрасывать же специальные отряды рыбаков из центра нет расчета. Добыча не оправдывает затрат, так как дорогие сорта рыбы отсутствуют.

Тоже и у нас на Тамбее.

Только организация туземно-промышленных артелей даст рентабельный промысел.

Возможно ихтиолог прав.

Однако мне кажется странным это отсутствие приманчивого осетра. Прошлым летом, в наши неудачные опыты неводного лова на берегах фактории, мы находили в сетях осетровых мальков.

Следовательно, осетр здесь есть. Да и почему бы ему не быть, раз в Новом порту его видимо-невидимо. Новый порт от нас в 400 километрах и расположен в наших же или точнее в общих водах Обской губы.

Отличные показатели дало исследование зверобойных промыслов у мыса Дровяного.

Вот куда, по мнению Юданова, надо посылать, зверобойные отряды. Там масса тюленя, нерпы, белухи, морского зайца. Игра, так сказать, стоит свеч.

Рассказывают, что за короткий срок пребывания „Ленинца“ на Дровянѣ немногочисленным охотникам-зверобоям удалось убить двенадцать тюленей. При этом, надо отметить, добыча носила случайный характер. Правильной систематической охоты организовано не было.

Равным образом, там много белуги и прочих пород дельфина, промысел которых может дать отличные товарные итоги.

Разумеется, будет крайне интересно и показательно ознакомиться, какие результаты дала работа рыбо-зверобойного отряда Раевского в Гыдоямском заливе. Воды и побережье Гыдоямы смежны с мысом Дровяным и с проливом Малыгина. Это части одного и того же Карского моря. И если Раевскому удалось выполнить планы производственного задания, то ясно, что засылка подобных отрядов имеет смысл.

В будущем, подобные экспедиции организовать станет легче, по той простой причине, что по всему протяжению Обской губы имеются уже готовые базы снабжения и сношений с внешним миром. Это уже не будет далекое оторванное путешествие в полярные льды — по соседству впереди, сзади, справа и слева такую экспедицию будут окружать зимовья и поселки, населенные людьми, обитаемые. В случае несчастья помощь всегда под рукой. Мыс Дровяной имеет факторию. На островах Шокальского и на Сопочной Карге охотничьи и промысловые зимовья. На островах Диксон и Белом — радиостанции. В Гыдояме — фактория и целый поселок промышленников европейцев.

Работать станет веселей в соседстве с товарищами-полярниками.

Что касается организации туземных рыбопромышленных артелей, то это — вопрос, тесно увязанный с работой тузсовета.

Для успешной деятельности промысловых артелей, составленных из туземцев, необходимо Рыбтресту забросить штат опытных рыбаков-инструкторов. Чтобы добыча рыбы приносила артельщикам достаточный заработок, нужно поставить лов на известную высоту, применить новейшие методы и усовершенствованные орудия лова. То, что в этом отношении введено в Новом порту, на Тазовских и Обских промыслах, требуется ввести и в тузартелях. Это заботы Рыбтреста.

У туземцев способы рыбного промысла крайне примитивны и первобытны. Они не имеют ни средств, ни технического опыта для эксплуатации промыслов на широких началах. Их лов будет так мизерен и даст такие незначительные товарные результаты, что артельный труд не будет нормально компенсироваться.

Дело надо сразу ставить на правильные промысловые рельсы.

Удача заманит туземца. Если одна показательная артель даст хорошую выработку — о ней узнает вся тундра. В Тазовском и Новопортовском районах туземцы сами охотно идут в артель. Там уже испытанные по богатству промыслы. Нужно сделать так, чтобы и Тамбейская зона, и северная у мыса Дровяного сразу же внушили доверие.

Рыбтрест, начиная эти новые разработки, должен подготовить не только пловучие средства и материальную часть, но и кадры опытных рыбопромышленников для инструктажа артелей.

К сожалению, высококвалифицированные рыбаки не задерживаются надолго за Полярным кругом. По большей части они вербуются в Астрахани. Каспийские и астраханские рыбные промыслы дают наиболее знающих и испытанных работников в этой специальности. И инструкторский труд оплачивается на Севере довольно высоко, выше всякого другого. Помимо ставок, рыбо-инструктора получают еще крупные процентные премии с валовой выработки товарной рыбы.

И все же кадры их недостаточны. Это слабое место треста и при освоении новых промысловых районов ему надо обратить очень серьезное внимание на создание кадров.

VIII. ГОДОВЫЕ ИТОГИ

Обрастание. О собаках, свиньях и прочем. Сбор оленей. Охрана песка. Зоотехника и агрикультура. Рыбные посевы. Торф. Почта. Отъезд с факторши. — Концовка

ОБРАСТАНИЕ

При выезде из-за Полярного круга из года в год происходит одна и та же история: полярники везут домой множество всевозможного добра, не зная ни меры, ни совести.

Полярный паек вообще рассчитан с большой щедростью, дабы гарантировать людей от цынги. Но и помимо пайка, на факториях и на промыслах есть возможность добыть те продукты, которые в наши бедные экономные дни считаются дефицитными.

И вот полярник за год работы на Севере обрастает мешками и ящиками. Тут и мука, и крупа, и рис, и сахарный песок, и рафинад, и чай, и конфекты, и печенье, и сушеные фрукты, и масло, и балык, и икра и еще многое множество продуктов.

Все это в количествах, сплошь и рядом непомерных, таких, что само-собой рождается подозрение о спекуляции и мысль о рынке.

Бывает так, что одинокий служащий или рабочий везет свыше десятка ящиков и мешков. Случается, что иное „место“ такого „пассажира“ с трудом несут четыре здоровых грузчика.

Помимо продуктов весьма не редки попытки провоза мехов и даже дорогой валютной пушнины, относительно покупки и провоза которой существуют определенные правила, приравнивающие такой провоз к контрабанде.

Некоторым удается разными способами собрать сотни метров мануфактуры. Ее тоже довольно щедрыми нормами забрасывают полярникам, и при помощи скупки или другим путем некоторые умудряются набивать мануфактурой целые сундуки.

Все это ставит администрацию в необходимость производить контроль пассажирского багажа.

Под угрозой контроля аппетиты несколько смирятся, приходят в норму.

В сущности, такое непомерное обрастание вполне понятно. Нельзя забывать, что огромное большинство служащих и рабочих едет за Полярный круг по контрактному найму лишь

с целью хорошего заработка. До советизации и освоения дикого края им мало дела. Едут потому, что соблазнили выгодные условия, что хочется поправить дела, подкормиться, сделать сбережения.

Таких минимум 80 проц. из всех подписывающих контракт на Дальний Север. И вполне естественно, что в течение всего рабочего срока такой сотрудник только и думает, только и занят накоплением.

Если говорить правду, контрольные кордоны применяют крайне снисходительный взгляд на провоз багажа. Куль муки и десятки килограммов прочих продуктов пропускают с добродушием и усмешкой. Но к провозу пушнины строги и неуклонны. Тут никаких послаблений. Готовые вещи — кисы, малицу, шапку, одеяло или шубу — вези. Это, как фотографический снимок об интересном событии в жизни. Это — воспоминание о заполярной работе. Это, как черепаховый портсигар из Японии, флакон духов Коти из Парижа, пачка сигар из Гамбура, или шелковый халат из Китая. Память о ночных сияниях о непрерывном дне в течение четверти года, о ночи, продолжительностью в два месяца.

Но песцовые шкурки, но пешки в количестве большем, чем надо на шапку, но россомаший, медвежий или неблюевый мех — с этим уже шутки кончаются и начинается дело по Уголовному процессуальному кодексу.

Мы в эти последние дни сборов в дорогу заняты отсортировыванием вещей и продуктов. Что надо и следует взять, что составит только балласт, что удобно и что неудобно для провоза.

Багажа, действительно, набирается порядочно. У меня, например, один лишь ящик с книгами, канцелярией и разной домашней мелочью весит свыше 130 кило! Мануфактурой я не запасся, продуктов везу ровно столько, чтобы хватило на месяц пути, одежда, правда, есть, но ничего чрезвычайного — никаких многолетних запасов ни верхней одежды, ни белья. Все скромно и умеренно.

Сапоги, кисы, пимы, полушубок, ватная куртка, пара штанов, полдюжины белья. Из меха: ягушка, пара туфель, 12 штук камуса для ремонта ягушки, пара пешек на шапку и „постель“.

Вот и все.

И все же это составит не меньше 250 кило в пяти уместных местах багажа. Я с ужасом думаю о дороге от Омска до Ленинграда.

Помню, в девятнадцатом году мне пришлось съездить по служебно-провиантским делам из Питера в город Рогачев. Никогда раньше я не был в таких переделках. Все мои многолетие плаванья по морям, все скитания по Дальнему Востоку, Манчжурии, Монголии и Северному Китаю, все странствования пешком по Японии, по Цейлону — все потеряло остроту, все потускнело сравнительно с поездкой из Питера в Рогачев.

Достаточно сказать, что, спасая продовольственные казенные грузы от заградительных отрядов, я отдался под защиту кронштадтских моряков, так как и сам был военмором. И три раза попал в перестрелку, три раза пули из винтовок и пулеметов сверлили обшивку вагона, в котором я ехал.

Ни до, ни после этой служебной командировки мне не случалось ездить с большим багажом. Я боюсь большого багажа. Когда я был газетным корреспондентом, то весь багаж помещался в маленьком ручном саквояже. Эта упрощенная портативность выработалась в навык и мало-по-малу я сросся с ней. Отель все должен доставить. Пароход всем для меня необходимым великолепно снабжен и рассчитывает именно на то, что его пассажиры оставили кладовые и комоды дома.

И вот на старости лет, еще не владея после перенесенной болезни ногами, — четверть тонны багажа.

Судьба любит посмеяться!

Сколько я не перечитываю список вещей и продуктов, упакованных в двух ящиках, одном чемодане, одном вещевом и одном постельном мешках, сколько не стремлюсь что-то „сократить“, от чего-то избавиться — все напрасно.

250 кило будут погружены на „Микоян“ и последуют до Омска.

И до самого Ленинграда я не избавлюсь даже от половины груза.

Мои спутники, работники фактории, надо думать, заняты тем же беспокойством. Я отягчен багажом нисколько не больше других.

Иные из моих товарищей везут целый домашний скарб, до перьевых перин включительно. Обзавелись самоварами, кастрюлями, тазами, примусами, горой подушек. Это будет настоящее переселение.

Для полноты картины нехватает лишь коров, свиней и телят: живности у нас нет. Есть лишь у некоторых собаки и чучела полярных птиц.

Обложившись мешками, обставившись ящиками, мы, точно за прочными окопными брустверами, ждем „Микояна“.

Бывают минуты, когда мне кажется, что капитан парохода, увидев наши грузы, крикнет нам грозно:

— Вы что же, товарищи, с ума посходили, что ли! Куда я вас всуну со всем этим барахлом? Ай-да к чортовой матери! Эй, вахтенный! Не пускать их на пароход!

О СОБАКАХ, СВИНЬЯХ И ПРОЧЕМ

В нашем быту на Тамбейской фактории собаки играли большую роль.

Они часто грызлись между собой, устраивали в тесной хате целые сражения, мы их растаскивали за хвосты с опасностью быть искусанными.

Серый, „Роберт“, Барбос и Маяк — четыре здоровеннейших пса прожили всю зиму в теплой половине дома, вместе с десятью факторийцами и несколькими человеками, приехавшими к нам из Нового порта и прожившими ползимы.

Ведь это общеизвестно, что старые или стареющие женщины, не имеющие детей, переносят неистраченную способность к нежности на животных. У старых дев сплошь и рядом мы видим почти болезненную любовь к кошкам или собакам. Они их балуют, холят, откармливают до ожирения, лечат, носят в ветеринарные амбулатории.

Весь заложенный природой инстинкт материнства бездетная женщина отдает животным. Такие примеры не редки.

У нас на фактории есть две женщины, относящиеся к собакам с почти материнской нежностью.

Под покровительством Дорофеевой два пса — больной „Петрушка“ и глупый, вздорный, кастрированный маленький Серый.

„Петрушка“ от закармливания ожирел и хрипит. И мне кажется, у него туберкулез — кашляет днем и ночью, удушливо, с большим отделением мокроты.

Удеговой все псы, жившие в теплой половине дома, равнолюбимые. Она их сама кормит, сама ежедневно распределяет мясо, даже варит супы и соуса.

И всем обитателям хаты приходится бдительно следить, чтобы к Барбосу не подходила ни одна собака, чтобы кость, запрятанную Серым, не взял „Роберт“ или Маяк, чтобы пищевые или постельные интересы собак не столкнулись.

Когда Серый ест, мимо него не должен проходить ни один пес — будет драка. Если всегда привязанный к ножке стола Барбос вдруг отвязался, то происходит панический переполох — драка обязательно, так как Барбос хоть и слабее Серого, но храбрости непомерной и сразу набрасывается, стремясь ухватить за горло.

Серый не равнодушен к еде. За пищу — кость, кусок мяса, горбушку хлеба — он перервет горло и изуродует любую собаку фактории даже и в том случае, если та сильнее его.

Вообще в жизни, так сказать в мирном быту, Серый словно признает силу и первенство „Роберта“ — огромного черного пса, великолепного в упряжке. Но если уборщица вылила из ведра помой и все собаки бросились разнюхивать и искать в луже пищу, то никто не подходит. Серый у лужи первый и пока он все не обнюхает, не съест случайных отбросов мяса, не завладеет лакомой костью, он никого не допустит к этой луже. „Роберт“ силен и очень опасен в драке, но он не боец. „Роберт“ не трогает даже самого слабого пса, когда тот роется рядом с ним в отбросах. Серый, наоборот, не терпит никакого дележа и не признает ничьих прав. Его не любят и боятся все остальные собаки фактории.

Маяк — самая большая из собак фактории — сеттер-гордон. Он очень красив и, вероятно, силен, но он окультуренный пес и ни в каком случае не боец. Ему приходилось схватываться с Серым, и было ясно, что он сильнее. И все же из драки он выходил более потрепанным, чем наш старик.

Таковы наши старые псы.

За год „Сонька“ — единственная сука — два раза щенилась.

Первым щенкам теперь 10 месяцев. Кобелей три и все они будут здоровые ездовые собаки, ценные и, действительно, полярные — родились на Ямале.

Сучек четыре. Их, вероятно, приспособят для окарауливания оленьих стад или истребят.

Второй приплод — гладкошерстные, помесь дворняжки с гордоном — они, конечно, негодны для полярного климата.

А всех собак с молодыми у нас девятнадцать.

„Соньку“ стерегли и оберегали. За сроками следили и за несколько дней до щенения Удегова устраивала ее у себя под кроватью. Ни один щенок не пропал.

Девятнадцать — фактории совершенно ненужное количество. Если зимой на собаках будут возить только воду, то достаточно четырех.

Собаки нередко был причиной перекаров и даже ссёр в нашем быту. Собаку никто не имел права наказывать или выгнать из комнаты в сени.

Вообще в нашем быту установилось очень человеческое отношение к своре псов, а вот со свиньями мы поступали по-свински.

Никаких сроков поросности свиньи-машки никто не знал и никто этим не интересовался. И уже, конечно, никому не пришло в голову, что и машку, как „Соньку“, можно взять под кровать.

Машка опоросилась ночью в холодном хлеву. Принесла восемь штук породистых поросят, но пятерых утопила и раздавила в жидкой грязи хлева. Живыми утром нашли только трех. Двухмесячным поросенком одного продали на Гыдо-Ямскую факторию за 50 рублей, и я нахожу, что продешевили. К декабрю-январю это будут шестипудовые молодые боровки — то, что надо для наилучшего бекона. А через год они без откармливания дадут 12 пудов товарного веса, как их недавно заколотый отец.

Все это я рассказываю по той причине, что это очень характерно для быта нашей фактории.

Присматриваясь к новому штату, приехавшему нам на смену, я вывожу заключение, что в предстоящую зиму собакам на фактории будет жить хуже прошлогоднего. Им уже не дадут жить в хате, не позволят мочиться на углы переборок, не будут закармливать до той степени, когда пища выпирает из желудка и они вынуждены блевать здесь же между кроватями.

Все это, вместе с нашим отъездом, будет выброшено из быта.

И собак, я уверен, останется не девятнадцать, а ровно столько, сколько необходимо для работы. Этот вопрос уже теперь обсуждается нашими преемниками с точки зрения не простой забавы, а хозяйственной целесообразности.

Мне жаль „Петрушку“ — хороший и ласковый пес, но испорченный непомерной любовью — его ждет стрихнинная пилуля. Жаль Серого. Его тоже решили уничтожить. Он стар, и опытный

полярный глаз нового заведующего нашел, что он для извоза мало пригоден.

Зато молодые—Ямал, Торос и Морж будут прекрасными водовозами!

Мне жаль собак, и я рад за свиней: уж этим-то будет лучше прошлогоднего. Хозяйская практичность создаст им такие условия, что машка в следующий раз не задавит и не утопит в грязи ни одного поросенка.

А в быт, как я уже и сейчас вижу, вольются для нас неведомые человеческие взаимоотношения. Раз благополучие ездовой собаки не ставится выше благополучия человека, то так и должно быть: люди живут по-людски.

СБОР ОЛЕНЕЙ. ОХРАНА ПЕСЦА

Работники красного чума с секретарем тузсовета Ануфриевым после двухмесячной передышки вчера уехали с фактории.

Их задача — собрать законтрактованных оленей. Это дело не такое уж простое, отнюдь не легкое и хлопотное.

Начать с того, что весь план контрактиции в 5000 голов лег на 44 чума, видимо, случайно оказавшихся легко достигаемым для агента рика.

По исчислениям Ануфриева число середняков на Ямале 135, число кулацких чумов 35. Из этого общего количества в 170 чумов оленей дают только 44 чума. 126 чумов контрактиция не коснулась. Поэтому процент законтрактованных оленей из каждого стада значительно больше 10, и, видимо, сдача законтрактованных животных не пройдет гладко. К этому есть и другие соображения. Имеется распоряжение об обязательном введении среди туземцев пайковой нормы продуктов питания. Эта мера в тундре проводится впервые. До сих пор ямальцы покупали на фактории столько хлеба, сколько хотели.

Ежемесячный паек в 18 кило на члена семьи словно бы и достаточен. Но это уже не „сколько угодно“. Также чай, сахар, масло и прочее.

Кроме того, цены на все продукты в этом году возросли, а на оленей остались те же. Раздвинулись ножницы расценки.

Кулак и шаман такого случая, конечно, не упустят, попытаются использовать для увиливания от сдачи оленей.

Тузсовет, предвидя возможные затруднения, мобилизовал и бросил в тундру весь наличный актив совработников. В первую голову — красный чум под руководством секретаря Ануфриева.

Уехали с твердой уверенностью, что все трудности они преодолеют.

Хотя ноги мне еще не служат как следует, однако я взял палку и поплелся в тундру попрощаться с озерами, сенокосными полянками, с оврагами и буграми.

Шел, смотрел и думал:

— До чего все-таки тундра однообразна, сурова и неприветлива. С бугра глядишь — трава, увалы, пестрота расцветки. Там осока, здесь ягель; на склонах, на солнышке — цветы

Словно есть что посмотреть, есть чем полюбоваться, есть на чем остановить любознательное исследовательское внимание. А когда идешь и нога все время тонет в насыщенном водой мху, когда топкие низины сменяются голым бугром, лысым и неприятным, на котором лишь здоровее пробирает холодный ветер, то ясно видно, что все это одно и то же, и вся тундра не дает ни глазу, ни любознательной мысли, ни исследовательской настойчивости почти никакого материала.

Уголок тундры.

Лысо, голо, мокро.

Большое оживление вносят в пейзаж озера, обросшие осокой.

Они, как зеркала, блестят на солнце, и их тихо плещущиеся воды сулят что-то своей таинственной глубиной.

Знакомая нам территория очень невелика: пяти-шестикилометровая зона фактории.

К водоразделу, конечно, тундра интереснее и для туриста, и для исследователя, и для промышленника. Там больше красок, больше объектов, заслуживающих пристального внимания и изучения, больше зверя, рыбы и птицы.

А у нас однообразие.

Вот бугор, с которого видны постройки фактории, виден кусок бухты и открыт далекий тундровый горизонт. Резко бросается в глаза большой и широкий лаз в подземную нору. Здесь прошлым летом Мартин Яптик разрыл песцовое гнездо и нашел четырнадцать щенков-крестоватиков. Он всех захватил вместе с матерью. Три звереныша живые, остальные убиты палкой, капканами. Из этой норы было до десяти выходов в

разных сторонах бугра. Под землей целый лабиринт коридоров и логовищ. Мартин Яптик потратил две недели на выслеживание и блокаду песцовой семьи.

Теперь это развалины. Разрытый главный ход в нору покрывается травой. Отверстие до метра в диаметре зияет могильной пустотой.

Я присел возле разрушенной норы, и долго не хотелось подниматься. Словно попал на свежие развалины знакомого жилья. Копошилось грустное чувство, шли грустные размышления.

Да, песца зверски и безрассудно уничтожают. А если прекратится песцовый промысел, то во сколько раз, в какой мере потеряет ценность и прелесть Ямальская тундра для ненца!

Они — эти беспечные и не умеющие предвидеть дети севера — даже не понимают, как потускнеет их существование, когда с Ямала исчезнет последний белый пушистый зверек!

Этот вопрос заслуживает самой широкой, самой активной пропаганды.

14 истребленных крестоватиков-щенок — это серьезная рана пушному промыслу. Но ведь их бьется на Ямале не 14, а, как говорят здешние знатоки, свыше 4000 штук в лето!

Это уже форменное истребление зверя.

И если повести агитацию, если найти способы убедить туземцев, то истребление прекратится. Они в отношении оленеводства уже освоились с правилами охранения. Поняли пользу улучшения племенных качеств стада.

Ветеринария и зоотехника уже сумела внедрить в быт ненца начала рационального разведения и охранения стад.

То же самое надо провести и по отношению к песцу.

ЗООТЕХНИКА И АГРИКУЛЬТУРА

Вчера на коллективном собрании интересный доклад сделал районный ветеринар т. Киселев. Говорил, какая и откуда грозит опасность стадам туземных оленей. Какие меры профилактики должны быть приняты в местах пастбищ трестовских оленей. И что следует предпринять сборщикам законтрактованных оленей в нынешнем году, когда соберется в одном месте до пяти тысяч голов.

Оказывается, еще месяц тому назад из округа в нашу тундру выехала зоотехническая и ветеринарная научная экспедиция в составе 13 человек.

До сих пор они к нам не прибыли, хотя о их выезде на Ямал имеется телеграфное извещение.

Вероятно, обследуют кочевья в южной части полуострова и на западной стороне водораздела.

Тов. Киселев — районный работник, участковый ветеринар. ЖалуетсЯ на малое сочувствие и неотзывчивость центра к нуждам нашей тундры.

Его замыслы и намеченный план работы широки, но средств к выполнению недостаточно и в ассигнованиях отказывают.

Кроме того, требуется общественная работа и самодеятельность.

На нашей фактории избран общественный вет-инспектор. Его работа заключается в санитарном надзоре, в пропаганде необходимых сведений по зоотехнике, в организации общественного контроля за местами пастбищ, в регистрации замеченных очагов эпизоотий.

Программу и план общественной работы т. Киселев подробно разработал и преподал вет-инспектору.

Вообще проведенная под инструктажем этого работника кампания всколыхнула наш коллектив. Решено вопросами зоотехники серьезно заняться, привлечь туземную массу к актив-

Больной олень.

ной работе по охране стад от повальных болезней. Решено провести ряд массовых бесед по ветпросвещению. Потребуется произвести обезд чумов и делать периодически собрания при фактории.

Словом, намечены большие перспективы, но как они будут выполнены — неизвестно. А между тем борьба с такими эпизоотиями, как сибирская язва или копытка, требует систематической непрерывной работы.

Опустошения, которые делают эти болезни в туземных стадах, огромны и труднопоправимы.

Вот что пишет исследователь Ямала В. П. Евладов:

„В 1913 году в Гыдоямской тундре на правом берегу Обской губы был падеж: идет крупное стадо, олени тянутся друг за

другом и ежеминутно падают. То шарахнется олень в сторону, остолбенеет, диким образом раскроет глаза и грохнется на землю, то вдруг запрокинет назад голову, — ветвистые рога делят на спину, ноги подломятся, и олень падает. От 1000 голов за полдня падежа у ненца Векуиты осталось три оленя. А в два дня на глазах рассказавшего эту историю пало 18 тысяч голов.

Самоеды в панике бегут от сибирки, прогоняя оленей вплавь через воду, но болезнь гонится по пятам. Выходит хозяин утром из чума и видит: валяется половина стада на земле. Сжигать или закапывать трупы некогда. Они разлагаются, разносят заразу.

На берегу озера Ней-те стоит чум. Стоит он уже несколько лет. Покрышки давно истлели и рассыпаются от прикосновения. В чуме лежат люди. Над костром, который когда-то весело трещал, висит чайник. Неосторожная семья ела мясо павших от сибирки оленей. Чум сеет молчаливую панику вокруг, и туземцы, далеко завидев его, сворачивают в сторону". („В тундрах Ямала", изд. 1930г.).

О копытке Евладов говорит, что она хотя и не так страшна, как сибирская язва, но в 1928 году и копытка сумела унести 19% из всех пораженных ею стад.

В заключение он малоутешительно добавляет:

„Никакой борьбы с этими и другими болезнями ненцы не ведут, да и наука не знает верного способа борьбы с ними".

В настоящее время краевые кадры научных работников встали на помощь далекому некультурному туземцу. Едут экспедиции, трудятся спецы района, работает сектор общественности.

По агрикультуре делается значительно меньше. Например, на наших факториях не произведено ни одного опыта с огородными посадками, не был даже поднят ни разу этот вопрос.

Словно всеми молчаливо принято, что в здешних климатических условиях никакие попытки не дадут удовлетворительных результатов.

Не попробовали делать ни комнатной рассады, ни парниковых грядок, ни натуральных насаждений.

А между тем, нельзя пожаловаться на солнце. В весенние месяцы и в начале летнего периода его было у нас очень много. Круглые сутки оно не исчезало с горизонта.

Есть специальные сорта быстро вызревающих овощей. Опыты с ними, с одной стороны, не составили бы особых затруднений для нашего коллектива, а с другой — дали бы осязательные показатели: что в этой области доступно сделать на Ямале.

Однако здесь, как и во многом другом, у нас нет, во-первых, инструктажа, и главное, нет ни семян, ни соответственных удобрений, ни средств на этот предмет, ни орудий для обработки земли.

Все это ждет своей раскочки и своих толкачей. Без них работники фактории только теоретически мечтают о полярной агрикультуре, практически же беспомощны.

Осматривая, гуляя или работая вблизи тундровых озер, окружающих нашу факторию, я постоянно интересовался их глубиной. Большинство озер мелкие — метр, полтора метра. Можно вброд перейти в любом направлении. Площадью иногда они довольно обширны — занимают 5—10 гектаров, но глубина сплошь незначительна.

Однако среди двух десятков ближних озер есть три-четыре довольно глубоких. Так, то озерко, из которого мы брали воду зимой, имеет глубину местами свыше 5 метров. Всю зиму вода была свежая, без какого-либо запаха или привкуса, прозрачная и чистая. В таком озере, конечно, свободно и легко могла бы зимовать рыба. А между тем, сколько мы ни делали проб, не нашли ни единой рыбешки. Какие-то маленькие мальки плавают стайками, но они напоминают скорее головастиков, чем рыбу. Однако это служит указанием, что вода не мертва. Обшарили многие ямы, протралили сетями все озеро до дна — рыбы нет.

Точно такие же безрыбные и все остальные глубокие озерки окружающей нас тундры.

Мне кажется, вот замечательная область для приложения новейшей техники искусственного разведения рыбы. Вот куда специально следовало бы направить работу заезжих научных специалистов Рыбтреста.

Я спрашивал ихтиолога т. Юданова: какие перспективы намечаются в этой области? Он ничего не сумел мне ответить. Видимо, в плане ближайших работ научно-исследовательского отдела Рыбтрестовской организации такое обсеменение водной целины абсолютно не предусмотрено. И это большой пробел.

Эта область — создание новых водоемов для рыбного промысла на Ямальском полуострове — имеет предпосылки для отличного развития. Таких озер, как наши, здесь тысячи, а возможно десятки тысяч. Они рассыпаны по всей тундре. Их размеры невелики — от двух до пяти гектаров водной площади. Редко они достигают 10 гектаров. Но числом их очень много. Вокруг фактории нами хорошо освоена зона километров на 6—7 по радиусу и осмотрено не меньше двадцати озер. Прошлой осенью мы с Соболевым заехали километров на 12—15 на запад. За второй грядой холмов нам открылся вид на цепь таких же озер-прудов, как наши. Они совершенно изолированы друг от друга и блестят на солнце, как ряд шлифованных зеркал.

Мы не поехали в эту долину, так как спешили домой. Но такое обилие водоемов в здешней тундре обычно. Разумеется разведение рыбы надо производить только в глубоких. Их сравнительно меньше, чем мелководных. Требуется предварительный тщательный промер и обследование каждого пруда и точное обозначение его на карте.

Этот вопрос заслуживает засылки сюда специальной озерной экспедиции, снабженной запасами мальков и икры.

Когда эти тундровые водоемы закишат рыбой, тундра даст совершенно новый объективный стимул для объединения кочевых чумов в колхозы.

Эти искусственно созданные рыбные промыслы могут быть специально предназначены для колхозов — будущих туземно-рыбачьих колхозов. Это, так сказать, явится колхозным фондом. Все затраты по такой организации новых промыслов в конечном итоге эксплуатирующие артели промышленников оплатят.

Но предварительные изыскания и технические работы по обсеменению озер, конечно, должны взять на себя краевые Рыбтрестовские организации.

Ведь можно при настойчивости сделать так, что на всем Ямале не останется ни одного озера без рыбы. Конечно, такого, которое пригодно для зимовки. Промерзающие до дна не в счет — им так и суждено лежать мертвыми. Глубокие же должны быть использованы все до одного.

Это очень широкая задача. Все озера составляют в совокупности огромную площадь воды. И если развести только наиболее ценные сорта товарной рыбы, то это создает богатейшие промыслы.

Вопрос — стоящий внимания!

Лично я, пробыв на Ямальском полуострове больше года, пришел к заключению, что творческую энергию инициативных работников фактории следует направить по трем линиям достижений. Все три организационные:

1. Точное обследование и изучение торфяных залежей: выявление качеств торфа, определение степени их калорийности, учет мощности пластов, открытие пригодных для разработки мест и т. д. Всю работу надо проделать под специальным руководством соответственного техника-инструктора. В результате это дело сулит развернуться в широкое предприятие государственного значения.

2. Орыбнение мертвых тундровых озерных и прудовых водных площадей.

Здесь также широкий простор инициативному рабочему творчеству. Открытиям исследователей предоставлены необъятные горизонты. Если все площади тундровых водоемов сделать товарно-промысловыми, то в настоящий момент трудно даже предсказать, какие это даст промышленные итоги. Работа захватывающая и чрезвычайно благодарная, способная дать удовлетворение кипуче-деятельному уму.

3. Организация почтово-транспортной, авиационной и радионной связи этой окраины с центрами.

Здесь никаких открытий Америки не предвидится, но настойчивость в ходе работы требуется самая серьезная. Настойчивость и плановость.

Вот три русла, по которым в будущем прежде всего должны быть направлены искания новых людей, забрасываемых на Ямал из центров. На месте, на фактории, в тундре планы организации исследовательских работ могут быть отлично и исчерпывающе составлены. И выполнение их пойдет в тесной

увязке с той степенью настойчивости, какую работники факторий проявят.

Эти мероприятия обещают очень широкие перспективы, сулящие крупную помощь нашей очередной пятилетке.

ОТЕЗД С ФАКТОРИИ. КОНЦОВКА

19 сентября мы, наконец, дождались „Микояна“. Лихтер „Северопуть“ № 7 прибыл загруженный машинами и частями машин, доставленных из-за границы. Какие-то тяжелые ковши, рамы, части механизмов, наглухо упакованные в огромные ящики. На всем английские клейма и медные доски с обозначением фабрики и веса.

„Микоян“ возвращается из-за Полярного круга. На корме „обрастание“ осетрами.

Есть отдельные грузы в 18—19 тонн. Один кран на лихтере, одолевая эти крупные тяжести, расшатался в основании и нуждается в ремонте.

Поздно вечером штат нашей фактории начал перебираться — кто на „Микоян“, кто на „Северопуть“.

К лодкам пришлось идти по воде. Пока уселись, вымокли насквозь. Вода ледяная, ветер тоже холодный — ванна в высокой степени неприятная.

Но это уже последние полярные испытания.

На лихтере все места заняты, кубрики и каюты переполнены доотказу. Нас — последних пассажиров с Ямала — некуда поместить. И конечно, со стороны ответственных руководителей каравана никакой заботы о людях не проявлено. В этом отношении комсеверпутьцы побили все рекорды: небрежней их к рабочим и служащим не относится ни одна полярная организация. Такая репутация за Комсеверпутем установилась прочно и непререкаемо.

Однако у людей, раз'езжающихся по домам после года полярных испытаний, вызвать серьезное озлобление трудно — только вези и скорей. Не все ли равно? Одной неприятностью

или одним мытарством больше или меньше, стоит ли останавливаться на таких пустяках, как отсутствие койки. Трюм, так трюм — только скорей вези.

Полярника не удивишь сквозняком холодного трюма. Проведенный по соседству с Карским морем год дал в смысле сквозняков такую закалку, что для некоторых и трюм — помещение хоть куда.

К сожалению, далеко не все благополучно возвращаются из-за Полярного круга. Например, на фактории Дровяного мыса лишь несколько дней назад потонули двое охотников. Люди молодые, отважные, они отплыли далеко от берега в маленьких туземных калганках и погибли. Вода Обской губы зловеще холодная. Спасаться здесь трудно. Тело мгновенно пронизывается мертвящей температурой воды. Мышцы сводит судорогой, сердце отказывается работать.

И не только в Обской губе, а в Енисее, уже почти приехав домой в Красноярск, погибли также двое служащих рыбо-зверобойного отряда. Отработали год в Гыдоюме, доехали чуть ли не к самому дому — и потонули.

Рассказы об этих очередных несчастиях омрачили наше возвращение.

„Микояну“ приходится напрягать все силы: от Тазовской губы к каравану прибавился еще один лихтер и баржа. Затем на разных остановках еще две баржи. По пути вся эта громоздкая посуда грузилась то дровами, то бревнами, то товарами.

Почти весь караван идет с предельной загруженностью. „Микоян“ тащит, мощность его огромна, но любая сила имеет свои пределы. Теплоход, преодолевая встречное течение реки, делает по Оби еле-еле 6 километров в час.

На Иртыше нас встретила высланная на помощь „Пятилетка“. Она, как говорят, мало уступает по мощности „Микояну“. Половину буксируемого каравана передали ей и пошли ходче.

В этом году навигация затянулась. Мы были в пути от Ямала до Омска ровно месяц — день-в-день. И застали отличную теплую погоду. Греет солнце, в ватной одежде жарко ходить. Полярное зимовье с каждодневными ненастьями, бурями, с мертвящим дыханием вечных льдов — отодвинулось в область воспоминаний.

И скажу по совести, нет в этих воспоминаниях ни ужаса, ни трепета, ни ожесточенности. Случись вновь интересная работа, которая поманила бы, — я, ни минуты не задумываясь, опять поехал бы за 67-й градус северной широты. Но уже теперь, наученный опытом, я многое предусмотрел бы.

Целый ряд ошибок, испытаний и неприятностей, пережитых за Полярным кругом, могли быть устранены. Для этого надо лишь знать: в чем именно они заключаются. И вот если эта моя книжка поможет кому-либо из едущих на Крайний Север разобраться в тамошней обстановке, если она передаст хотя бы часть усвоенного нами опыта, я буду удовлетворен — значит, большую долю взятой на себя задачи я честно выполнил.